

Начало века

2025

№ 4

Литературный и краеведческий журнал

НАЧАЛО ВЕКА 2025/4

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий ИВАНОВ
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Софья РУБАКОВА
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: kryukov-49@mail.ru

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>
<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке: фотоэтиюд Валентины
Половниковой, члена Союза фото-
художников России.

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

12+

ПРОЗА

Галина КЛИМОВСКАЯ
Дело о котлетах 2

ЮБИЛЕЙ

Валентина ЗАРУБИНА
Зачем человеку память? 16
Владимир КРЮКОВ
Большая жизнь 20
Степан КЛИМОВ
Смены-перемены 26

ПОЭЗИЯ

Тимофей ЗАНИН 33
Анфиса ТРЕТЬЯКОВА 36
Елена ЛАНКИНА 41

ПРОЗА

Владимир МАНИЛОВ
Пустырь 42
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ
Поклон добросовестному санитару 45
Яна ФИЛАР
Рассказы 51
Анна ДАНИЛОВА
Мёд поэзии 58
Наталья ТУРАШЕВА
Миниатюры 67
Александр ТАРАЗАНОВ
Черемошинские истории 69

ДАТА

Григорий КРУЖКОВ 77

ПРОЗА

Татьяна ПРОКОПЬЕВА
Вера Павловна 85
Павел РУБАНОВ
Выход № 2 89

ПАМЯТЬ

Юрий КЛЮЧНИКОВ 95
Роман НИЗАМИЕВ 104

ПРОЗА

Сергей ВАСИЛЬЕВ
Рассказы 112
Сергей ЛУШНИКОВ
Склероз 133

КРАЕВЕДЕНИЕ

Наталья БУХАРОВА
Россыпи писательского таланта
(Фестиваль «Марковская осень – 25») 137
Сергей ТОЛСТОВ
«Откуда есть пошло» Асино 141

ОТЗЫВ

«Поэтическое мастерство
Сергея Есенина» 156
АВТОРЫ НОМЕРА 157

Галина Климовская

ДЕЛО О КОТЛЕТАХ

В ноябре одного из самых лихих – 1993-го – года в Петербурге был задуман и осуществлен съезд демократической интеллигенции России.

Поскольку политическая программа этого съезда и ее реализация будут иметь прямое отношение к событиям гораздо менее эпохальным – встреча друзей юности, даже, как это ни странно, к такой реалии, как котлеты, имеет смысл в самом начале этого повествования сказать несколько слов (строк) об этой программе – так сказать, освежить память.

Российская демократия того времени в качестве экономического базиса государства полагала рыночную экономику, основанную на частной собственности на орудия и средства производства и распределение продуктов производства на основе спроса и предложения. Все это – в отличие от прежнего централизованного государственного планирования производства и потребления продуктов производства. Новой экономической доктрине соответствовало так называемое новое мышление, в основе которого лежит плюрализм мнений по всем вопросам жизни – при приоритете принятого закона (разрешено все, что не запрещено законом) и гласность как доступность существенной информации каждому члену общества.

Становление нового мышления протекало во многих и разных борениях, были его сторонники и оппоненты. Вот его сторонники и были демократами. Сформировалось крыло демократического движения и в нашем городе. В какой-то момент к нему примкнула и я.

И в ноябре 1993 года в томское региональное отделение «Союза правых сил» из Петербурга прислали несколько мандатов на предстоящий «Съезд демократической интеллигенции». Один из этих мандатов достался мне. И оказалось очень кстати, что основной курс лекций, который я читала в университете, начинался только в феврале будущего года, а моими многими домашними обязанностями, главная из которых – шеф-повар на нашей семейной кухне, пришлось пренебречь.

Однако в самом начале этого повествования надо признаться, что при всем при том, что сказано выше, главной целью моей тогдашней поездки в Петербург был не этот съезд, а возможность под очень благовидным предлогом лишний раз повидаться с моей еще студенческой и на всю жизнь подружкой Валей, уже давно по распоряжению судьбы живущей именно в Петербурге.

Предстоящий съезд оплачивал своим делегатам дорогу в оба конца, но в таком режиме: до Петербурга надо было долететь на собственные три тысячи рублей, а там делегатам выплачивали все шесть обещанных тысяч. Своих трех тысяч у меня безнадежно не было, но одним из членов нашего томского демократического крыла был ректор одного из вузов. Вот по его звонку бухгалтерия этого вуза – просто так, из рук в руки, без расписки – и выдала мне

эти вожделенные три тысячи, но, разумеется, с предполагаемым возвратом... Да, уж если судьба благоволит нам в чем-то, то предусматривает всё...

Но так или иначе, вот я в очередной раз на берегах Невы, в гостях у Вали – в ее квартирке, расположившейся в приметном месте: в Минском переулке, в двух шагах от его пересечения с проспектом Декабристов, а следовательно, в двух же шагах от Мариинского театра, «блоковской» аптеки («День. Улица. Фонарь. Аптека...») и Крюкова моста, удостоившегося поэтического упоминания, надо полагать, только в одном из моих стихов («И Крюков мост меня уводит всё к той же Пряжке и не к той». «Пряжка» – в давние времена – вроде как парковка для конных экипажей, как раз под окнами тогдашней квартиры, а теперь музея Александра Блока, только поэтому и вошедшая (Пряжка, то есть) в историю...)

Я добралась до Вали уже поздно вечером, на завтра предстояло присутствовать на съезде демократической интеллигенции, а сперва еще разыскать его. Поэтому наша встреча с Валею протекала в сжатом, а точнее даже смятом режиме: обнялись, Валя, как всегда, всхлипнула при виде «замотанной» меня («Какой еще съезд?.. Без тебя не съедутся...»), попили чайку с чем бог послал – и всё.

В том году в Петербурге стояла затянувшаяся холодная осень, снег то сменял ледяной дождь, то они объединяли усилия под сильным ветром. Искомый мной съезд предполагался в районе новостроек, на краю города, добраться туда по адресу, указанному в мандате, было выше моих умственных и физических возможностей. Пришлось воспользоваться услугами такси, так еще и таксист минуты три разговаривал сам с собой, пока сообразил, где это.

Но вот оно, безутешное в своей архитектурной простоте (уж точно хуже воровства), здание какого-то новоиспеченного вуза, приютившего наш съезд. Чтобы войти в него (здание) через огромную, как у трамвайного депо, дверь, пришлось подождать кого-нибудь из делегатов-мужчин.

Но наконец я внутри этого здания – и на съезде. И тут меня ожидала маленькая, но приятность: прямо посреди гардеробного фойе расположился стол, за которым приезжим делегатам выдавали вожделенные шесть тысяч на проезд сюда и обратно. А за стоящим рядом столом принимали заказы на авиабилеты на обратный путь. Это внушало доверие – к съезду и вообще.

А вот и вузовский актовъ зал, превращенный в зал нашего съезда. На сцене – стол президиума, трибуна для докладчиков, оснащенная микрофоном (увы, очень несовершенным), из которого пока что, перед началом, еле слышно звучит песня на стихи Арсения Тарковского, ставшая в те годы чем-то вроде демократического гимна: «Вот и лето прошло, словно и не бывало. На пригреве тепло, только этого мало...».

Наконец в президиуме постучали чем-то по чему-то: съезд начался. Но... Мои к тому времени уже серьезные проблемы со слухом и безобразная акустика в зале лишили меня возможности расслышать и потом донести до других содержание выступлений делегатов. Большой или меньший успех этих выступлений я могла оценить по, так сказать, накалу аплодисментов, завершавших эти выступления.

А время между тем, как в песне, шло себе и шло. И в какой-то момент я на-

чала понимать, что что-то не так: ведь не только я устала, а перерыв почему-то не объявляют. И вообще в приглашении обещали обед... И тут из президиума объявили, что съезд, собственно, закончился, так как многие иногородние делегаты не смогли приехать, но собравшихся ожидает обед в столовой – слева по выходе из зала заседаний...

Я очень хотела есть. И вообще – приглашают же... Я вошла в эту столовую. На каждом из выстроившихся в три ряда и составленных каждый из пяти типовых столов и рассчитанных на шесть персон каждый стояло по шесть уже розданных персональных блюд с огромными, внушительными котлетами в сопровождении внушительных же горок картофеля в агрегатном состоянии фри и трех ягодок маслин. Между блюдами разместились корзинки с чудесным черным и тонко нарезанным хлебом и упаковки с яблочным соком. По тем временам это было настоящее «эзабилие» (как написала когда-то в диктанте одна третьеклассница, которую я не устаю цитировать)... Но в эту столовую, оказалось, вошла я одна, никого больше не было, что, согласитесь, должно было навести меня на мысль, что что-то тут не так, но не навело. Наверное, мне просто очень хотелось есть. Утром-то мы с Валею так... попили чайку... ни с чем...

Я села за первый же стол крайнего правого ряда, поближе к окну – на всякий случай? Я съела все, что было рассчитано на одну порцию – всё ещё не в гордом, а в недоуменном одиночестве. Что-то всё-таки было не так...

Но очень скоро мои мысли пошли в совсем другом русле – практическом. Какова же судьба остальных – по беглым подсчетам – полутора сотен котлет и их сопровождений? Съедят ли их в конце концов чьи-то кошечки-собачки или, полежав тут неизвестно сколько до утраты товарной свежести, они окончат свою незадавшуюся судьбу в мусорном баке?

Двигаясь мысленно в этом практическом направлении, я подумала о Вале – в аспекте этих котлет. Да я бы и сама вот прямо сейчас съела бы еще одну котлету...

Практический поворот мыслей привёл к практическим действиям. У меня было заведено шапку и шарф при сдаче в какой-либо гардероб помещать в большой и по возможности красивый пакет. В тот раз это был красно-сине-белый пакет – в цветах Парижской коммуны. Не то чтобы я специально разыскала именно такой к этому съезду – просто так случилось. Но как бы то ни было, я вышла из столовой в гардеробное фойе, получила свои вещи, шапку и шарф надела на себя, пальто кинула на стоявшую там какую-то скамью и с пустым пакетом вернулась в котлетный зал.

Устав дно пакета имевшимися на столах – в большом количестве – бумажными салфетками и поумножав в уме количество котлет на количество потенциальных едоков (три с Валиной соседкой по квартире Зинаидой Михайловной, блокадницей, что всегда добавляли, когда шла речь о ней) и количество дней их (котлет) съедения, я уложила полученное производное число котлет вместе с фри, хлебом и соками), собранных с четырёх с половиной столов, в этот пакет...

Отвечаю на возможный (и законный) вопрос: что я чувствовала в тот, согласитесь, очень непростой момент? Да конечно же самый обыкновенный...

ну не совсем страх, а так – страшок, что именно вот сейчас кто-нибудь всё-таки войдёт в столовую. Ну... ещё что-то почувствовала, о чём – по подоспевшей подсказке героини «Унесённых ветром» – решила подумать завтра...

В столовую никто не вошёл. Я с котлетами вышла в фойе... Мне бы в тот раз по-быстрому надеть пальто и... но оказалось, что судьба в тот вечер выполнила ещё не всю программу относительно меня. На скамье, соседней с той, на которой лежало в ожидании мое пальто, обнаружила себя незамеченная ранее стопка (вообще-то стопа высотой сантиметров в сорок) прекрасной белой бумаги актуальнейшего форма А4. При ближайшем рассмотрении обнаружилось также, что бумага односторонняя: это были никем не востребованные резолюции нашего съезда. Ну, многопишущим людям не нужно объяснять, как ценна бумага А4 даже в одностороннем варианте.

Делегатов в фойе уже не было. Я подошла к женщине явно административного вида, спросила, можно ли взять немного этих резолюций. «Лучше все», – был ответ. «Да, лучше», – подумала и я. Но как транспортировать даже половину этого бумажного... эзэбилия... до моего нынешнего жилья? И снова нашёлся выход из сложной ситуации. У меня в то время был в употреблении зимний шарф-самовяз, который, как пифагоровы штаны, растягивался во все стороны на равную (и не малую) длину. Я соорудила из него весьма ёмкий узел и уложила в него треть этой стопки резолюций.

Всё. Я была готова двинуться в обратный путь – в Минский переулок. Подхожу – с двумя весьма подозрительными узлами – к выходу из этого фойе в предбанник, опосредующий пространственное отношение фойе с выходом наружу, и выясняю, что выйти наружу не прочь ещё человек семь, но выход нам преграждает человек – по виду охранник, как я себе представляла охранников по фильмам детективного содержания. И тут уже до меня завязался спор между желающими выйти наружу и этим охранником, пока что к желаемому результату желающих выйти не приведший. Я успела приунуть, но тут прямо у нас за спиной прозвучал – очень громко, настоятельно – вопрос: «В чем дело?». Его задал подошедший к нам мужчина, очень высокий, внушительный, в длинном чёрном пальто, коррелирующем с настоятельным тоном вопроса...

Дальше события развивались так. Охранник отступил в сторону, мы вышли в предбанник. И тут обнаружилось ужасное: второй охранник в предбаннике не то чтобы избивал парня студенческого вида, но прижимал его к стене. Парень сопротивлялся, что-то кричал... И пока мы от ужаса стояли столбом и молча, снова прозвучал тот же вопрос: «В чем дело?». На этот раз настолько громче и резче, что второй охранник опустил дубинку, а парень тут же ворвался в здание... Из путанных ответов второго охранника на поставленный вопрос выяснилось, что студенты этого вуза, где проходил наш съезд, прослышали, что в их законной столовой накрыты столы, а столоющихся нет, и очень хотели в эту столовую проникнуть... Господи! Что я наделала?! Объела студентов?!

Мои попутчики в предбаннике не стали ждать исчерпания инцидента и вышли наружу, и я с ними. А человек в чёрном пальто остался. Ну, попутчики тут же растаяли в наступившей уже, оказывается, настоящей ночной темноте,

и вскоре слышались звуки их отъезжавших машин. В темноте осталась я одна – безошадная, с пакетами, в залитых тут же ледяным дождём очках...

В сходных обстоятельствах меня много раз выручал совет матери: «Соберись с умом... соберись...». Я собралась и сразу же вспомнила, что ещё днем, при входе в это здание, я озаботилась вопросом, где тут остановка обратного автобуса, и теперь вспомнила: вот она, прямо напротив, на той стороне шоссе, пытается своим фонарём противостоять темноте, и у неё это неважно, но получается. Полагаясь больше на слух, чем на ослепшие от дождя очки (а протереть мне их никак нельзя – мешают пакеты), я благополучно перешла на ту сторону шоссе и опустила пакеты на случившуюся тут всё-таки скамью.

Это было уже что-то, но конечно же, далеко не всё. Из озвученных таксистом, привезшим меня сюда, рассуждений, где же этот вуз расположился, я вспомнила, что расположился он на самой окраинной окраине города – у чёрта в турках (цитирую таксиста). Домостроительная кампания Петербурга ещё не добралась досюда. Никакого жилого дома, в подъезде которого можно было бы в относительной безопасности дожидаться утреннего автобуса, если не будет вечернего, поблизости не было.

Но не успела я впасть в отчаяние, как из темноты с той стороны шоссе появился и встал рядом со мной человек – тот самый, из предбанника: высокий, в длинном элегантном пальто... Но без головного убора, только с высоко поднятым воротником. «Однако же», – подумалось мне, но развивать эту критическую мысль не захотелось: было очень холодно. Кроме того, появление здесь, на краю света, ещё одного безошадного товарища по несчастью, явно улучшило мне настроение. Хотя, подумалось, как его появление могло повлиять на наше хуже не придумаешь ближайшее будущее?

А вот смогло! Причём самым предвидимым образом. Через полчаса нашего с ним молчаливого бесплодного (в плане автобуса) стояния под вовсе уже ледяным дождём мой товарищ по несчастью вышел на тропу удачи – на шоссе, ловить попутную машину.

Удача улыбнулась ему только через полчаса, но уже во весь рот, до ушей. Остановилась даже не легковушка, а целый микроавтобус.

Дальше было вот что. Получив – через переднюю дверь – согласие водителя посадить его, мой попутчик открыл заднюю дверь и, повернувшись ко мне как-то чисто символически, в полупрофиль, скорее даже просто отвернувшись, замер ровно на одну секунду... Я только позже, производя по памяти разбор полётов того вечера, поняла, что он ожидал, что я пойму его с полунамёка и побегу к машине. Увы, я не поняла. Он снова резко повернулся в мою сторону – теперь уже в полный профиль. При этом он не произнёс ни слова, но я отчётливо услышала: «В чём дело? Вы не поняли? Неужели вы могли подумать, что...?».

Каюсь, в течение долгой секунды я действительно думала, что вот он сейчас водворится в этот автобус, хлопнет дверью – и я останусь на остановке одна при своём интересе – с котлетами и резолюциями...

Но уже в следующую секунду я подхватила свои пакеты и потрусилась к машине. Мне даже была оказана некоторая помощь при погружении моего багажа на заднее сиденье.

До Московского вокзала (центра цивилизации) мы доехали в тепле и сухе. Я только беспокоилась, как бы мои котлеты не обнаружили в тепле свое наличие. Обошлось. Но при попытке самой рассчитаться с водителем автобуса за проезд я снова явственно – спиной – услышала: «Неужели вы могли подумать?..». Да подумала я, подумала. Что тут такого-то? Деньги – это деньги... финансовый инструмент рынка...

На следующем этапе того ночного пути, стоя под тем же дождём с ветром на остановке нужного трамвая, я осознала, как же невероятно мне повезло на предыдущем-то этапе. Поразмышляла я и о том, кого же мне напомнил (ещё там, во время инцидента с охранниками и студентом) этот мой таинственный спаситель. А-а, известного актера театра и кино Георгия Тараторкина. Но, конечно, в роли не Родиона Раскольникова, а мимолётного персонажа из «Чисто английского убийства», «чисто английски» убитого в самом начале фильма, если на него – персонажа – надеть длинное чёрное пальто и посмотреть со спины.

Нужный мне трамвай наконец пришёл, меня без всяких вопросов впустил, свернул на Невский проспект и довёз до перекрестка с той улицей, где была остановка автобуса, довезшего меня до Мариинского театра, «блоковской» аптеки и Минского переулка.

В течение того долгого вечера я думала о Вале только в аспекте котлет. Теперь настала очередь другого аспекта: где меня черти носили почти до ночи. Было уже начало восьмого часа, а в Петербурге зимой темнеет уже в начале третьего часа пополудни.

Валя встретила меня, как и следовало ожидать, монологом высокого градуса напряжения и сложного содержания: и что это за съезд такой – до полночи, и что это за я, забывшая про всё на свете, и вообще... Голос её каждую минуту срывался до шёпота, а щёки приобретали тревожный голубой оттенок. Со времени нашего с ней студенчества я знала, что у неё нездоровое сердце, и знала, как вести себя в подобных случаях: стояла молча, в надежде, что повинную голову меч не сечёт...

Наконец голос у Вали совсем иссяк. Уже шёпотом она проговорила: «Иди мой руки...» И ушла в кухню.

И вот я в кухне. Стою мнусь на месте, не спешу раскрывать пакет с дарами съезда. Ещё неизвестно, как она отнесётся к этой неожиданной дотации к ужину, сочинённому ею к моему приходу (картошка с селёдкой). Ведь как ни крути, я взяла эти чёртовы котлеты с чужого стола., хотя бы и рассчитанного на демократическую интеллигенцию, к которой мы с Валею относимся безусловно.

Она в этот момент что-то искала в своём холодильнике «Москва», по пояс углубившись в него. А что там было искать? В нём еще с прошлого моего приезда к ней куковали две банки «Сайры в масле». Это был НЗ – на чёрный день, который, судя по тому, что обе банки были целы, ещё не наступил. Но Валя ворочала именно ими. Неужели, с испугом подумала я, она, чтобы затушевать эффект словесной выволочки, устроенной мне только что, решила открыть одну из банок стратегического назначения?.. Но они продолжали разговаривать недовольными голосами. Воспользовавшись этим, я вынула из пакета лежащие сверху упаковки с яблочным соком, сбросила их на подоконник и прикрыла занавеской, чтобы хоть они не усугубляли ситуацию. Затем – бы-

стро-быстро – выложила хлеб в голубой пластмассовый тазик (именуемый в Валином кухонном хозяйстве хлебной вазой), сняла с холодильника большое керамическое блюдо, вывалила в него сколько само вывалилось котлет и горку картофеля и стала ждать, что дальше будет.

А было вот что. Вдруг обе «Сайры» замолчали, и Валя вернулась из «Москвы» с большим удивлением (изумлением!) на лице. О степени её удивления сказал тот факт, что она не захлопнула за собой дверцу «Москвы», чего она сама никогда не забывала и порицала забывчивых.

Валино изумление длилось секунды две. В третью она просекла причинно-следственную связь между съездом демократической интеллигенции и появлением на её столе горы котлет. Вернув взметнувшиеся вверх в момент удивления брови в исходное положение, она, не говоря ни слова, прошла к плите, вынула из духовки обитающую там «её сковородие» – большую чугунную сковородку, отсыпала в неё сколько-то там котлет и соответствующее им количество картофеля, сунула всё в духовку для разогрева. В течение нужных для этого двух минут даже не повернулась в мою сторону. Боже мой, догадалась я, она ведь винит себя за устроенную мне словесную выволочку – вполне ведь заслуженную.

По истечении этих двух минут Валя сняла с полки над столом тарелку, отложила в неё пару котлет и горку картофеля и понесла съездовские дары Зинаиде Михайловне (никогда с нами за стол не садившуюся, несмотря на приглашение).

По возвращении в кухню и при виде меня, всё ещё стоящей во поле берёзкой – в некоторой прострации, Валя села за стол, разложила тарелки и вилки, буркнула: «Приглашения ждёшь? Может, в письменном виде?..»

Это была последняя... нет, ещё только предпоследняя тучка рассеянной бури, до ясной лазури дело ещё не дошло. По углам кухни всё ещё таились и метались Валины инвективы в мой адрес: «...съезд у них... белого дня им мало». Кроме того, наши с ней артикуляторные возможности были сведены к нулю: мы ели котлеты...

По окончании этого необычного, с какого боку ни взгляни, ужина остальные котлеты в голубом керамическом блюде (с верхом!) Валя отправила в «Москву», к уцелевшим и на этот раз «Сайрам». А мы с ней переместились в Валину гостиную и заняли там наши традиционные места: Валя за своим столиком, я на большом кожаном диване.

Этот Валин маленький – полудетский – столик! Таинственного комиссионно-магазинного происхождения... Как, впрочем, вся остальная мебель в её квартире... За этим столиком Валя правила тетради своих пригородных учеников, раскладывала свои бесконечные пасьянсы, курила, читала прорывавшиеся через её хроническое безденежье шедевры тогдашней (в основном зарубежной) литературы: Лем, Моэм, Ирвин Шоу... Здесь она предавалась внезапным (и краткосрочным) приступам рукоделия: то вязание в стиле макраме, то ожерелья из косточек разных фруктов и орехов – вся жизнь...

Обычно после ужина у нас наступал час тишины. Валя курила, я предавалась свободному течению мыслей. Но сегодня особенной свободы в течении моих мыслей не было. События сегодняшнего нелёгкого дня как-то заострили все и без того острые углы нашего настоящего, разворошили прошлое...

В этой своей минской квартире, которую коммунальной можно назвать только уж вовсе не боясь греха (две большие комнаты – эта гостиная и спальня – при одной только одинокой соседке Зинаиде Михайловне)... В этой коммуналке Валя оказалась в результате переезда из настоящей – на семь хозяев – в Казначейском переулке. Там Вале с дочерью-студенткой принадлежала одна десятиметровка. Спали вдвоём на полу на матрасе, убираемом на день – в форме рулона – под стол.

А если отлистнуть ещё несколько страниц назад, то в эту коммуналку они – Валя с дочерью – переместились из отдельной (!) трёхкомнатной (!) квартиры на одной из лучших улиц (Весенней!) города Кемерово – это недалеко от Томска. Та квартира стала Валиной собственностью после трагической гибели её мужа-инженера и ускоренного этой трагедией ухода из жизни его родителей – заслуженных врачей.

Обстоятельства обоих этих переездов – с Весенней улицы в Казначейский переулок и из него в Минский – были очень разными по существу, но по странному стечению обстоятельств почти напрямую связаны с... Достоевским. Да, Фёдором Михайловичем. И дело было так. Из кемеровской квартиры Валю выдуло острым сквозняком того времени – на спаде Оттепели. После окончания нашего общего с ней филологического факультета Томского университета она читала в Кемеровском институте курс русской литературы XIX века. И в руководстве этого института сложилось мнение, что она как-то не так трактует творчество Достоевского... Да и Лермонтова тоже... И на критику реагирует неправильно...

Дело стократ осложнялось тем, что мнение руководства института разделял и Валин отец, фронтовик, читавший в том же институте курс общественных наук. Их семью буквально штормило.

Надо было уезжать – хоть куда. Бежать... Тут он и подвернулся Вале – Казначейский переулок с его гостеприимными десятью метрами.

Точности ради надо сказать, что подвернулся он, переулок, не непосредственно Вале, а её незадолго до этого обрётённым петербургским друзьям. Дело в том, что года за полтора до этого по ходу повышения квалификации при Московском университете (целых четыре месяца в отрыве от жены-мужа и детей!) Валю, сибирячку, счастливо втянуло в спешущую там петербургскую компанию. Обнаружилось удивительное (с учётом расстояния от Петербурга до Кемерово) единство мнений по широкому тематическому спектру. Незаметно насыщенная атмосфера их бонсуаров в приснопамятном ДАСе (Доме аспиранта и стажера) переросла в дружбу, подкреплённую потом в переписке.

Вот эти новые Валины друзья и осуществляли – морально и материально – переезд Вали из Кемерово в Петербург. Из прежней жизни в новую Валя взяла – кроме дочери, студентки мехмата, – две безусловные материальные ценности: уже упомянутые холодильник «Москва» и чёрную чугунную сковороду.

А обстоятельства переезда Вали из Казначейского переуллка в Минский были совершенно другими, хотя и тут без Достоевского не обошлось. Дело в том, что именно в Казначейском переулке и в том доме и даже подъезде, где располагалась, в тесноте и обиде, Валина коммуналка, в свое время, в XIX веке, проживал – но в лучших квартирных условиях – Фёдор Михайлович

Достоевский. И вот где-то в середине 80-х годов XX века... ну да, как раз к столетию писателя... в руководящих кругах тогда ещё Ленинграда родилась и вызрела мысль устроить в этом знаковом месте музей Достоевского. Для реализации этой идеи прежде всего нужно было расселить этот казначейский муравейник.

В ходе этого великого расселения Валя с дочерью наконец-то вытащили счастливый билет: ту самую большую трёхкомнатную квартиру в Минском переулке.

Но Минский переулок был замечателен и сам по себе. В двух шагах от Валиного дома он пересекался с проспектом Декабристов – бывшей Офицерской улицей, на которой в своё время жил Александр Блок и до сих пор сохранились замечательная «блоковская» аптека и дом, где он жил и где теперь его музей.

Вот в этом музее во время экскурсии завязалась ещё одна линия жизни Вали. В тот раз экскурсия сама по себе не задалась. Экскурсовод (женщина) заостряла внимание посетителей на малозначащих деталях: вот огромная софа, на которой Любовь Дмитриевна учила роли, вот какой-то необыкновенный замок у шифоньера самого Блока... Валя отошла к окну, выходящему на ту самую Пряжку, а к ней подошёл тоже заскучавший человек. Покритиковали экскурсию, выявили, что оба любят Блока: «Опять, как в годы золотые...». Перешли на другие темы, и тут выяснилось, что Валентина Алексеевна (ну, то есть, она, Валя) – учитель русского языка, а сын Михаила Львовича, девятиклассник Яша, так-то учится неплохо, а вот по русскому... хромает. А в следующем году – выпускные (в то время было ещё десятилетнее школьное обучение).

За семь месяцев хождения на Валины уроки (по воскресеньям, с десяти до двенадцати) Яша перебрался с художественных троек за диктанты на вполне упитанные четвёрки. Благодарить Валию (сверх поурочной оплаты) с букетом и тортом Михаил Львович пришёл с женой Асей Марковной. Потом приходил – просто так, с печеньем – один. А в один прекрасный вечер, в воскресенье, пришёл с двумя «друзьями школьных лет» – тоже только с печеньем. Ещё через некоторое время в Валиной гостиной регулярно, примерно раз в месяц-полтора, стала собираться не совсем обычная «бригада по интересам». Курили, пили приносимые с собой чай-кофе с приносимым же с собой то сыром, то печеньем. И говорили, говорили... без тематического и хронологического регламента: что там в прессе... что там в жизни... что в мире искусства и литературы...

Однажды во время очередного приезда к Вале по своим научным делам я присутствовала на одном таком бонсуаре. Что ж: содержательный уровень всего тогда проговорённого был высок. Отнюдь не попусту и всуе звучали имена Лотмана, Аверинцева... Сергея Бочарова («Стиль Пушкина!»). Все из списков использованной литературы к моим научным статьям... Такие вот были эти инженера... и эскулапы лихих девяностых. Диссиденты... Унесённые ветром...

Валина дочь Лена иногда присутствовала на этих бонсуарах, активного участия не принимала. Ни с кем в отдельности вроде бы не была знакома. Поэтому, когда, случалось, Лена не ночевала дома, Валя не беспокоилась, думала, что, как всегда, загостилась у подруги Евы. И только по якобы случайным

проговоркам гостей во время очередной встречи Валя узнала, что Лена уже некоторое время живёт у одного из «друзей» – Бориса Семёновича.

Борис Семёнович, человек с двумя высшими образованиями – юридическим и экономическим, был ко времени тех событий – это середина восьмидесятых – бизнесменом по ремонту наших «Лад» и «Волг». Детали и материалы присылали его родные из Америки...

Валя долго рвала и метала. Едва не распался этот круг друзей. Но время шло, родилась Маша – Валина внучка. Всё как-то улеглось. Тем более что Борис Семёнович оказался золотым зятем. Купил Вале недостающую мебель (вот этот диван, на котором я теперь сидела, стеллаж шириною и ёмкостью с Чёрное море, телевизор, проигрыватель...) И, что немаловажно, теперь у них с Зинаидой Михайловной в квартире были золотые краны и серебряные розетки: ничто не «бежало» и не «стреляло»...

Но окончательно смирил Валу с зятем такой факт. Когда те же радители культурной истории Петербурга на очередном витке своей деятельности решили научно точно реконструировать один из значительных памятников – книжную лавку известного издателя-просветителя XIX века Ивана Дмитриевича Сытина (на углу Невского проспекта и канала Грибоедова), то поручили эту реставрацию Борису Семёновичу... Согласно устойчивой в историческом времени легенде, именно здесь, в лавке Сытина, накануне злосчастной дуэли пил чай Пушкин...

Далеко же увели меня воспоминания о прошлом от злобы сегодняшнего дня – съезда интеллигенции и котлет. Но вот Валя, докурившая второго за вечер «Кэмела», повернулась в кресле, обозначив окончание нашего затянувшегося – посткотлетного – молчания, произнесла: «Завтра ещё съезд продлится?.. Надо к обеду позвать Ирину с Марком...».

Это был тугой информационный узелок. В нём и полное отпущение греха моего сегодняшнего опоздания, и тонко завуалированная надежда на ещё один котлетный транш, ну и вопрос о визите Ирины... с Марком.

Эта Ирина была из команды Валиных друзей, реализовавших её переезд из Кемерово в Петербург. Холодильник и книги (много книг) перетаскивала (с Казанского вокзала на Ярославский в Москве и с Московского вокзала в Петербурге непосредственно в Казначейский переулок) мужская часть команды, а более подъёмное «шмутё» – вот Ирина и сама Валя с дочерью.

Это не забылось, со временем переросло в один из многих вариантов дружбы. Ирина была университетский филолог, специалист по финскому языкознанию и творчеству финской писательницы Туве Янсон. После ухода из университета по достижении пенсионного возраста (тоже мне достижение!) Ирина ради приработка к символической пенсии работала редактором в мерзопакостном (по её собственной оценке) рекламном издательстве – спасала новорожденные рекламные тексты (про что хотите) от наивной безграмотности и настырной нецензурщины. По словам Вали, за годы работы в этом змеюшнике и характер, и лексикон Ирины изменились в сторону жёсткости, но такая Ирина нравилась Вале больше, чем прежняя профессорская внучка и размазня «Ируся». Они нечасто, но продуктивно встречались. Ирина привозила с собой остродефицитную в жизни Вали информацию обо всём на свете,

а сама возле Вали находила столь же важное отдохновение от этой информации и всего, что стояло за ней (скидывала с души).

Что же касается Марка, то это был внук Ирины, шестиклассник, которого она растила в полном отрыве от его родителей, растворившихся где-то в широко распахнувшейся в те годы загранице. Связь завтрашнего визита Марка и котлет просматривалась легко.

Мы с Валею ещё немного посидели в тот вечер, плавно перетекающий в полночь. Не стали связываться с чайком, смиренно попили съездовского яблочного сока. Послушали Валины музыкальные записи: Камбурова, Валентина Пономарева... Вячеслав Малежик («У Ока-реки перепра-а-а-вы не-е-е-т...»).

И вот воскресный обед с Ириной и её внуком. Марк, в Валиной интерпретации, помимо просто школы, учился ещё в двух художественных и трёх музыкальных, а также активно посещал их школьный шахматный кружок, где иногда мастер-классы давал сам Анатолий Карпов. При предъявлении он (Марк) оказался ожидаемо красивым, но излишне упитанным (в девяностые-то годы!) мальчиком с отсутствующим видом. Этот вид свидетельствовал, что всех подруг Ирины он привычно выносит за скобки и на время таких вот вынужденных гощений остаётся наедине с самим собой.

Первая часть встречи подруг прошла ожидаемо: все ели котлеты, пили сок-чай-кофе. Марк очень быстро осоловел, начал прямо со стула валиться набок, и Ирина увела его в спальню – до самого окончания встречи. И после этого началась основная её (встречи) часть. Началась в отработанном ими, Валею и Ириной, вопросно-ответном режиме. Валя задаёт вопросы, Ирина отвечает. Как там тот, как та с этим?... Как их (Ирины и Марка) кошка с литературным именем Мяфа, считавшая своим (и всей их квартиры) хозяином только Марка, а Ирину державшая в струне («смотри, а то...»). Эта кошка очень удобно – с учётом ситуации в стране – ела абсолютно всё, даже просто варёную картошку «без ничего», но имела сложную (скорее собачью) привычку уже культурного плана: рвала на мелкие клочки всё бумажное. Для спасения учебников и тетрадей Марка и своих книг Ирина приносила Мяфе с работы разноформатный бумажный мусор и потом выметала его – в формате уже абсолютной трухи – из двух комнат их с Марком квартиры. Такова была тонкая драматургия их жизни втроём...

Затем по программе встречи возымел место и время тематически безразмерный монолог Ирины: кто, где, когда и с кем в мире театра и телевидения и вокруг них – главным образом вокруг...

К концу этого обзора все подустали, замолчали. Валя и Ирина закурили... Подошло время второго раунда... встречи друзей. Думая, что удачно решает сразу две задачи – прерывает чуть затянувшуюся паузу и как-то вовлекает в общую программу меня, Валя, по замыслу в юмористическом ключе, поведала о моих вчерашних транспортных приключениях.

Зоркая умница Ирина с хирургической точностью прочертила грань между текстом и подтекстом Валиного рассказа. Её якобы уточняющий вопрос ко мне («Куда же, Галя, вы ездили вчера так поздно?») имел однозначно прочитываемый подтекст: «Куда же это чёрт носил вас на ночь глядя?». И текст

и подтекст открыли мне важное на этот момент: Валя в своем приглашении Ирины не упомянула ни о съезде, ни, следовательно, о котлетах. Поэтому я, невзирая на подтекст Ирениного вопроса, ответила прямо, без подтекста: «На съезд демократической интеллигенции». Последовал ещё вопрос: «Котлеты со съезда, вестимо?». Я спохватилась, но вооружиться не успела, отвечала в провальном оправдательном тоне: дескать, взяла эти (слово «чёртовы» не озвучила) котлеты при абсолютном отсутствии других желающих... И услышала в ответ: «А-а...», которое слышу до сих пор... Использую в нужных случаях как хороший инструмент для самокритики: «А-а...».

Но в тот вечер (был уже вечер) ещё не всё окончилось. К Ирине пришло второе дыхание: «А вам, Галя, не пришло в голову, почему из всех делегатов на котлеты клюнули только вы?». Мне отступить было некуда. Уже разозлившись, я продолжила в том же стиле под простоту, как на уроке в пятом классе: «Потому что было поздно... Два заседания свернули в одно... Их ждали дома...». Это не могло спасти – и не спасло. Следующим вопросом был: «А вас не ждали?». Мне стало... Понятно, как стало. Меня ждали... Ещё как...

Свою развёрнутую программу (чего?) Ирина завершила так: «Я сейчас позвоню Лерке, и она вам точно скажет, в каком не самом дешёвом ресторане ваши делегаты обмывали вчера свой съезд...» Лерка была подруга Ирины, работавшая на телевидении...

«Не надо...» – вдруг страшным шёпотом произнесла опомнившаяся Валя. Потом сползла со стула, ушла в спальню, где у неё был огромный чёрный шкаф, в котором хранилось «всё», вернулась с сильно початой бутылкой водки.

Выпили – чисто в переносном смысле слова. Но на Ирину это подействовало позитивно: она резко смягчила тон наступления на меня: «Галя, а вы бы поехали на этот съезд, если бы здесь не было Валентины?». Ответ она считала с моей физиономии (с высоко поднявшихся над очками бровей): «В середине семестра? С переносом занятий – с разрешения деканата? Бросив на дочь нашу тригонометрически сложную кухню – в качестве бесплатного приложения к её работе (преподавателем в университете) и двум детям, которые, в отличие от Марка, в плане дополнительного образования учатся только в одной «художке», но зато основного – в школе с уклоном и в десяти трамвайных дистанциях от нашего дома, так что нам (мне, дочери и зятю) приходится по очереди возить их... Нет, нет и нет!...».

Надо полагать, всё это было написано (на моей физиономии) отчётливо и убедительно. И вообще что-то произошло в атмосфере – то ли только Валиной гостиной, то ли вообще: Ирина перешла к покаянию... за плохое поведение в гостях: «Я тут немного... хватила через край... Вы всё-то не перечисляйте на свой счёт... спишите на мою стержовность... Просто у вас там совсем другая жизнь... в глубине сибирских руд... в краю непуганых птиц... А тут... каждый день, с утра до ночи, над пропастью во лжи...».

Меня разрывало возражение: непуганых птиц? Ещё как пуганых... Мало никому не показалось. Нет, непуганых ищите ещё дальше – в Уссурийской тайге!.. А вот насчёт лжи – нет... Мы, если и над пропастью, то всё-таки во ржи...

А Ирина ещё раз сменила тему и тон своего монолога (мы-то с Валею молчали как в воду опущенные). «А вы, Галя, молоток! Поздравляю. – В феврале

этого же года я здесь же, в Петербурге, защитила вторую диссертацию – одиннадцатую годами позже должного срока, по более чем уважительным причинам. – А за котлеты (продолжала Ирина) спасибо. Марк съел три, а четвертую надкусил, чтобы иметь обоснование унести ее Мяфе...».

За это долгое гостевание было наговорено и выслушано столько, что прощание, уже у входной двери, проходило в молчании... Шапки, шарфы... Ещё не совсем проснувшийся Марк продолжал валиться набок, теперь из положения стоя. Но... Но оказалось, что главное в тот день было сказано (Ириной) и выслушано (нами) именно теперь, в уже полуоткрытую дверь: «А я, Галя, на вашем месте загребла бы все до одной котлетины, даже если бы вышел сам...» (Ирина назвала одного из лидеров демократического движения).

Позже я пыталась выразить отдельными словами тот эффект, который на меня произвёл заключительный, под занавес, пассаж Ирины. Разобрать не удалось, а обобщённое впечатление коротко и образно заключено в поговорку «как обухом по голове». Согласно «Большому толковому словарю русского языка», обух – это «тупая сторона острого орудия, противоположная лезвию (обычно о топоре, колуне)». Вот-вот, этой тупой стороной меня по темени и... Даже и лезвием слегка задело...

А Валью мне пришлось под руки вести до дивана, где она просидела молча минут десять, прежде чем начала на ощупь где-то рядом с собой искать сигареты, полагая, что сидит за своим столиком. Я вернула её в реальность с помощью вечно актуальной темы – о наших внуках: что там её Машенька, как мои Ваня и Аня...

Попили еще чаю, включили проигрыватель: Камбурову, Валентину Пономареву («А напоследок я скажу...»). Вот-вот, и Ирина напоследок сказала главное: где и в чём видала она наш съезд. Могла бы и сразу сказать, не выматывать из нас по частям наши души...

Я уже почти засыпала (в Валиной спальне), и только слышала, что приехала Лена (уже почти ночью). Её с матерью неприятный, но слава богу, короткий разговор – у той же входной двери – лишь сопровождал очередной продуктовый транс Вале (и Зинаиде Михайловне). Это было кстати: котлет больше не было, и будущее всё тех же «Сайр» снова ставилось под вопрос.

Все следующие сутки я, по причине отсутствия в то время прямого авиарейса «Петербург – Томск», перемещалась в огромном пространстве с запада на восток (в сторону уссурийской тайги) на всех известных к тому времени видах транспорта: поезд, автобус, самолёт. Кроме, правда, моторной лодки и верховой езды на лошади.

Неизбежное десятичасовое ожидание рейса «Москва – Томск» в аэропорту «Домодедово» неожиданно и счастливо искупилось приобретением в каком-то почти нереальном книжном магазине-окне двух микротомиков стихов – Бродского и шотландского поэта XVIII века Роберта Бернса, вошедшего в то время в острую моду. Помните: «Пробираясь до калитки вечером во ржи, Дженни вымокла до нитки»?.. Это читали вслух при каждом случае, это пели...

Как-то так сложилось в тот раз, что в салоне самолёта я была почти одна, а в аэропортовском автобусе оказалась вообще одна, наедине с водителем. И вот когда за окном автобуса потянулись наши родные сосны, я вдруг ощу-

тила в себе порыв запеть: «Тополя-а, тополя-а-а» – по наводке шукшинского персонажа Чудика («Жена называла его Чудиком. Иногда ласково»), тоже однажды возвращавшегося из не совсем удавшейся поездки – в гости к брату... там он не нашёл общего языка с женой брата... Но Чудик пел один на пустой дороге из районного села в их деревню (не стал дожидаться автобуса), а я... Боюсь, водитель бы понял меня неправильно...

В первые же часы по возвращении в Томск я рассчиталась с доверчивой бухгалтерией, авансировавшей мою командировку, восстановила перенесённые занятия. Собралась с мыслями и сочинила – с опорой на текст прихваченных «Резолюций съезда демократической интеллигенции» – отчёт о работе этого съезда и озвучила его на очередном собрании нашего томского отделения «Союза правых сил».

Но вот когда я наконец разгребла кучу текущих дел, утрамбовавшихся за дни моего отсутствия до твёрдости асфальтового покрытия, наступил час разбора моего петербургского полёта. Что нужно было мне возразить Ирине на первые же её выпады против вроде бы источника этих котлет, а на самом деле против съезда, его идей и меня, прикатившей на этот съезд. А вот что. Осенью восемьдесят девятого года, тяжелейшего не только в масштабе всей страны, но и в узких рамках моей отдельной жизни... Господи, я почти на полгода оказалась выпущенной из рук государства: ни денег, ни помощи в уходе за умирающей тётей... Вот на дне этого колодца я и вскинулась... взяла себя в руки... собралась... и отыскала первую же в нашем городе формацию демократического движения – «Клуб избирателей»... И прошла в этом движении через несколько его трансформаций до последней – «Союза правых сил».

Практического толку от моего пребывания в томском отделении «Союза правых сил» было ноль целых ноль десятых. Но я не портила общей картины: всё-таки женщина уважительного возраста, на глазах у всех вышла в доктора наук, подалась в писатели... Однако я за эти годы получила от нашего «Союза» очень много: опыт знакомства со множеством замечательных людей нашего города: бывших военных, заводских инженеров, работников – в основном работниц – среднего и низшего звена административной структуры города... Ну и нашего брата – вузовских и «из мира культуры и искусств»... Ни при каких других обстоятельствах я не встретила бы с этими людьми...

Вот всё это и надо было сказать тогда и там, в Петербурге, Ирине. А теперь, после драки, что ж кулаками махать?.. Но было у этой моей поездки в Петербург и два несомненно положительных результата. Первый – дополнительная, сверх всех наших обычных планов и возможностей встреча с Валецкой, предпоследняя, как показало время. И второй – закрепившаяся в памяти картина: Марк, доедающий уже с некоторым трудом третью котлету съездовского размера, но мужественно резервирующий четвертую – для Мяфы. Немало...

Ну и, покончив с подведением основных итогов, надо бы упомянуть и те котлеты девяносто третьего года, которые, собственно, и создали сюжет этого повествования и дали ему название.

Валентина Зарубина

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ПАМЯТЬ?

Непростой для России двадцатый век с его потрясающими трагическими страницами остался в прошлом – человечество пишет историю двадцать первого века. Но историки осмыслиют и события прошлых лет. На мой взгляд, немаловажным материалом для понимания событий прошлого и настоящего являются домашние, семейные архивы.

По мнению Иоганна Готфрида Гердера – немецкого мыслителя, богослова и историка культуры, «человек сотворён, чтобы искать порядок, чтобы внести ясность в свой малый промежуток времени, чтобы грядущее строить на прошедшем, – иначе зачем человеку память, зачем воспоминания?».

Жизненный путь Степана Михайловича Климова – тому пример.

Родина русской семьи Климовых – Анастасии Николаевны и Михаила Степановича – Рига. Там же 1 января 1926 года родился их сын Степан, там же прошло его детство и первые отроческие годы. Во французском лицее Риги он учился французскому, а русским, немецким, латышским языками, помимо школы, овладевал с детства, как и большинство рижан того времени. Позже, после переселения в Эстонию, к ним прибавился ещё эстонский.

Михаил Степанович соорудил в подвале своего дома мастерскую, которую оборудовал всевозможными станками. В ней сын обретал начальный навык обращения с техникой и механизмами, оказавшийся полезным ему в дальнейшем...

14 июня 1941 года – чёрный день в истории многих народов бывшего Советского Союза – стал таким и для семьи Климовых. Михаил Степанович, офицер царской и белой армии, навечно остался в Соликамске, в одном из сталинских лагерей...

Анастасия Николаевна и сын Степан были депортированы в Каргасокский район тогда ещё Новосибирской области, в деревушку Старое Югино на берегу реки Васюган. Через два года им удалось переселиться в Каргасок, где прожили четырнадцать лет, где Степан создал семью. Вот тогда ему пригодилось полученное домашнее техническое образование, превратившееся в спасительный «якорь».

Степан Михайлович стал одним из первых электромонтёров Каргаска, проводивших электричество во многие дома. Непосредственно участвовал в установке первого в Каргаске рентгеновского аппарата (а это ведь спасённые жизни), работал на станции юных техников, обучая мальчишек, чьи отцы на поле брани уничтожали фашизм, мужскому занятию – держать молоток в руках. Их, теперь поседевших мальчишек, немало живёт в Каргаске, и вспоминают они его добрым словом.

Степан Михайлович также учил мечтать, расширять горизонт интересов, увлекая своих воспитанников радиолобительством, фотографией, судострое-

нием, авиамоделизмом, а в Каргасокской школе № 1 вместе с Анатолием Павловичем Трубачевым создавал образцовый кабинет физики и оборудовал первую в районе пришкольную мастерскую для проведения уроков труда.

С именем Степана Михайловича связана история создания радиотехнического кружка Каргасокского Дома детского творчества в 1947 году (в ту пору он назывался СЮТ – станция юных техников). Создание технических кружков стало одним из ответов на вызовы военного и послевоенного времени. Страна нуждалась в специалистах, конструкторах, техниках. Это дело не одного дня. Их подготовку начинать надо было с детства, с того времени, когда начинают формироваться интересы и наклонности у детей. Было принято решение на правительственном уровне о создании сети технических кружков по всей стране. Каргасок стал одной из таких локальных точек. Подарком судьбы для Степана Михайловича стало знакомство и дружба с директором СЮТ – Валентином Григорьевичем Рудским.

(Валентин Григорьевич Рудский (02.08.1926–07.04.2015) – педагог, учёный-фенолог и краевед, ветеран Великой Отечественной войны. Член Русского географического общества. Заслуженный учитель школы РСФСР (1974). Почётный гражданин Каргасокского района (10.06.2008).

Об этой встрече Степан Михайлович вспоминает: «Валентин Рудский появился у нас стремительно, в солдатской одежде, по-солдатскому поздоровался, сразу перешёл на дружеское «ты». Выслушав мой «доклад» о скромном настоящем действующего кружка, фантазии об его будущем, о перспективе создания новых кружков при имевшихся на то в селе возможностях, Рудский кивнул, и тут же отправился улаживать свои директорские административные дела...».

Юные кружковцы под руководством Степана Михайловича учились чтению схем и правильному монтажу, переживая при этом радостное удивление от того, что спаянное ими хитрое переплетение проводов с триодом и другими «штучками» превращалось в работающий радиоприёмник! Ребята принимали участие во всесоюзном соревновании приёма радиотелеграфного текста на слух, получили статус коротковолновиков от Томского радиоклуба, радиофицировали деревню Брагино.

Степан Михайлович и Валентин Григорьевич проявили педагогический талант, они в летние каникулы стали организаторами речных походов для своих воспитанников по Оби и Васюгану. В этих походах ребята по сути проходили «школу выживания», приобретали теоретические и практические знания и умения. Будут меняться руководители, но в системе дополнительного образования Каргаска радиотехнический кружок – это единственный кружок, который сохранил свои традиции, рос и развивался. Более сорока лет его руководителем является Захаров Андрей Геннадьевич. Для многих его учеников знания, полученные в радиотехническом кружке, стали «точкой» профессионального роста.

Андрей Геннадьевич вспоминает: «Во время подготовки к 60-летию радиотехнического кружка мой ученик Алексей Парфенович провёл большую исследовательскую работу по истории его создания. Она началось с СЮТа (станции юных техников) и её первого руководителя, вдохнувшего в неё жизнь, Степана Михайловича Климова. Прикосновение к истокам меня вдохновило,

появилось и окрепло понимание важности работы и моей педагогической ответственности как продолжателя кружка».

После реабилитации Степан Михайлович с семьёй выезжает на родину жены в Эстонию, в город Тарту. Здесь прошла его трудовая жизнь, этот город стал «второй родиной». Дружба Степана Михайловича и Валентина Григорьевича сохранилась на всю жизнь, будут встречи, но главным средством общения стали письма. Переписка продолжалась более шестидесяти лет, до ухода из жизни Валентина Григорьевича. Более двадцати лет назад Валентин Григорьевич заочно познакомил меня со Степаном Михайловичем. Столько же мы со Степаном Михайловичем пишем друг другу письма, правда, они электронные. Тем для разговоров предостаточно. Выйдя на пенсию, Степан Михайлович увлёкся литературным творчеством, им написано немало рассказов о жизни Каргаска в середине XX века, о детстве и ученических годах в Риге, о впечатлениях, которые он получал, путешествуя по Советскому Союзу после реабилитации. Приобретённые лингвистические знания Степан Михайлович продолжает совершенствовать чтением электронных газет на русском, эстонском, латышском, немецком, французском, английском языках, что однозначно расширяет его кругозор. Это позволяет ему взвешенно и трезво оценивать события, происходящие в мире. Бесценны воспоминания Степана Михайловича о жизни, людях, с которыми свела его судьба в Староюгино, Каргаске и Каргасокском районе. Переписывалась с ним не только я, но моя ученица Мария Чуянова. Она поделилась своими воспоминаниями о том, как повлияло это общение на неё: «Степан Михайлович стал для меня не просто живым мостом между эпохами, а примером невероятной стойкости и мужества. Его рассказы о пережитых испытаниях сформировали мой взгляд на историю и любовь к Родине. Пройдя через лишения и несправедливость, он не ожесточился, а посвятил себя сохранению памяти, уча через свои труды по истории края видеть за датами живые человеческие судьбы. Он научил меня чувствовать кровную связь с теми, кто жил на этой земле до нас, и нести ответственность за их память. Я бесконечно благодарна ему за эту эстафету, которую теперь важно передать нашим детям и внукам».

Полученная от него информация оказала большое влияние на разработку муниципального проекта «Прощение и память» (2006–2008 гг.) в Каргасокском районе Томской области. В 2009 году я, участницы проекта Мария Чуянова, Кристина Рейс и моя внучка Валентина Зарубина побывали в Эстонии, в Тарту, в гостях у Степана Михайловича. (Изначально город назывался Юрьевым. Это имя дал великий русский князь Ярослав Мудрый в XI столетии. В период с 1224 по 1893 год нынешний Тарту назывался Дерптом (Dorpat). В 1893 году Дерпт был снова переименован в Юрьев, а название Тарту ему было присвоено лишь в 1918 году, после установления первой Эстонской Республики). Два дня общения и прогулок со Степаном Михайловичем по красивому, зелёному, университетскому Тарту пролетели незаметно. Нас поразило архитектурное сходство главных корпусов университета Тарту и Томского. Об этой поездке вспоминает Кристина Рейс: «Со Степаном Михайловичем я заочно познакомилась, когда была ещё школьницей. Только-только делала первые шаги в краеведении, начинала изучать историю родного края. Это был 2006 год.

Степан Михайлович жил в Эстонии. Но присылал в школьный музей Валентине Михайловне Зарубиной чудесные, душевные письма о жизни сегодняшней и о временах минувших. Он не был «литератором», но имел прекрасный, художественный слог. Читать эти зарисовки всегда было интересно и познавательно. Ведь он видел наш район, наш посёлок и школу такими, какими я не знала. Многих вещей в принципе уже не существовало к 2000-м годам. А он был той самой живой, настоящей, человеческой Историей.

В 2008 году мы с Валентиной Михайловной, её внучкой Валею и моей одноклассницей Машей поехали в Эстонию. Насколько сам этот факт был особенным, неординарным, трудно описать. Школьная учительница и девчонки-подростки так «увлеклись» историей родной земли, что поехали в другую страну знакомиться с бывшими земляками!

В один из дней нашего путешествия мы приехали в Тарту к Степану Михайловичу.

На столе нас ждали варёные яйца, приветствующие нас на эстонском языке «Тере!» (Здравствуйте). Но сам Степан Михайлович был абсолютно нашим, сибирским, душевным и общительным. И таким он остаётся всю свою жизнь! Мы знакомы без малого 20 лет. За это время я пережила столько ярких, а порой и трагичных событий, множество переездов. Но все эти годы, ко всем праздникам я получаю от Степана Михайловича добрые, тёплые весточки, которые согревают, как что-то родное и незыблемое. И ценное сердцу...».

Кристина в 2012 стала редактором-составителем небольшого сборника литературных трудов Степана Михайловича. Он вышел небольшим тиражом под названием «Морщины времени». Юные художницы-землячки Анна Сорокина и Татьяна Кадетова его проиллюстрировали.

Благодаря Степану Михайловичу состоялось у меня знакомство с Алексеем Викторовичем Калныньшем, рижским художником. В 2010 случилась личная встреча с ним в Риге. Он тоже был в ссылке на васюганской земле, а местом ссылки стал Каргасок, где он работал художником-оформителем в Районном доме культуры. Зрители шли не только посмотреть спектакли местного театра, но и удивительные декорации к ним, написанные Алексеем Викторовичем. Он также в живописных картинах запечатлел Каргасок и его окрестности середины XX века.

Каждое письмо, присланное мне Степаном Михайловичем, открывало новые страницы истории нашего края и было огромным подспорьем в моей музейной работе в школе № 1 Каргаска и позже, после выхода на пенсию, в краеведческой деятельности.

Уже третье десятилетие продолжается наша дружба через переписку. Её наполняют разноплановые диалоги, обмен мнениями и кулинарными рецептами, рассуждениями о планетарных и локальных событиях, о человеческой природе.

В начале нашего общения Степан Михайлович написал мне, что «самое нужное для эволюции, для созидания – восстановить связь времён». Этим я занимаюсь по сей день.

Владимир Крюков

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

В 2019 году учитель и краевед из Каргаска Валентина Михайловна Зарубина обратила моё внимание на воспоминания Степана Климова «Морщины времени». Я напечатал несколько очерков в нашем журнале. Написанные хорошим языком, они не требовали какого-то редакторского вмешательства.

С осени 2019 года и началась наша эпистолярная дружба. Он рассказывал о своей жизни просто, откровенно, достойно:

«Моя лазерная операция прошла не совсем удачно – я окривел на один глаз: плохо определяю положение предметов в пространстве, ошибаюсь в клавишах при печатании. К тому же ещё оглох и всякие другие старческие немощи мне помехой стали. Но я не ворчу и не жалуясь на это, ведь у многих из последних могикан прошлого века дела идут гораздо хуже.

Живу я вместе с дочкой, внучкой и внучатами вблизи автобусной остановки, до которой три шага. За покупками сажусь на городской транспорт и бесплатным пенсионером еду до базара. В саду у нас, по унаследованной сибирской привычке, имеется огорожок, где растёт своя зелень. Чего ещё хотеть?!».

Как-то сразу установился у нас доверительный тон. И я писал ему как старому знакомому:

Дорогой Степан Михайлович! Вчера поставили точку с огородно-садовыми делами. Съездили к моему товарищу на лесопилку, набрали шесть мешков стружки, и жена аккуратно засыпала на зиму все два десятка кустов роз. Это её серьёзное увлечение, даже более того – большая забота. Выписывает разные сорта и добивается успехов. С июня по октябрь цветут розы. Мог ли я об этом думать в детстве там, за Нарымом, в своём селе. Сегодня пошёл снег. Это уже он, «третий снег». Многие приметы иногда не сбываются, но эта – я заметил – работает всегда. Значит, этот снег уже не растает, уйдёт в зиму. Ваш Владимир.

Здравствуйте, Владимир Михайлович!

Наконец «Начало века» прорвалось сквозь таможенные заслоны – журнал я получил. По совпадению, сегодня в саду выпал первый тонкий снег, сибирским приветом от Вас! Спасибо! «Начало века» – шикарный журнал. Издание его в нынешних условиях сравнимо с «Золотым руном». Вам нового Рябушинского удалось найти? Даже самый распространённый журнал «Нива» не мог без рекламы обойтись...

Садовые заботы полностью легли на плечи дочери. Потому она больше время тратит на стрижку газона и цветы. Главнейшее же у нас покупка дров,

сушка их летом в поленнице, чтобы осенью вовремя упрятать их в сарай. Таким вот бытом мы живём. Погоду предусмотреть в Прибалтике почти невозможно: самый правильный прогноз то, что в своём окошке видишь.

Вам доброго здоровья желующий С. Климов. 07.11.2019

Я стал постоянно печатать рассказы и мемуарные очерки Степана Михайловича. Благодарно отозвался о его стилистике, интересной подаче материала.

Прошу Вас не считать меня писателем. Писатель в ответе перед используемым им языком. Прошедшие долгие года придали значение моим заметкам, и теперь к ним проявился интерес, как к хронике рабкора. Берите меня таким, какой я есть! Всегда готов Вам услужить!

Малюсенькое замечание. Бараки на берегу Оби были самой известной частной собственностью в Каргаске, подобно исчезнувшим торговым рядам в Томске. Сохраним память о них! Аминь!

Как-то весной я написал ему, что посадил несколько новых кустов смородины. Он отозвался с живым интересом:

Хочу спросить о посаженных Вами кустах смородины, их ведь три сорта – чёрная, красная и жёлтая. Какие посадили? На правом берегу Оби, немного ниже Киндала, по краям протоков росла замечательная дикая красная смородина с ягодами величиной в добрую клюквину. Огородно-садовые работы мне стали непосильны, ими полновластно занимается моя дочь. У нас поспел редис, салат, укроп, которые мне подают к ежеутреннему завтраку, превращая в подобие вегетарианца. Пока я ещё могу сам себя обслуживать – топить печь, носить к плите дрова, готовить на ней себе еду. Однако в Тарту-Юрьеве продолжает действовать постановление, запрещающее старикам выходить на улицу (*это было время коронавируса – В. К.*). Мне закупают снедь домашние, чем доставляю им добавочные заботы, у них и так навалом своих хватает. Нашему жилищу скоро в обед сто лет исполнится, и где что отвалилось, надо поправить, что-то приколотить.

В погожие дни, по утрам, сажусь на чурбачок возле дровяного сарая и, прислонясь к его тёплой стенке, уютно греюсь на солнышке, наблюдая, как после бесснежной зимы, по-особому медленно, просыпается весенняя природа...

Я сообщил Степану Михайловичу, что поставил его рассказ в газету «Томский пенсионер». И что многие прочли, хвалили, спрашивали, как вы отыскали такого автора. «Так что читателей у Вас прибавилось среди жителей и жительниц Томска. Не все, кто читает «Начало века», знают про газету, и наоборот. Надеюсь, в компьютере Вашем есть программа для чтения PDF и Вы всё сможете увидеть».

Присланный мне pdf раскрылся. Я восхищён мастерством вёрстки, «Шанхай» умело разделён на главы, удобные для чтения. Большинство моих очерков, претерпев долгую ферментацию временем, содержат краеведческий материал, став интересными для читателей. Спасибо Вам, что

содействуете сохранению оногo. Отзывы показывают, как обыкновенный бытовой очерк приобрёл сейчас занимательность. Но для молодого поколения вся моя писанина – скука одна, которую до конца не дочитают. Обыкновенно я сразу подтверждаю получение весточки отправителю кратким сочетанием букв ОК! Потом имею время для ответа.

Как Ваша смородина прижилась? Тут она болеет, заражённая деревьями туи, распространёнными у многих частных владельцев вместо заборов.

Желающий Вам сил и нерушимого крепкого здоровья С. Климов. 25. 08.2020.

Далее я просто воспроизведу фрагменты писем моего замечательного адресата. В них вы почувствуете то, что у меня вызывает добрую зависть, восхищение. Какой живой интерес ко всем проявлениям жизни в свои серьёзные годы!

В последнее утро уходящего 2020, в четверг, в Норвегии совершилось большое несчастье. Во время громадного берегового оползня пострадало более 100 человек. Так этот год свой уход отметил! Слава Богу, ничего похожего у нас не произошло.

На Руси народ Новый год не отмечал, праздновали только рождение Христа, а свои работы согласовывали с днями святых покровителей...

Позади остался Новогодний праздник, вот уже начало 2022 года...

До Сочельника можно погрузиться в прошлое, поумствовать, заглянуть за кулисы исторических событий XX века, бывших скрытыми за семью печатями, судьбоносных, которым я был отдалённым свидетелем... Прояснить, как всё то складывалось в сегодняшнее, настоящее, окружающее меня, очень интересно. Молодёжь этого удовольствия не имеет: у ней нет достаточно прожитого, как у меня, которому может исполниться скоро 100 лет.

У меня сохранился только один глаз, слава Богу, ещё зрячий, каждое утро и каждый вечер поддерживаю зрение лекарственными каплями. От компьютера не отказался, по шесть часов и дольше, с перерывами, занимаюсь им, узнавая новости и учаю английскому языку.

Если у Вас повседневность особенно не изменилась, то в наши края хлынул поток украинских беженцев, что требует, согласно с требованием ЕС, предоставления им крова, питания и какой-нибудь работы. Без знания ими местного языка это трудно. Я никуда не выхожу, но посещающие город слышат там снова не угодную здесь русскую речь. Украинские события вызвали тут постоянный рост цен на всё. Не знаю, куда придём к зиме, когда придётся оплачивать отопление.

Вы спрашиваете о моём настроении? Оно стариковское в мои года. Больше в прошлом живу и, слава Богу, ещё дышу.

Здравствуйте, Володимир Михайлович!

Напоминаю о своём существовании.

Масленица на носу! Что будете готовить прибавкой к блинам? Я к ним предпочитаю, в крайнем случае, просто сметану подсолённую. Чёрная и красная икра: слишком дорого! Солёных грибов у меня нет. Остаётся – сельдь.

Я пропускаю сквозь мясорубку селёдку и подаю к столу смелотое, смешанное со сметаной, чтобы завернуть такое в блин, полить потом маслицем. Получается по рецепту (который нигде не найдёте!) моей матушки, просто, дёшево и вкусно. К этому и рюмочку не грешно принять! «Повесть о бражнике» замечательна в отношении питания: средний американец в год употребляет алкоголя больше, чем житель России. Удовольствие повести составляет сам язык, вероятно, 17 века, переходного периода к языку времени Петра.

Неизвестный нам вольнодумец написал сатиру, извод церковно-славянского, ставшую «отреченной» для издательства тогда. Цензура всегда существовала везде.

Между прочим, пост не запрещает водку.

Прилагаю «Бражника».

Вам всем всего доброго и хорошего настроения!

Весна наступает с её заботами, работами и ранним урожаем в лесу. Если есть возможность, как только появятся молодые ростки черемши, их надо срезать, дома крошить, солить, набить ими глиняную банку, закрыть ее берёзовой крышкой с гнётом. К зиме это послужит лучшим Вам лекарством, подобном эликсиру молодости. У нас такого не купить...

Почему Вы не переслали мне стихи, переложённые в песнь? Из скромности? Мне было бы это интересно.

Глазные капли Вам помогут поправить зрение. Я ими пользуюсь больше 20 лет. Они Вам облегчат редактирование журнала.

Странное предзимье у нас было в Эстонии: морозы, вновь дожди, с деревьев листва почти не падала. Наконец всё-таки стукнул мороз и выпал снег. Надолго ли?

Вся эта погода сопровождается внезапными бурями. Едва не погиб эстонский паром в море, а автомобили ставить под деревьями нельзя из-за сорванных вихрями падающих на них тяжёлых веток.

Теперь мне приходится ежедневно топить печь, что трудно, но служит мне утренней гимнастикой. Ничего хорошего не ожидается: приближается новая волна вирусов. Ответа от Вас нет... Надеюсь, ничего плохого с Вами не случилось.

Запоздало поздравляю Вас с юбилеем. Чтобы впредь Вам жилось с каждым годом лучше! Раньше день рождения русские православной веры не отмечали, а праздновали день ангела, когда после крещения родившийся получал своего святого заступника и свой нательный крест. У меня это Стефан Великомученик. Провести свой день ангела в уюте кафе, среди своих близких – это было хорошо устроено Вашим сыном. Правильно, Владимир Михайлович, что не переживаете отсутствие вдохновения. Придёт время, крылатый Пегас Вас сам копытом ударит.

Тут всё похоже на чёртово колесо: покупатель, экономя, сокращает свои закупки, этим уменьшая доход производителя, и тот, чтобы выжить, поднимает цену своего товара, что приводит к новому повышению цен и снижению употребления его продукции. А слабые производители объявляют себя банкротом.

С осенним урожаем нам не повезло: в летнюю сухумскую бездождливую жару в огороде всё засохло. Огурцы приходится в лавке покупать.

Да, время быстро проходит. Кажется, совсем недавно были мы молодыми...

Тут теплынь постоянно сменяется холодом, потому из-за нарушения атмосферного равновесия погода входит в штопор. Недавно в центральной области Эстонии пронёсся ураган. Этот мощный вихрь повредил линии электропередач, показав, насколько мы зависимы от электричества. В нашем городе оно отключилось на продолжительное время. Без него почти всё у нас остановилось: торговля, интернет, продажа билетов на вокзалах, и даже на улицах движение стало меньше. Через несколько прошедших часов, не зная, когда всё снова наладится, люди начали беспокоиться о сохранности своих запасов в морозильниках, а также искать в своих квартирах остатки свечек или плашек для освещения, ведь в ноябре темнеет рано. К счастью, к четырём часам дня всё снова наладилось.

Что касается поляков в Сибири, они туда ссылались в первое, второе восстания поляков, да и потом, о чём свидетельствовали эпитафии на Томском заброшенном кладбище. В 1941 году Сталин сослал часть поляков в Каргасокский район, откуда их спас от гибели генерал Андерс, уговорив Сталина организовать из них армию, воевавшую против немцев.

Ради смеха посылаю Вам пустячок, повторяющий Даниила Хармса. 03.12.24.

Новый год может стать самым тёплым за всю историю метеорологических наблюдений, и это единственно хорошее, потому что топить дома нужно будет меньше.

Полагаю, было бы хорошо, полезно открыть в Вашем журнале постоянный отдел «Отклики читателей». Ни одно устройство не обходится без обратной связи, этому нас учит кибернетика.

В новом году желаю Вам новых творческих успехов!

Когда-то дешёвая селёдка теперь продаётся в герметичной упаковке поштучно, с указанием калорийности, сроком сохранности, времени вылова и адресом рыболовной фирмы. Ну просто смеяться хочется, хоть не смешно.

Настало время собирать грибы. Обычно опёнки многие не употребляют. А зря. Суп из них вкусен даже без мяса.

Рецепт простого супа из них:

перловая крупа – 4 ст. л.; картофель – 2 клубня; сушёные грибы – 2 горсти; лук – 1 шт.; вода – 1,5 л; морковь – 1 шт.; масло растительное – 1 ст. л.

Я продолжаю жить под звон колоколов соседней кирхи св. Павла, и принуждён всё больше отказываться от привычного, становясь поклонником Сократа: моё самочувствие зависит от погоды.

Удалось ли Вам восстановить свою Ипокрену? (*источник вдохновения – В. К.*)

Желаю Вам крепкого здоровья и успехов во всём!

Ваш С. Климов. 26.09.2025

Все эти годы я чувствую родственную заботу и участие в моей жизни этого удивительного человека, удостоившего меня общением. А тут приближается его юбилей, да ещё какой!

1 января 2026 года Степану Михайловичу исполняется СТО лет. Пожелания просты: сохранить здоровье и ясность ума! Уверен: меня поддерживают наши читатели, знакомые с многочисленными публикациями юбиляра.

Степан Климов

СМЕНЫ-ПЕРЕМЕНЫ

Давно известно: не существует ничего постоянного! Всё меняется. Всё сегодня обыденное потонет в будущем забвении почти без предметных следов. Вот почему бывает занятным вспомнить, как жилось нам в Каргаске при Сталине в годы войны и после неё. Вспомнить то, что было и, надеюсь, никогда больше не будет. Кое о чём я успел рассказать, кое-что в тех рассказах к перу не пришлось. В надежде сохранить оставшуюся в памяти малость тех времён доверяю её этим листкам.

В те года ссыльные района были подвластны комендатуре, государствовавшей в деревянном одноэтажном здании на приобской улице Пушкина. За ним находились комендатурский склад продовольствия первых лет переселения спецов (при мне уже пустой), паровая мельница, и у самого берега рядом с оврагом двухэтажное общежитие комендатуры.

Этот овраг промыли талые воды, сбегавшие весной от обширного болота на задах Каргаска, летом иссякая, оставляя у реки заливчик, где обычно стояли лодки. Через квартал чернел заплот пересыльной тюрьмы, а около неё начиналась улица Трактовая.

Зимой по Трактовой улице прибывали этапы арестованных из васюганских поселений и, доукомплектованные в тюрьме, угонялись дальше Колпашевским трактом в сопровождении конвойных в белых овчинных полушубках с винтовками наготовё...

Летом было проще: комендатура имела свой моторный катер, доставлявший комендатурские чины в посёлки для проверки установленных порядков, для проводимых там арестов ссыльных, болтнувших лишнее, увозя потом задержанных тем же катером в Каргасок.

Я тоже подлежал надзору с обязанностью ежемесячно регистрироваться в комендатуре. Самая серьёзная организация района – НКВД – размещалась в двухэтажном здании. В окнах этого учреждения свет горел всю ночь напролёт так же, как в окнах Кремлёвского кабинета Сталина.

Надзирал за благонадёжностью жителей всех должностей и статусов района начальник райотдела НКВД в чине капитана, при этом распоряжаясь судьбами ссыльных подобно императору, живя казарменно на втором этаже дома рядом с отделом.

Тут же, в другом двухэтажном здании, находились телефонная централь и телеграф почты. Вблизи почты высились две мачты радиостанции с домиком радиста между ними. Радист, ведая тайны ведомств, был замкнутым и ни с кем не общался. Молодые телефонистки почты, знавшие не меньше его, на танцы в РДК всё-таки ходили.

Чтобы по телефону поговорить, следовало покрутить имеющуюся у аппа-

рата ручку, затем, сняв трубку, сообщить телефонистке, с какой организацией соединить. Закончив разговор, нужно было дать «отбой», снова покрутив ручку телефона.

Когда-то важным занятием жильцов Каргасокского района был промысел пушнины. Потом большее значение приобрели лесоразработки, однако фабрики под эгидой «Сибпушнины» остались. В соседстве с почтой, через дорогу, у самой Оби, стояло капитальное здание без окон, где хранились меха, добытые охотниками.

Мне этот склад запомнился слабым, но особым запахом окрест него. Зато другое здание, принадлежащее Каргасокскому кожзаводу, источаемой вонью просто сшибало с ног! За кожзаводом простирались общественные картофельные поля организаций и рабочих. Один год мы там себе посадили картошку, но после трудов собрали урожай, почти не имея прибыли: без навоза, на этом глиняном такыре картошка уродилась мелкая, как грецкие орехи!

О конце войны узнали утром, когда ещё жили в «Соединённых Штатах»¹. В наше окошко постучали, известив, что война кончилась! Сразу не поверилось – только включив радиоточку, услышали тому подтверждение. На улице возбуждённые жители барака радостно делились своими надеждами. Конечно, госпожа Бакст нам торжественно заявила:

– Aber nun sage ich ihnen bestimmt, dass wir bald nach hause fahren!²

Однако скоро стало очевидным: конец войны изменения судеб ни для нового контингента, ни для высланных немцев не означал. Семьи спецов-фронтовиков, снятые с учёта комендатуры, тоже оставались закреплёнными в своих посёлках теперь уже колхозным уставом. Сущность сталинского режима оставалась прежней – сдерживать то стремление к справедливости, которое обуяло большинство демобилизованных фронтовиков.

Местная власть Каргаска встала в тупик.

К примеру, приходит в служебный кабинет фронтовик при орденах и медалях, со своими бытовыми нуждами по вывозке дровишек из леса или выписке со склада обуви взамен износившихся ещё на военных дорогах казённых кирзачей, а ему грубый отказ от начальника, просидевшего штаны в своём кресле под защитой брони всю войну! Ну не стерпеть бывшему солдату в шинелишке такое к себе небрежение от сытого и добротнo одетого чинуши! Дело доходит до рукоприкладства и жалоб в милицию. И как тут местной власти поступать, когда нет пока на это ясного указания сверху?

Ещё до окончания войны появились в Каргаске «психи» из числа контуженных в боях, находящихся во временном отпуске, имевших документ о своём состоянии, освобождающий владельца от ответственности за поступки, совершённые им при аффекте.

Один из них стал терроризировать население села, вдруг беспричинно набрасываясь на случайно повстречавшихся прохожих... Женщины, пугаясь его, отказывались выходить на улицу! Даже всемогущий НКВД оказался бессиль-

¹ Бараки «Шанхай», построенные китайцами.

² Теперь мы обязательно скоро поедem домой!

ным до поры, когда через долгое согласование наконец больного самолётом вывезли в Томск на лечение.

В ту пору у комендатуры тоже возникли новые заботы из-за орденоносных фронтовиков из Прибалтики, нередко ещё продолжавших служить в армии, наездом выкрадывавших своих близких из ссылки. Не помог комендатуре перевод «нового контингента» на самоконтроль, назначив десятников, обязанных ежедневно совершать проверочный обход за «своими», отвечая за побег поднадзорных...

Наконец местное НКВД получило негласное указание изымать под всякими предлогами у подозрительных приезжих паспорта. Эта мера оказалась действенной: лишённого паспорта приписывали к комендатуре, и вызвать такого беспаспортного из-под неё потом было делом трудным и долгим.

Власть устраивало, что население продолжало жить по советским поговоркам: «Наше дело телячье – куды пошлют, туды и пойдём!», «Начальству виднее!», «Пусть лошадь думает – у неё голова большая». Ибо от раздумья в народе одни вреды общему сталинскому делу.

Без лишнего умствования победу Советского Союза над фашизмом после войны требовалось приписывать исключительно гению Сталина, что переросло в культ Вождя. В таком сиянии Сталин продолжал «безошибочно» руководить восстановлением хозяйства СССР, намечая будущее страны. Пока в Каргасокском районе от того ничего не переименилось, а плакаты в зале РДК кричали о намеченных грандиозных выплавках чугуна, обещали сотни тысяч пудов зерна для будущих нужд населения.

Правда, появился «коммерческий» хлеб: его можно было по высокой цене купить в государственной торговле. Первой коммерческой столовой в Каргаске стало заведение в неказистом домике напротив парикмахерской... Орудовал там ловкий мужик, покупавший продукты прямо у населения, впридачу промышленявший вещами, никакого отношения к общепиту не имеющими... Естественно, «сверхприбыль» в казну не поступала. В итоге ловкача посадили, а коммерческая столовая этим своё существование закончила. Ещё на базаре появились леденцы на палочках... Потому не удивило, когда во время ревизии Каргасокской базы снабжения между штабелями мешков с сахаром обнаружили вёдра, полные воды.

Сгорел пассажирский пароход «Карл Маркс». Говорили, что пароход «проиграли» на картах блатяки.

Для преодоления государственных финансовых трудностей среди населения в 1946 году начинали «добровольно» размещать навязанную подписку на облигации Займа Восстановления и Развития Народного Хозяйства СССР в размере одной месячной зарплаты. Это продолжалось потом ежегодно.

Не подписаться значило быть нелояльным... Один раз в году по займу разыгрывалась лотерея, и некоторые везунчики по ней даже выигрывали! Но это не утешало других.

К государству-победителю было приковано внимание всего мира. И в доказательство народовластию Сталин решил провести выборы в Верховный Совет. Выборам предшествовала встреча населения с намеченным депутатом.

Подготавливая к тому зал районного Дома культуры, нашли его неприветливым и тёмным, на что завклубу указали.

Легко сказать! Но как и чем при нехватке всего сделать помещение уютнее? Через множество консультаций родилась мысль подвесить к потолку зала люстру с подобием пятиконечной звезды с лампочками на концах... Звезду сколотили из досок, покрасили красной краской, создав конструкцию в стиле Владимира Татлина. Мне пришлось крепить этот монстр на потолке зала, чуть не свалившись при этом с шатких лесов из столов, поставленных друг на дружку.

Накануне назначенной встречи печи были хорошо вытоплены, на сцене для президиума три сдвинутых стола покрыты единой красной скатертью, штатная трибуна для выступлений поставлена. Завершили полный комплект три райисполкомовские настольные карболитовые лампы: одна для лектора, две в президиум. Нечего сказать: лампы удобные и даже красивые, только присоединить мне их надо было, не имея изоляционной ленты! Обошёлся, просто обернув места соединения проводов бумагой, а сверху всё ещё обмотав нитками.

Готовность зала к предстоящей встрече тщательно проверила специальная комиссия.

Следующий день проходил в нарастающем напряжении до момента, когда в РДК явился сам ДЕПУТАТ в сопровождении искательной свиты, прилетевший на самолёте из Томска. За кулисами собрались сотрудники НКВД, какие-то незнакомые люди тоже из области, волнующийся завклубом, дежурный пожарник и другие, ответственные за мероприятие лица, в то время как зал уже был занят избирателями, пришедшими по особой разнарядке...

Следует знать, что тогда наступили времена холодной войны, и под Томском появился засекреченный центр, связанный с атомной энергией, почему даже в Каргаске болели страхами диверсий и шпиономанией. А тут приехало такое значительное лицо и проводится подготовка к первым послевоенным выборам в Верховный Совет... Мало ли что! Оплошность по недосмотру могла дорого стоить тутошнему начальству! Но всё обошлось! В первом ряду за столом президиума сел сам ДЕПУТАТ. Первый секретарь райкома поставил вопрос о членах в президиум, чему из зала сразу поступило готовое предложение имён. Выбранный единогласно состав поднялся на сцену и, заранее проинструктированно, расселся по своим местам по рангу – кто в первом ряду за столом, кто во втором. Затем, как по нотам, выбрали председателя президиума, секретаря. Председатель президиума выступил, читая по бумажке вступительную речь... Словом, всё прошло без загвоздки к облегчению всех!

Сами выборы состоялись 10 февраля 1946 года. Они проходили в Каргаске весело! По селу прошёл слух, что в РДК станет работать буфет! Потом пронеслась сенсация: в буфете станут торговать пирожками!! В день выборов районный Дом культуры открылся в шесть часов. Хотя мне как электрику там было положено дежурить до самого конца выборов, но до пирожков мне так и не пришлось пробиться! Люди заняли к ним спозаранку такую мощную очередь, сквозь заслон которой прорваться не удалось.

Тем временем в РДК шла бесплатная непрерывная программа: выступле-

ния самодеятельности сменялись повторными показами кинокартин «Ленин в Октябре», «Депутат Балтики», «Броненосец Потёмкин».

В 1947-м объявляется денежная реформа.

В те поры не было в Каргасокском районе богатеев: послевоенная денежная реформа крепко ударила по всему местному люду. Внезапно ходившие до того деньги потеряли свою стоимость, и стали обмениваться на новые по курсу 1:10. Сохранили свою прежнюю стоимость только вклады в сберкассе до 3000 рублей. После реформы сберкасса выпустила назидательный плакат: «Не храни деньги в кубышке, а храни их на сберкнижке!».

Реформа не учитывала, что без некоторого запаса денег жить никак нельзя – они нужны были для выкупа своего дневного пайка хлеба; на случай болезни (для того же универсального «Кальцекса» в аптеке), или когда что-то необходимое на миг появлялось в местных магазинах.

Изъяв «лишние» деньги населения, Сталин отменил в 1947 году карточную систему вместе с действовавшими некоторое время после войны коммерческими ценами на товары в потребительской торговле.

В войну каждый житель села был прикреплен к определённом магазину, где продавец вырезал в бурой продовольственной карточке покупателя соответствующий прямоугольничек, отоваривал его граммовой нормой продукта, указанного на нём... Отмена этих карточек совсем не означала, что хлеб можно будет впредь покупать в любом количестве. Теперь хлебной нормой в одни руки стал кирпич, иногда полкирпича, смотря по завезённой в магазин выпечке... Хочешь купить больше – начинай опять с хвоста очереди и выстаивай её снова всю. Могло статься, что в лавке хлеб кончился раньше, чем по второму кругу к прилавку подоспеешь... Желая купить нужное количество хлеба наверняка, занимали очередь в магазин утром до его открытия, иногда часа за два!

Другие продукты или промтовары торговля «выбрасывала» тоже в ограниченном количестве.

Настоящий ажиотаж проявлялся, когда неведомыми путями дознавались, когда в магазине «выбросят» тюль! Казалось, тюлем Каргасок не будет насыщен никогда! Большинство подобно ему купленных дефицитных товаров пряталось бабушками впрок про чёрный день. У большинства жителей Каргаска в наборе домашней мебели шкаф не числился, зато сундуки были у всех.

Раз, к слову, раньше оказалась упомянута парикмахерская Каргаска, то надо сказать о её значении в жизни общества, причислявшего себя к интеллигенции села. Парикмахерская была по тем временам благоустроена и светла: её большие окна выходили на улицу, перед каждым местом мастера стояло хорошее зеркало, а обслуживание клиентов совершалось на должном уровне... Парикмахерская стригла и брила исключительно мужчин. Где женщины в те года укладывали свою причёску, для меня ещё и сегодня тайна.

Мужчины посещали парикмахерскую по нужде или по удовольствию: мастерицы там были молодыми и одна даже очень хорошенькая. Подстриженные под полечку, полубокс или бокс, побритые мужчины выходили из парикмахерской в облаке тройного одеколona фабрики ТЭЖЭ (Треста Эфиро-Жировых

Эссенций). Если они желали, то их могли ещё дополнительно вспрыснуть духами «СИРЕНЬ», чтобы почувствовать себя после этого совсем помолодевшими и окультуренными...

Хорошей новостью стало открытие нового магазина ОРСа Госпароходства... В навигацию курсирующие по Оби пассажирские пароходы имели грузовые трюмы для доставки товаров. Грузчики в просторных серых шароварах и серых накидках выносили ящики на наспинных «горбушах», а мешки просто на плечах.

Перемены произошли в воздушном сообщении: аэродром с лугов под Старым Каргаском перенесли на место бывших картофельных полей за кожзаводом, где стали принимать двухмоторные транспортные самолёты типа «Дуглас». Зимними утрами оттуда по всему селу раздавался рёв разогреваемых авиационных моторов.

Ещё тысяча девятьсот сорок седьмой печально отмечен новой волной ссылок из областей, находившихся под оккупацией гитлеровского режима.

Отношения с бывшими союзниками испортились к тому времени совершенно. В 1949 году была взорвана первая советская атомная бомба, и после этого между Западом и СССР политика строилась на противостоянии. Америка, разбогатевшая войной, превратилась в сверхдержаву, задающую тон в мировой политике.

В противовес тому заключалась великая «братская» дружба между Сталиным и Мао Цзэдуном.

Имея Китай с его гигантскими солдатскими ресурсами как верного союзника, Сталиным устанавливалось равновесие. Китай, умноженный на советскую атомную бомбу – мощь непреодолимая! Теперь, казалось, противникам СССР грозить ему будет нечем!

Каргасокские студенты-заочники, возвращаясь в село после экзаменационных сессий, привозили домой не только новейшие анекдоты, но и рассказывали об ударном освоении наук китайскими студентами в советских вузах...

Но вот незадача: как в Китае, так в Советском Союзе вопрос о продовольствии по-прежнему оставался не разрешённым. Потому карагасокский житель, тоже по-прежнему, продолжал существовать своим небольшим огородом, где цветам места не находилось, да дозволенным поголовьем домашнего скота... Летним утром коровы общественными пастухами выгонялись на пастбища, вечером сами возвращались и у своего прясла призывно мычали, вызывая к себе свою хозяйку... От каждой коровы продолжалась утешительная обязательная молокопоставка... Утренние очереди за хлебом у магазинов не исчезали...

Сталин задумал решить проблему зерновых, сделав засушливые земли страны плодородными... По его велению разрабатывались грандиозные полководческие планы защитных лесопосадок, долженствующих оградить будущие посевные земли от губительных суховеев. Оставалось лишь подождать, пока защитные лесопосадки вырастут... Этому полагалось верить. Сомнение в Корифее Всех Наук грозило лагерем...

В Каргаске, между райисполкомом и РДК, в должностном рвении мест-

ночтимого верховодства, создаётся парк со статуей Сталина в центре. Пусть хлеб на засушливых землях ещё не выращен, но на стене недавно в селе основанной Станции Юных Техников красуется копия широко известной картины Шурикова «Утро Родины», на которой Сталин среди засеваемого зерном огромного поля.

В Нарыме, в доме, где жил ссыльный Джугашвили, открывается музей Сталина, куда организуется паломничество школьников области... Оно должно воспитывать в учениках веру в Сталина, рост убеждённости в государственном счастье, связанным со счастьем личным.

Подготавливая СССР к предполагаемому столкновению с империализмом, Сталин начинает спланировать страну кампанией бдительности. Враг коварен! Он продолжает маскироваться так же, как маскировался в тридцатые годы! Отзываясь тому, каргасокские власти предписывают у колодцев устанавливать круглосуточные дежурства тех, кто ими пользуется, по причине возможной угрозы отравления общественных колодцев диверсантами.

Мимо Каргаска проплывает несколько пароходов, окрашенных в серый (шаровой) цвет. Говорят, это часть военной Обской флотилии...

Пропагандист райкома на собрании учителей средней школы по докладу о международном положении сообщает, что новая война неизбежна в ближайшем будущем.

Господи, неужели всё снова?!

Тимофей ЗАНИН

ВОПРЕКИ СМЯТЕНЬЮ ГОРОДОВ

* * *

Без разлук – нет стихов.
Нет покоя без нервов.
Без последних штрихов
Не бывает шедевров!
Без лесов – нет полей.
Без дождей – нет печали.
В перепутье аллея
На скамейку причалим.
Без вины – нет вина.
Без гитары – нет песен.
Нас судьба повела
Мимо зависти, спеси.
Мы бокалы нальём.
Мы гитары настроим.
И друг другу споём
Что-то очень простое.

* * *

Наше прошлое отжилó.
И пора его позабыть.
Почему нам так тяжело
Разорвать эту тонкую нить
Между нами и тем вчера,
Между «прочим» и «как-нибудь»?
Проводили мы вечера,
Так, как будто их можно вернуть.
В городах одиноко нам.
В твоём сердце приют пустоты.
Так зачем сохраняешь хлам
Из отжившего прошлого ты?

* * *

Среди задумчивых берёз,
среди тропинок местных,
закат до нас с тобой донёс
свет, раскидав в подъездах.

Среди теней и пустоты,
с рождения до тризны
хотелось просто – простоты
и чистой, честной жизни.

* * *

Силуэты старинных домов,
городских переулков изгибы.
В глубине опустевших дворов
раствориться б в июле и сгинуть!

А июль так предательски свеж:
Блики солнца и запах трав свежий.
И в стихах бесприютных надежд
лик печали встречается реже.

Я берёзы коснулся рукой.
Жизнь бежит, словно реченька, наша...
Вдруг задумался – кто я такой
в суете меж бетонных башен.

* * *

Аптека, улица, пивнушка –
всё это за моим окном,
и осень – дряхлая старушка –
людей опять загонит в дом.

А вслед за ней придёт ноябрь,
подарит свежий первый снег.
И все мы так безмерно рады
встречать с любимыми рассвет...

И в ноябре есть отраженье
любви, что наполняет дом.
И стрелки ловкое движенье
замрёт в пространстве временном.

* * *

Трамвай бежит сквозь старый город,
и фонарей свет золотой
ложится на сугробы. Холод
граничит с жаркой суетой.

Через Ушайку на трамвае
мост каменный ведёт нас пусть.
Я взглядом мир весь обнимаю,
и площадей ласкаю грусть.

А мы на светофоре встанем,
и постоим, и дальше в путь.
Потоки пешеходов стали
в вечернем сумраке тонуть.

И вот трамвай плетётся снова
сквозь город сумрачных витрин.
И каждый в нём продрогший, словно
в толпе. Но всё-таки один...

* * *

Почему в деревню меня тянет
По ту сторону Томи-реки?
Там не социальными сетями
Берег обтянули рыбаки.

Солнце там дома не закрывают.
Небо шире, чище и синей.
Тучи кораблями проплывают,
Тень пуская в зелени полей.

Воздух чище, сосны величавей,
Банный рай практически готов.
И на грядках подрастает щавель
Вопреки смятенью городов.

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА

КОСТРОМ РЯБИНЫ ДОГОРЮ

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

Мне всё ещё снятся тревожные сны:
Майдан, предвещающий горе войны,
Погибших от пуль, чувство общей вины
И тот президент, что сбежал из страны...

Отчётливо вижу смятение людей,
Что места себе не находят нигде
От множества мыслей, прогнозов, идей,
Забиться стремящихся в тяжком труде.

Я вижу себя: как я гордо несу
Родной триколор, с ним – российскую суть,
Как лью в предвкушении чуда слезу
И громко кричу: «Сердцем, Крым, голосуй!».

Мне всё ещё снятся прекрасные сны:
Нарядность садов от цветков белизны,
Всеобщее счастье от Крымской весны
И чувство, что мы наконец спасены!

БЕЛАЯ СКАЛА

Я бережно кистью в картину несу
По капле всю реку Биюк-Карасу.
И вижу: девчонка, такая как я,
Спиной прислонилась к стене Ак-Кая.
От горя прогоркла степная полынь –
Любовь погибает у Белой скалы.

Знать, ветер укладывал феном ковыль
И выдул всю дурь из её головы.
Но птицы признаний щебечут слова,
Лучи продолжают лицо целовать,
И жить призывает во веки веков
Скала нуммулитовых известняков.

ПАРАД ТЮЛЬПАНОВ

Отложив на потом все планы,
Я поеду смотреть тюльпаны
В Ботанический дивный сад.
Бахрома лепестков, их рюши,
Вкусно пахнущие к тому же –
Вот селекции чудеса!

Посмотреть на «Салют Победы»
Обязательно я поеду –
Я хочу посмотреть сама,
Как сдвигают цветы бокалы,
Чтобы солнышко их ласкало,
Разливая свой аромат.
Тут влюблённых в природу много!
Все понюхать хотят, потрогать
Красоту неземных цветов.
Над оливковой рощей парка,
В лабиринте тюльпанов ярком,
Каждый встретить любовь готов.

Открывается вид на море...
Здесь знакомятся люди, спорят
О понравившихся сортах.
Половинку найдя вторую,
На прощанье цветы воруют,
С поцелуями на устах.

Даже если мне будет не с кем
Насладиться деньком апрельским,
Всё ж цветенья пришла пора:
Где по тропкам гуляют киски,
В ботанический сад Никитский
Я поеду смотреть парад!

ТАРУСА ЦВЕТАЕВОЙ

Чем больше узнаю людей,
Тем больше я люблю деревья...
Такой не видела нигде
Как Вы, прекрасной дамы трэф я.

О Вас, Марина, говорю,
Верёвку связывая в узел.
Костром рябины догорю
У камня Вашего в Тарусе,

Там, где хотела бы лежать
Поэт Цветаева Марина,
Чтоб ввысь свободная душа
Летела в клине журавлином.

Мне чья-то светлая рука
Сотрёт с лица несчастья слёзы,
Ока покажет берега,
В поклонах выгнутся берёзы.

И я увижу: Вы одна
Плывёте в деревянной лодке,
Печаль свою испив до дна,
Пройдя нелёгкий путь короткий.

Как в сердце нож – глаза в глаза
В меня упрётся взгляд Ваш русский,
Я в нём увижу небеса
И купола церковей Тарусы.

Вы бросили к моим ногам
Ваш город – место тихой грусти,
И он, влюбив в свои луга,
Теперь надолго не отпустит.

Всё Вашим именем простым
Здесь наполняет, словно светом,
И белой бузины цветы
Напоминают мне об этом.

ДЕРЕВЬЯ

Задумчив деревьев вид –
Молчат они мне в ответ,
Лишь ветер один шумит,
Запутавшийся в листве.

Всю силу храня в корнях,
Ветвями ловя лучи,
Деревья могли б меня
Жить в мудрости научить.

Всё видевшие, они
Бесстрашно ждут ураган.
От многих из них лишь пни
Оставит рука врага.

А тем из них, что вдали
От рек и озёр росли,
В ответ на призыв молитв
Лишь ливень давал полив.

Быть памятником живым
Тому, кто тебя взрастил,
Умеете только вы –
Хранители мудрости!

БЕСЫ

Спит в мразотном болоте
Одноглазое Лихо,
Палкой в окна колотит
Битый час облепиха.
Кошка жилки коснётся,
Прошущукает мышка:
«Скоро Лихо проснётся –
И тебе будет крышка».

Жди и слушай, как ветер
Завывает протяжно.
Ты за совесть в ответе,
Что так мучает страшно,
Будто дразнят и шепчут
Бесы на ухо тихо:
«Разбуди, сумасшедший,
Одноглазое Лихо».

УРАЗА-БАЙРАМ

За строгий пост в награду дан
В священный месяц Рамадан
Пир, что гуляет по дворам, –
Роскошный Ураза-байрам.
А накануне, в ночь молитв,
За тех, о ком душа болит,
Как темноты черкнёт сурьма,
Всех правоверных мусульман
За праведные их дела
Услышит Ар-Рахим Аллах.

И, как бы ни были бедны,
В большом кругу друзей, родных,
Даря душевное тепло,
Готовят мусульмане плов.
И много разных подают
Национальных вкусных блюд.
Пусть вас Аллах вознаградит
Огромным счастьем впереди!
И по-арабски повторим
От сердца: «Рамадан карим!».

Елена ЛАНКИНА

ОСЕННИЕ ЗАРИСОВКИ

* * *

Увядает ведь только листва.
А поэзии – вечны слова!
Как жемчужины, их собирай –
Обретёшь восхитительный рай.

* * *

Травинка спелая, сухая, белая...
Несёт её к воде, осиротелую,
Забавник-ветер, осени дружок,
Что разметать листву так ловко смог.

Лети, былинка, где берёзок отраженье,
Манящее до головокруженья!

* * *

Эти астры бордовые,
Как узоры ковровые,
Что сошли со стены
И очнулись... И в вазу
Окунулись. И сразу,
Вспыхнув жёлтеньким глазом,
Удивились: где мы?

ПРЕДЗИМЬЕ

Предзимье – репетиция зимы,
которую ещё не ждали мы...
Ведь, наслаждаясь осени теплом,
походкой лёгкой покидая дом,
гуляли по бульварам и мостам,
любясь гроздьями рябины... А листьям,
что на обочинах дорог, грустя, лежат,
октябрь уж прочил скорый снегопад...

Владимир Манилов

ПУСТЫРЬ

Опираясь на трость, стоял Игнат на тротуаре перед обширным пустырём и не верил своим глазам. Всё его детство прошло здесь, на пересечении Карповского переулка с главной улицей города. С тех пор, как умерла матушка, он не бывал в этих местах, да и сегодня-то зашёл случайно. Сколько он себя помнил, тут всегда текла размеренная жизнь, которой, казалось, не будет конца. Однако на деле оказалась всё несколько иначе: на проспекте, как и прежде, шумели машины, спешили куда-то рогатые троллейбусы, на перекрёстке стоял народ у перехода, ожидая зелёный свет, а вот на месте бывших добротных домов на углу с проспектом Ленина теперь ютились временные торговые палатки, за которыми собственно и раскинулся заросший бурьяном пустырь.

Жара, обычная на Петровский пост, кружила голову старику и мутила его взор без того почти ослепших, слезившихся глаз.

Чем дальше он стоял, всматриваясь в неприглядную картину, тем яснее в памяти всплывали эпизоды из прошлого. Словно миражи в пустыне, возникали перед Игнатом сцены давно минувших событий, памятные ему самому и по рассказам матери, любившей вспоминать «старое доброе время»...

Вот сидит на крыльце маленькая девочка Люба – дочь кондитера Агафонова, приехавшего в Сибирь из России. У Николая Фёдоровича был патент на кондитерку: делал он карамели, ириски, прочие сладости, и сдавал их в буфеты. Семья жила на Карповском в длинном двухэтажном доме, бывшем Донцова. Дом стоял торцом к переулку, с торца же была входная дверь и высокое крыльцо, на котором усаживалась по утрам Люба слушать звуки зарождающегося дня: запевалой в этом «хоре» выступал петух во дворе, чуть позже добавлялось цоканье лошадок по мостовой на Миллионной, частое и торопливое легковых и тяжёлое, размеренное ломовых битюгов, понукаемых полусонными извозчиками. Когда открывалась лавочка частника Сватикова, и люди заходили за покупками, слышался малиновый звон колокольчика на входной двери. Слева, ближе к Духовской улице, переименованной в К. Маркса, была бондарка Блинковых. Отец и сын Блинковы делали кадки и всевозможные деревянные лоханки – тоже с утра начинали стучать киянками. Все эти звуки сливались в настоящую симфонию, а по праздникам ещё басовито солировал большой колокол Воскресенской церкви на горе – слышно было хорошо, потом его убрали. Тогда же снесли и церковь на Песках, наверное, самую красивую в городе – Сретенскую. Она стояла на Карповском, сразу за Миллионной улицей, как продолжали по старой памяти называть Коммунистический проспект.

Если пойти в сторону реки – Карповский переулок упирался в овраг, вернее, в высохшую старую протоку Томи. Чуть левее от переулка был деревянный мостик через этот овраг. Сразу после войны его начали засыпать, а рань-

ше там была центральная свалка Томска, со всех заводов свозили туда мусор, какого только «добра» пацаны там не находили. Потом уже на месте свалки построили здание рынка.

В угловом доме на пересечении Карповского переуллка с проспектом, в полуподвале располагалась торговля Михаила Ивановича Сватикова – такой хороший был, добрый – вспомнилось Игнату. В лавочке его можно было купить хлеб, соль, папиросы, рыбку и другие товары первой необходимости... забрали в 37-м году. Прямо над лавочкой, в маленькой комнатке, квартировала вдова известного фотографа Юнышева с сыном Сергеем. После смерти мужа ей пришлось оставить прежнее жильё на улице Розы Люксембург – Розочке, как говорили в народе, и поселиться по божеской цене у Сватикова. Она же посоветовала Агафонову отдать Любу в ученики к фотографу Хаймовичу, который был управляющим одной из фотографий «Роскино».

В следующем доме, за углом по Миллионной, жил старик Секисов – некогда очень состоятельный человек. Чем он занимался, никто не знал, но жил всегда в достатке. Раньше в его доме были парадный и чёрный ход. Над парадным крыльцом был красивый эркер с цветными витражами, на заднем дворе – амбары, сеновал и баня. Во дворе была беседка, и между деревьев висел гамак, но он больше любил сидеть на лавочке возле дома в добротном бобриковом пальто, в преклонные годы он совсем ослеп, но осанка и опрятный вид сохранились с прежних времён.

Как-то не везло ему в жизни – первая жена умерла. Потом он женился на своей бывшей горничной – молодой и фасонистой, родилось двое ребятишек, но через какое-то время она приглядела себе мужичка помоложе и уехала с ним из города, а Секисов, не дождавшись заплутавшего счастья, в конце концов повесился на задах в своём амбаре.

Напротив Секисова, по другой стороне Коммунистического проспекта, стоял дом владельца дрожзавода Зверева. Он оставил его ещё в Гражданскую, когда всей семьёй покинул город с отступающей Белой Армией на восток. С тех пор о нём ничего больше не было слышно. Когда, сравнительно недавно, дом сторел, говорят, через пустые оконные проёмы видны были две шикарные печки в зелёных изразцах.

Много что ещё вспомнилось Игнату: как гонял с пацанами голубей, мода тогда была на голубей, как ходили по дворам точильщики, горланя на всю улицу: «поправляем, ножи-ножницы точим», как старьёвщики меняли шары и свистульки на всякое тряпьё, как с барабанной дробью появлялась на переулке подвода с керосином, это кучер с такой лихостью наярывал по железной бочке своим «смычком», что церковные звонари в подмётки ему не годились. Опять же по тону бочки можно было узнать, полная она или керосин уже кончается. Полная звучала глухо, полупустая – звонче, а почти пустая ещё звонче, и слышно было дальше...

– Да-а, жаль, что это знаю только я, а скоро и никто знать не будет. – Игнат безнадежно махнул рукой. – Хороша жизнь была или нет? Кому как... но она была, а сейчас что?.. Пустырь. А ведь люди поди думают, что пустырь здесь был всегда, всегда стояли убогие палатки с мелочным товаром и ничего-то никогда не было здесь хорошего.

– Ну что, дед, раскорячился посреди тротуара – обходи его, – пробурчал какой-то недовольный прохожий.

От неожиданности Игнат поспешно шагнул вперёд, пропуская мужика.

– Эх, жизнь... пролетела, как две копейки...

Старик, смахнув наверхнюю слезу, направился к автобусной остановке на проспекте Ленина. Завернув за торговые палатки, он едва не наступил на ребёнка, оказавшегося на его пути.

В тени торгового навеса на земле сидела маленькая девочка и играла с забавным щенком, всё норовившим укунить её за ручку, которой она гладила щенка по голове. Перед этими увлечёнными игрой малышами стояла на земле бумажная тарелка, похожая на те, в которых подают пирожки в железнодорожном буфете. В тарелке этой, предназначенной для милостыни, не было ни гроша, но это мало волновало девочку и никаким образом не отражалось на её настроении. Иногда она, вероятно, вспомнив, зачем её здесь посадили, немело крестилась вслед проходившим людям, и снова начинала возиться со своим щенком.

Оксана Чайковская

ПОКЛОН ДОБРОСОВЕСТНОМУ САНИТАРУ

От гладкого больничного подоконника исходила приятная успокаивающая прохлада. Нина прижимала к себе плачущую девочку и гладила её по голове, ритмично похлопывая по спинке. Ей самой в детстве такое помогало успокоиться. Бабушка тогда ей что-то нашёптывала, похлопывая по спине. Гладила, целовала в темечко, и всё проходило. Боль, тревога, страх. А может, дело было не в похлопываниях, и просто у бабушки, точнее, прабабушки – баба Варя была Нине прабабушкой – были такие волшебные руки?

Она говорила: «Сейчас всё пройдёт!» – и всё проходило. Даже боль неоспоримая, например, от разбитой до крови коленки. Рана на ней пугала месивом из едва запёкшейся крови и прилипших к ней травинок и была обрамлена махристой бахромой содранной кожи.

Даже прикоснуться к ней, чтобы убрать из раны мусор, было страшно. Но бабе Варе это удавалось – заговорить боль. Не то она так внимание отвлекала, не то и правда какие-то особые слова знала... Про прабабушку Варю говорили, что она ведунья и знахарка, но к её восьмидесяти годам, когда старшая правнучка Нина стала достаточно взрослой и могла побольше понимать в устройстве жизни, баба Варя уже давно уехала из деревни. Из тех мест, где её знали как травницу, повитуху и мастерицу на все руки. Такая слава пристала к ней, поскольку именно у неё хлеб был самый пышный, квас – хмельной, а брага – лёгкая.

Сама Нина ничего из таинственных дарований прабабушки не унаследовала. Разве что полученные от неё в детстве уроки мудрости и чуткости усвоила. Стремилась никому нарочно не делать зла, не мстить, не конфликтовать без особой нужды. Такой завет баба Варя давала своим внукам и правнукам.

Сейчас Нина гладила по спине и по волосам свою плачущую внучку и сердце её разрывалось от жалости. Их радостная прогулка в ясный майский день обернулась для внучки неудачным падением на бегу. Уля с размаху упала на асфальт, ударившись коленками. На одной только немного кожу содрала, а на другой!.. Содран большой кусок кожи, текла кровь... Настоящая рана!..

Она уговаривала девочку совсем немного потерпеть, шептала, что скоро всё само пройдёт. Сама Нина знала, что боли и болезни со временем проходят, но восьмилетней Ульянке ещё не хватало жизненного опыта, и она не верила в такие обещания взрослых. Слезы текли по щекам ручейками, и оставляли на праздничном шелковистом платье девочки тёмные потёки, похожие на искристые следы от звёздочек салюта, которые скатываются с неба.

Пришлось срочно ехать в травмпункт детской больницы, накладывать швы и повязки, утешать девочку и волноваться. Волноваться, как бы не было

заражения. Нервничать, гадая, как скоро заживёт ранка, из-за которой Ульке теперь придётся долго пропускать занятия в бассейне.

И вот – рана на коленке уже была промыта, отошедший лоскутик кожи пришит обратно, коленки забинтовали и даже поставили болючие уколы – один с обезболивающим лекарством, другой – с лекарством от столбняка.

А ещё Нина ломала голову, как объяснить снохе и сыну, почему девочка, доверенная бабушке, травмировалась именно во время прогулки с нею. Нина глубоко вздохнула, и тут рядом с ней прозвучал детский жалобный вздох со всхлипом. Всклипывала внучка, приникшая к её плечу. Нине стало стыдно. О чём она думает, о каких пустяках, когда главное, что внучке очень больно! Девочке-то сейчас намного хуже... И Нина решила, что уж как-нибудь объяснится со снохой. Та, быть может, вспомнит, что и под её присмотром маленькая Ульяна зеркало разбивала и с табуретки падала, ударившись о край стола. До сих пор у неё над бровкой еле заметный шрамик красуется.

– Как твоя ножка, Бельчоночек, сильно болит? – спросила Нина внучку.

– Нет, не сильно, баба Нина! Щиплет только... И чешется!

Тут они хором засмеялись.

– Идти можешь, или такси вызвать?

– Нет, не хочу такси, мы же собирались ещё погулять! Ты обещала карусели и мороженое, и в книжный магазин...

Нина обрадовалась. Если девчонка рвётся в книжный магазин, значит, всё совсем не так плохо.

– Пойдём Улечка, тут близко. Только давай сядем в трамвай! Вдруг нам повезёт, и достанется новый вагон?.. Они такие красивые и удобные!

Уля привычно резво соскочила с подоконника, но тут же, охнув, уняла прыть и сделала несколько шагов, прихрамывая. А бабушка велела ей идти аккуратно и медленно. Хватит уже с них приключений после той погони за первой весенней бабочкой нынешним утром.

Город в мерцающей зелёной дымке только что распустившихся листочков, омытый вчерашним дождём, был таким прекрасным, свежим и таким любимым, что Нина порадовалась тому, что живёт в нём всю жизнь и не хочет никуда уезжать из своего драгоценного Томска. Её не понимают те подружки, что уже переехали на Кубань, в Калининград, в Москву. Им там очень нравится, и они не скрывают, что считают Нину глупой. А она любит бывать в других городах, но жить хочет в своём. Тут всё знакомое с малых лет, такое дорогое, привычное и милое, что сердце замирает. И оно пока не откликнулось так же остро ни на какой другой город, кроме её родного.

От детской больницы путь до трамвайной остановки шёл через сквер возле медицинского университета. На невысоком постаменте, почти вровень с идущими мимо прохожими, стояли бронзовые люди. Трое. Пожилой мужчина и молодые юноша и девушка. Они стояли на ступенях, которые, видимо, изображали крыльцо госпиталя, из которого уходит на фронт этот молодой солдат. Он уже спустился с крыльца, и был на пару ступенек ниже старого врача и санитарки. Доктор смотрел вслед раненому с грустью, санитарка – с болью, сожалением и нежностью. В её опущенных руках были развевающиеся бинты.

Скамейка, на которую присели Нина с внучкой, решив дать отдых забинтованной ноге, находилась рядом со скульптурой. Нина смотрела на неё и размышляла, рассказать ли внучке о том, что значит для неё этот памятник. Или ещё обождать – уж слишком мала девочка. Нина всегда считала, что солдат с этого памятника – её дедушка, запечатлённый в тот час, когда его выписывают из госпиталя... И она всегда вспоминала о своём дедушке, когда находилась тут.

Но Ульяна сама проявила интерес к памятнику. Посидев минут пять, она спрыгнула со скамейки и, прихрамывая, подошла к скульптурам. Потрогала звёздочку на ремне у солдата, приклад ружья. Металлическим было всё, не только пряжка ремня, но и ремень, и гимнастёрка, сама винтовка и её приклад. И лица всех троих людей были бронзовые, холодные даже в жаркий день. Нина зябко поёжилась, передёрнув плечами, и снова задумалась – сказать, не сказать?

– Баба Нина, а что это за памятник? Это врачи? – спросила девочка, трогая манжет на рукаве халата бронзовой девушки. Выше внучка дотянуться не могла, а встать на одну ступень со статуей не решалась, оставалась на асфальте.

– Тут написано, что это памятник бойцам Красной Армии, которые воевали в Великую Отечественную войну, и медицинским работникам, что работали в госпиталях. Они вылечили тысячи раненых, вернули их в строй. В нашем городе в войну был не один десяток госпиталей. В основном для тяжело раненных солдат. В глубокий тыл везли тех, кого надо долго лечить. Некоторые бойцы потом снова отправлялись на войну, а кого-то до конца вылечить не удавалось, и они становились инвалидами. Им больше нельзя было воевать, и они возвращались домой. Вот так же и твой прапрадедушка вернулся с войны за полгода до Победы.

– Деда Вася, который у тебя на плакате в шапке со звёздочкой? – вспомнила Ульяна и оживилась.

Конечно, лицо прапрадедушки ей знакомо. Нина пока не берёт её на шествие «Бессмертного полка», слишком много надо идти. И не только в строю парада, ещё до начала колонны надо как-то добраться пешком – транспорта в праздник ходит мало. Нина жалеет внучку, бережёт от нагрузок, и на шествие «Бессмертного полка» идёт одна. Точнее, с дедушкой. Его портрет на плотной фанерной основе с удобным древком весь год стоит в квартире Нины на почётном месте, ожидая своего часа. А в День Победы с утра Нина берёт в руки тёплое, ещё папой гладко оструганное древко, к которому крепится портрет, и спешит на площадь Революции, где будет проходить парад. У площади теперь другое название, но Нина упорно называет её так, как она называлась и в сорок первом, и в восемьдесят пятом году.

На этой площади был памятный митинг 22 июня, тут проходили демонстрации и парады в День Победы, всю жизнь, сколько она себя помнит... А теперь люди приходят сюда каждый год, сами, никто их не загоняет в колонны. Нина немного ещё помолчала и спросила Ульяну:

– Уля, ты деда Колю помнишь?

– Да! он такой высокий, добрый. Он меня на плечах носил и на ноге качал. И ещё мы малину с ним собирали и пароходик строили...

– Вот, это твой дедушка, папин папа, он далеко живёт и редко приезжает. Но он у тебя есть. А у меня дедушек не было. Один, дед Семён, на войне погиб, другой, дед Василий, после войны, но меня тогда ещё не было...

– Он не на войне погиб?..

– Нет, уже после войны. Я тебе сейчас хочу рассказать не как он погиб, а как выжил. Спасся чудом.

Внучка прижалась к ней бочком, они обнялись, и Нина, машинально снова начав поглаживать девочку по плечу, принялась рассказывать историю, которую сто раз слышала от своей прабабушки.

Случилось это во время войны, когда будущий дед Нины и прапрадед Ули был ещё сам почти мальчишкой, ему не было ещё даже двадцати лет. Он ушёл на фронт в восемнадцать, в сорок втором. Вскоре был ранен, но довольно легко, в плечо. Полежал в госпитале, подлечился, и снова на фронт. Шли бои за Белоруссию, Советская Армия продвигалась к границе, мечталось, что скоро наша страна будет освобождена от войск гитлеровцев. И в бою за деревню Казаки в Витебской области Василий вместе со всем своим отделением шёл в атаку. Точнее, бежал.

Бежал, стрелял, падал, вставал, снова бежал. Его друг Мишка видел, как Вася бежал, вскидывая на бегу винтовку, потом увидел, как шагах в десяти от него, там, где только что был друг Василий, прогремел взрыв, взвилось вверх месиво огня, земли, железа. Покорёженная винтовка Василия упала недалеко от Михаила. Он сперва ошалело смотрел на эту винтовку с дымящимся обгорелым прикладом, а потом поднял её и побежал дальше, в бой, за командиром.

Их соединение в этот день ушло вперёд с тех позиций, на которых произошёл злосчастный взрыв, и искать тело друга Мише было некогда. Командир на основании рассказов однополчан подал рапорт, в котором Василий был причислен к погибшим. Михаил написал письмо матери Василия, командование отправило извещение. И всё. Можно не ждать солдата.

– Но наша баба Варя, моя прабабушка, а твоя прапрапрабабушка, – ждала, – рассказывала внучке Нина. – Она ждала, молилась, и оказалось, что сын жив, только был тяжело ранен и контужен. Когда он в госпитале пришёл в сознание, сразу написал своей маме письмо, чтоб она не сходила с ума от горя...

«Сходила с ума» – звучит как простая фигура речи, фразочка в переносном смысле, но мать солдата и правда чуть не тронулась умом. Ходила как чумная, потеряла интерес к жизни, работала машинально, кормили её чуть ли не силком. Если бы то письмо пришло из госпиталя чуть попозже, может, и не застало бы её. Но судьба пока что пожалела их. Письмо Васи вернуло мать к жизни спустя почти месяц после похоронки!

Нина не стала рассказывать маленькой девочке в подробностях, как всё было на самом деле. А было так...

Взрывной волной Васю отбросило от самого эпицентра взрыва, но заваляло землёй буквально с головой. Ранение в ногу было тяжёлым, кровопотеря серьёзной. Сколько пролежал без сознания в земляном валу младший сержант гвардейского полка, неизвестно. Полк ушёл вперёд, а на поле боя вскоре поя-

вилась «санитарная команда». Весной в Белоруссии тепло, не то что в Сибири. Требовалось зарыть трупы и собрать вооружение и обмундирование. Сапоги, шинели. Документы опять же.

Санитаров было мало, редкой цепью шли они по полю боя – его и полем-то назвать можно было с большой натяжкой, всё в рытвинах и кочках. Шли, наклонялись, подбирали винтовки и автоматы, оттащивали тела к воронкам, чтобы потом было легче похоронить в них множество тел. Санитарами были пожилые «нестроевые» мужики, много повидавшие, привыкшие к горю и смертям на своей тяжкой службе.

Худой, жилистый дядька с обвислыми усами и сивыми, седыми волосами, которые топорщились вокруг залысин, наклонился над Василием. Едва живой парень был в сознании, видел его в узкие щёлочки между слипшимися веками. Но даже глаза открыть, чтобы засверкали белки на чёрном от копоти лице, он не смог, не то что позвать на помощь... Он понимал, что его плохо видно, он весь засыпан, но пошевелиться никак не мог. Раненая нога была горячей, кровь всё ещё текла из ран (ногу раздробило осколками, как он потом узнал) и слипалась, остывая и делая штанину галифе жёсткой, как железо.

Над бесформенной кучей, под которой взрывом погребло Васю, торчала немного наискосок и вверх его левая рука. С часами!!! «Может, хоть часы заметят», – подумал солдат довольно вяло. Силы жить и надеяться у него уже кончались. Но санитар был внимательный, старательный, и, наверное, очень добросовестный. Он нагнулся, разглядев в земле человека. Пилотка, чтоб не падала поминутно, была у него заправлена под погон, это уже машинально, остатками сознания, заметил Василий. Санитар дотронулся до чёрной руки раненого и вдруг широко улыбнулся... Живой! Рука тёплая!..

«Братцы, сюда, тут живой!!!» – закричал он остальным своим товарищам. Ни часы, ни сапоги Василия его не интересовали. Интересовало – донесут ли до медсанбата. Уж больно нога плоха – под коленом всё разворочено, да и про само колено ничего не понятно. Всё в крови и обрывках ткани.

До медсанбата бойца донесли живого, но уже без сознания. На его счастье, врач оказался хорошим хирургом и сложил кости ноги так, что их осколки срослись, правда, нога почти не гнулась. Но зато – живой! К исходу сорок пятого года он, хоть и на костылях, вошёл в родной дом, обнял мать.

– Мама рассказывала мне, – говорила внучке Нина, – как дедушка им с братьями рассказывал про всё это. Что он запомнил навсегда лицо того добросовестного санитара, что его отыскал и спас. Помнил, как он радостно улыбался щербатым ртом, и усы его, обвисшие вдоль щёк. Дедушка говорил, что он по гроб жизни будет благодарен этому санитару, низкий ему поклон...

– Какой хороший санитар! – забыв про свои горести, ответила Уля. – Я когда вырасту, тоже буду добросовестной. Может, даже санитаркой!

Нина молчит. Она не мечтает о карьере санитарки для внучки, но порыв девчушки ей понятен – творить добро, быть старательным работником – такие стремления надо поддерживать.

– Надо на любой работе быть добросовестной, – изрекает Нина прописную истину.

Она думает о том, что благодаря обстоятельности, внимательности и до-

бросовестности одного конкретного санитаря – крохотного винтика в большой военной машине – спасён был её дед. И она сама, и Уля, и вся их большая родня есть на земле благодаря тому, что Санитар зорко всматривался в округу. Благодаря тому, что среди этого месива тел он заметил одну-единственную руку, обратил внимание на то, что она тёплая...

– Да, Уля, представь – этот Санитар спас моего дедушку. И тот не истёк кровью, остался жив. Благодаря этому продолжился наш род. Появилось шесть детей деда Васи, двенадцать внуков, девятнадцать правнуков, и ещё ты – первая праправнучка.

– Как много! – удивилась Уля. – Так много, что в нашу квартиру все не поместятся!!!

– Если надо, поместятся, – ответила с грустной улыбкой Нина.

Не хочется объяснять первокласснице, что полсотни всех их родственников сейчас и собрать в один раз трудно, да и не все они уже в живых. Она вспомнила своего любимого дядюшку, крёстного-«лельку». Лёлю Мишу. Сейчас из четырёх её дядьёв в живых остался только он. Сивая грива с залысынами, обвисшие «гуцульские» усы... Он стал с годами похож на тот образ Санитара, который нарисовала в своём воображении Нина по рассказам старших. Санитара, спасшего для неё деда. Жаль, что дедушка погиб вскоре после войны, только и успел наследников оставить.

– Баба, а тому санитару есть памятник? – спросила Уля. Она осмелилась забраться на ступеньку, где стоит изваяние санитарки, и обнимала сейчас большую бронзовую фигуру за пояс.

– Наверное, где-нибудь есть... – задумчиво ответила Нина. – Обязательно должен быть.

Яна Филар

рассказы

УЕЗЖАЙ

Автобусы нетерпеливо пыхтели на разбитом вокзале. Остановка наша всегда как после бомбёжки, но разрушил её не упавший снаряд.

Провожаемые и провожающие обнимались, старухи плакали, детей было не видать. Почти всех вывезли. Подумалось, что так же, наверное, уходил мой отец в сорок втором. Но тогда шли на войну, а сейчас от.

Я потёрла больное колено, перевела дыхание. Даже таблетки больше не помогали, невыносимая боль стала неотъемлемой моей спутницей.

Вон он стоит, Митька, печальная каланча. Поверх моря голов его бритая, с растопыренными ушами и глазами такими синими, что видать с другого конца вокзала. Лицо потерянное. Меня ищет.

Доковыляла до сына, сразу сделался важным, захорохорился. Пыльная спортивная сумка покоилась у него в ногах и чуть ли не трещала по швам. Брала с собой даже то, что не считалось необходимым, – ведь это кусочки дома, куда, скорее всего, никогда уже не вернёшься.

– Ну приветы. Думал, не придёшь, далеко же.

Я запрокинула голову, внимательно изучая лицо сына.

– Не говори глупостей. Носки взял, которые я связала?

Митька кивнул.

– А пинетки?

Снова кивнул.

– Я не знала, какой размер, сделала с мой большой палец. Если не подойдут, дай знать, я пришлю почтой новые.

На этот раз кивнул неуверенно, будто извиняясь за то, что почта осталась только в соседнем городе, а дорога туда под обстрелом. Мне стало его так жаль, даже дыхание перехватило и в груди закололо. Не трус ведь, но боится, что таким посчитают. Не трус ты, Митька, не трус. У тебя жена беременная и дочь первоклашка, к тебе вопросов никто не имеет.

Я протянула цветастый пакет, лучший из тех, что нашла дома. По дороге если порвётся, новый взять неоткуда.

– Сварила тебе в дорогу яиц и курицу пожарила.

– Мам, ну куда мне целая курица? Холодильника в поезде нет.

– С соседом поделишься.

Он взял пакет с такой тоской в глазах, что я не выдержала.

– Ну-ка прекрати распускаться! К жене едешь, к семье. Паспорт получишь, найдёшь работу и будешь жить по-человечески. Может, ещё вернёшься, когда всё кончится.

За его спиной нетерпеливо прогудел клаксон автобуса. Водитель прекратил перекур и собрался отчаливать, с опаской глядя на небо. Все знали, что смерть обычно приходит оттуда.

Как раз загромыхало вдали. Я заторопилась.

– Всё, Митька, садись, а то без тебя уедет.

Он топтался на месте, не зная, куда себя деть: то ли в автобус, то ли обратно домой.

– Уезжай, мам. Неизвестно, когда следующий поедет. На дорогах будет опасно.

– Ты же знаешь, не поеду. У меня там библиотека нечитанная, огород некопанный, есть чем заняться. Не могу я дом бросить. Да и кому я там нужна?

Митька грустно улыбнулся и поднял сумку с земли.

– Мне нужна. Люблю тебя, мам.

Сказал, быстро чмокнул в щёку и ушёл, не оглядываясь.

Я кое-как добралась до скамейки и рухнула на неё. Ну вот, дождалась наконец слов любви. Мальчишки, они ведь никогда не скажут о чувствах. Звезду с неба достанут, дом сколотят, купят новый чайник на последние деньги, но никогда, ни при каких обстоятельствах не скажут маме, что любят. А если сказал, значит, дело серьёзное. Про жизнь и смерть, значит.

А дома так пусто... Без Митьки, без внуков, давно сбежавших от выстрелов. Тишина. Только я и громыхание ударов вдали.

Я уже не боюсь.

Забыв о боли в колене, побродила по крепко сколоченной избе, по скрипучим половицам, звучащим знакомым альтиком. Провела рукой по ковру на стене, снегопадом сошли с него пылинки и заплясали в солнечном жёлтом луче. И запах в доме такой родной. За мутным стеклом окна сад и грядки, не предавшие в самые окаянные годы, душ, соседский забор, за которым никто не живёт. Сколько радостей, сколько горестей знали эти стены, поднятые собственными руками. Каждая доска помнила мои пухлые, в веснушках ладони и мозолистые – мужа-покойника. Свадьбы, разводы, скандалы, детский смех. А теперь тишина.

Громыхает вдали. Приближается смерть, говорит телевизор. Ладно, посмотрим, так ли ты выглядишь, смерть, как тебя малюют.

Книжный шкаф был заполнен сверху донизу, книги жались друг к дружке, лежали поперёк пухлыми боками, подставляя солнцу корешки с золотыми буквами. Толстой, Достоевский, Бунин, Стругацкие... Одной фантастики четыре полки. Глупая бабка, всё ещё мечтает о полётах на другие планеты. О мире во всём мире. Я распахнула дверцы, вдохнула любимый запах пожелтевших страниц. Прикинула, что с коленом и непрочной спиной перетаскаю в подвал дня за три. Вышла неделя. За раз могла прихватить только тройку. Наконец последняя стопка легла на самый верх книжного штабеля, папка с рисунками внучки увенчала гору, крупы и макароны сложены в углу. Я без сил опустилась на раскладушку и забылась.

Среди ночи ударило. Дом затрясся, я тоже. Под защитой подвала я не знала, что там, наверху, но надеялась, что стены не рухнули. Иначе придётся так и прожить здесь до самого последнего часа, без тепла и света.

Проверила выключатель: горит. Значит, провода целы.

Высунула голову из-под пола, всё спокойно. Утром решила выйти на солнце, сварить макароны. Только вскипела вода, снова ударило, совсем близ-

ко. Я даже не успела сообразить спрятаться, сразу выглянула в окно. Дым рвался в небо из развалин соседского дома. Хорошо, Фроловы уехали в самом начале, но дом их жалко. Дома для меня всё равно что живые, со своими чертами и душами. Сердце стучало так оглушительно, что я боялась не услышать новый прилёт. Только однажды я так испугалась: когда прибежал Митькин друг и, запыхавшись, сказал, что Митька упал у реки с обрыва и разбился о камни. А потом я увидела чертёнка на улице и чуть не прибила. Чтобы не ходить больше в школу, ничего не придумал умнее, чем трагически умереть. Такой он у меня фантазёр.

Так шли дни, недели. В особенно тяжёлое время я пряталась под землёй. Сухая перловка на вкус как песок. В спокойное время я выбиралась на поверхность к плите, а то и к соседке Людке пошептаться о том, когда будет день воды.

Как праздника, ждали дождь. Ставили вёдра под желоба, затягивали вёдра марлей, чтобы не попали листья и ветки. А потом пили воду с металлическим вкусом. Столитровые бочки для полива имелись в каждом хозяйстве – иным летом случалась засуха. Так что от жажды мы, наверное, не помрём. Дни света бывали чаще, тогда я много читала, и ужас реальности отступал. А вот без электричества приходилось сидеть в крошечной тьме, и казалось, что так будет всегда: темнота, грохот, одиночество. Всегда заряженный телефон молчал, связи не было, но я каждый день смотрела на горящий экран: вдруг придёт весточка от Митьки.

В подвале не было окон, и время подсказывали только наручные часы да усталость. Отвлекаясь от книг, слушала взрывы. Далёкие были похожи на салют в День Победы, а близкие – на день, когда до победы ещё далеко. Я могла свыкнуться с беспрестанным грохотом и опасностью, а с несправедливостью нет: где-то жизнь, движение, мир. А у меня только страх и ожидание смерти, не важно уже от чего: от войны или от старости.

Скорей бы уже отмучиться. Лучше сгинуть в одно мгновение, чем так ждать и не знать, какой будет исход. Однажды, не выдержав, в самую пальбу я нарочно вышла из дома, раскинула руки посреди двора. Вот она я, стреляйте! Довольно поиздевались. А потом глянула на свой заношенный халат, уже грязный, драный, а постирать воды жалко.

Так помирать стыдно. Пошла дальше жить.

Однажды в углу подвала что-то зашевелилось. Я не испугалась, так хотелось встретить живую душу. Через какой-то лаз пробралась ко мне беременная кошка и в тот же день окотилась. Постелила ей полотенце, приняла роды. Назвала кошку Полтавой.

С тех пор я спала спокойно. Полтава кормила котят, а я с ней вела беседы, читала ей книги вслух. Кажется, ей нравились детективы. Громыхало уже не так часто. Так мы жили пару недель.

Но однажды Полтава ушла и увела детей. Она пропала, и воздух сгустился, как перед грозой, над головой навис мрак, стало трудно дышать. Перловка зашевелилась – завелись черви; уже и не разберёшь, где еда, где личинки. Из припасов остались только варенье да соленья, а мне ни сладкого, ни солёного нельзя. Для своих готовила.

И гроза ударила. Дом заходил, постанывая от боли и страха. Жаловался всеми углами. Я не знала, настоящий ли это гром или война подошла так близко. Завтра проверю, если останется что проверять.

В сердце колело, замёрзла от холодного пота, вся спина оказалась мокрая. Схватила за грудь и обмерла. Почувствовала комок у левой подмышки. Толстый, бугристый, растущий. Война пришла откуда не ждали: битва шла не только снаружи. Долго ощупывала врага, изучала: вдруг ошибка и ничего серьёзного. Но я тридцать лет отпахала врачом и не способна себя обманывать. Плохо дело.

И в то же время накрыло меня облегчение: скоро переверну последнюю страницу. Только вот мучиться не хотелось. Не в силах терпеть, выбралась из подполья, потом из дома наружу. Пусть лучше прибьёт одним махом, мне уже всё равно. Халат постирала, можно и помирать. Но сначала поделиться хоть с кем-то, хоть с Людкой.

А снаружи солнце, жара, наливные яблоки. Идиллия, только птицы давно не поют. Навстречу Людка идёт. Остановились пожаловаться друг другу.

– Нога болит так, что не знаю, что раньше меня доконает: прилёт, рак или колено.

При слове «рак» Людка побледнела и стала расспрашивать.

– Может, это доброкачественная?

– Да кто ж его знает...

– А я на днях в поликлинику ездила, шесть часов сидела в очереди, там один врач остался. Бабы сказали, автобус завтра пойдёт до границы. Кто хочет уехать, в одиннадцать пусть идёт на вокзал. А потом никто не знает, когда ещё будет. Может, и никогда.

– Ты поедешь? – спросила я.

– Куда мне ехать? К кому?

Людка только рукой махнула. Я глянула на молчащий в ладони телефон. Сигнал появился! А с ним и пропущенный вызов, от Митьки. И сообщение: «Мальчик. 3500. 55 см».

– Слушай, Людка, мне пора собираться.

Дома я спустилась в подвал, захватила папку с рисунками, прижалась щекой к книжной насыпи, смахнула слезу. В сумку побросала тряпья да Крапивина, очень уж любила.

Наутро села в автобус. Навстречу ехали наши. Грядущая буря поглотит мой дом вместе с библиотекой и червивой перловкой, но я уже мчалась к Митьке.

Вот он удивится.

ДЕТСТВО В ДЕВЯНОСТЫЕ

Звонил молодой, бодрый голос.

– Здравствуйте, я из службы безопасности банка. На вашем счету обнаружена подозрительная операция. Если её совершали не вы, скажите код из смс.

– Здравствуйте. Не скажу.

Непродолжительное молчание на том конце.

– Вам жалко, что ли?

– Не жалко. Только я в девяностые росла, и однажды по глупости сказала код от подъезда, так у нас поселилось трое бездомных. Спали на лестницах, там же справляли нужду, ели крыс. Стоит упомянуть, что все лампочки в подъезде украли, а лифт не работал. Как-то раз мою подругу-первоклассницу бездомный схватил за руку и уволок в темноту. Она смогла вырваться, но что-то внутри у неё тогда оборвалось...

Собеседник помолчал, но не сдался.

– Послушайте, ваши деньги в опасности. Если не отменить операцию, есть большой риск...

– Да что вы знаете о риске? Мы сейчас детей одних не пускаем, постоянно звоним, и в гости ходить не разрешаем, пока не узнаем всю родословную друга или подруги вплоть до 1937 года. А нас в детстве просто отправляли на улицу на свой страх и риск. Все понимали, что обратно вернуться не все. Но дышать свежим воздухом надо. Помните игру «пол – это лава»? У нас такая же была, только с травой и шприцами. Если напорешься, то умрёшь. Но мы и тут готовы были рискнуть.

Пауза в разговоре длилась чуть дольше.

– Давайте тогда предложу перевести деньги на безопасный счёт. Так они лучше сохранятся. Мошенники постоянно придумывают новые схемы, они на обмане собаку съели!

– У моей бабушки тоже собаку съели. А голову оставили на огороде. Хорошо, что я этого почти не помню, маленькая была. Я ведь обожаю собак. А она должна была нас охранять, вот что печально.

Судя по стуку в трубке, собеседник что-то уронил. Возможно, челюсть.

– А вы откуда? – вдруг спросил он.

– Из Берёзовского.

– Ого. А где это?

– Крохотный городок в Кемеровской области. Полчаса пешком в длину, полчаса в ширину. А вы?

Собеседник подумал.

– Вам лучше не знать.

– Понимаю.

Оппонент прокашлялся и уже не так уверенно бросил: «Что насчёт безопасного счёта решили? Сохраните все деньги».

– Да какие там деньги? Кстати, вспомнилось, раз уж про детство заговорили. Приходишь в магазин с мамой: полки ломятся, пестрят, а купить ничего не можешь.

– У нас и сейчас так, – вздохнул собеседник.

– И у нас... так.

Помолчали.

– Знаете что, мы подозрительную операцию отменили. Да и не было никакой операции – наверное, ошибка системы. Вы заслужили пожить спокойно, без всяких мошенников, звонков и кодов из смс.

ГРЕНКИ С ЧЕСНОКОМ

Гренки с чесноком, ммм...

Аромат на всю кухню: ржаной, тёмный, с горчинкой хлеб и жгучий чеснок с маминой дачи. Вот есть такие вещи, глядя на которые понимаешь: в мире и красота, и порядок. Кошки, например, улыбка любимого человека или гренки с чесноком.

Но это не так.

На самом деле всё во Вселенной стремится к хаосу. К энтропии. Разрушению на атомы и возвращению в первозданное состояние. А знаете, что такое первозданное состояние? Хаос.

Женщинам это особенно знакомо. Гладишь каждое воскресенье одну и ту же рубашку или в сотый раз протираешь зеркало в ванной и понимаешь: энтропия. Ты делала это столько раз, и всё равно твои усилия напрасны. Спустя час после уборки дома уже беспорядок, а холодильник снова пуст, хотя ты готовила буквально вчера.

А дети? Вот кто настоящие служители хаоса. При их появлении твоя жизнь разваливается на куски, ты сама превращаешься в сгусток беспокойных и веч-но дёрганных атомов, ходишь на школьные атомные собрания с другими неорганизованными частицами, чтобы вечером развалиться без сил на кварки.

И даже от любимых гренков с чесноком с годами начинает болеть поджелудочная. Всё, приехали, стол номер пять.

В прошлом году у соседа сгорела дача. Проводка старая, коротнуло. Сосед любил смотреть телевизор, слушать радио и греть чайник в одной розетке. Сосед выбегает, руками размахивает, жена плачет. Мы вместе худо-бедно пытаемся заливать пламя водой: кто из шланга, кто из ведра. Да куда там: лето стояло жаркое, а выпито накануне много – успело разгореться вовсю, пока сообразили. Ждём пожарных.

Смотрю я, как горит дача соседа, и понимаю: вот он, хаос. Сосед столько вложил в свой участок: сил, времени, денег. А теперь его труды полыхают под вой сирен и ругань жены, а я мечтаю о том, чтобы ветер продолжал дуть в другую сторону. Так в душе человеческой, словно тучи, сталкиваются земное и возвышенное.

А на днях сын-подросток пришёл домой не один. С девушкой. Если это создание можно так назвать. Юбка мини, колготки в сеточку, волосы всех цветов радуги и татуировка на бедре в виде скрученной кольцами змеи.

– Мама, это моя подруга Юля. Но друзья зовут её Анакондой.

Вот оно, понимаю я. Всё стремится к хаосу. А ещё думаю, что ж это за друзья такие: так назвать собственную подругу?

Впрочем, я давно ожидала чего-то подобного. Учёба давно не входила в круг интересов сына, начал курить, домой приходил только ночевать и попросить денег. Мы редко разговаривали. Но я находила утешение в том, что по крайней мере он не связался с плохой компанией. Конечно, то была мина при плохой игре.

И вот разрушение не остановить. Хаос окончательно вышел из-под контроля.

– Здравсьте, – промурлыкало создание с портаком.

Я вымучила улыбку. Невыносимо чувствовать себя лишней в собственном доме, так что я оделась и пошла прогуляться, сказав, что вспомнила о безотлагательном деле. Дом у нас в центре, подъезд выходит прямо на набережную речушки, которая уже отряхивалась ото льда. Удивительно, даже такой никудышный водоём стремился к великому, к морю.

Я присела на скамейку и уставилась перед собой без всяких мыслей. Будто моё сознание разрушилось, как древняя крепость под нашествием варваров. И от тогда я впервые со времён ушедшего детства увидела мир. Он не стремился к хаосу и разрушению. Зима закончилась, набухали почки, птицы строили гнёзда. Трава пробивалась сквозь трещины на асфальте. В земле копошилась жизнь. Далеко, над простором водной дороги, раздался крик. Пронзительная, радостная трель коршуна, у которого не было особых причин кричать, кроме: «Эй вы, я живой! Живой!».

Из ничего всегда вырастает что-то. Одно уходит, а другое является.

Разве что смерть близкого человека меняет всё и оставляет такой хаос, после которого только выть. Но и сквозь руины когда-нибудь пробьётся молодая трава, ведь этого для нас и хотели бы те, кто ушёл. Возможно, они возвратились к хаосу, чтобы начать заново. Просто сделали это раньше нас.

Позвонил сосед по даче. Радостно прокричал в ухо, что отсудил страховку и нанял бригаду рабочих отстраивать дом. Заранее извинялся за шум и звал на будущее новоселье. Ещё вычитал в Интернете, что на пепле лучше растёт картошка.

Потом сообщение: «Мам, ты надолго?». Отвечать не стала. Пусть сюрприз будет, злорадно подумала я. А потом испугалась возможности ранних внуков и побежала домой, предвкушая неловкость. В доме стоял чесночный дух.

– Мам, мы тебе чай сделали. А Юля гренки с чесноком приготовила.

– Ты же знаешь, у меня поджелудочная разболится.

– Так ты их на масле жарить, – возмутился сын.

– А как иначе?

Я вошла в кухню и увидела, КАК. Юля ловко хватала выпрыгивающие из тостера куски хлеба и натирала их половинкой зубчика чеснока. Чай уже ждал на столе. Чёрный, без сахара, как я люблю.

– Вкуснее, чем на сковороде, – удивлялась я, наворачивая внезапный обед.

Юля улыбнулась, и я поняла, что хаос даётся нам не в наказание. Если в твоей жизни что-то рухнет, построй на обломках новое.

– Это кто, узнаете? – с гордостью показывала я свои фотографии в молодости. Юбка мини и колготки в сетку. Татуировки, конечно, не было, но это не значит, что не хотелось, просто семья небогатая и отец строгий. За то, что у меня было четыре пары очков, друзья называли меня Паучихой.

Анна Данилова

МЁД ПОЭЗИИ

Липа садилась за стол рано. В поиске новых рассказов она обратилась к опыту классиков, а те были склонны работать с утра до вечера. С них и брала пример. Села рано, а когда впервые повернула голову к окну, там уже темнело, и за это время курсор на экране не сдвинулся ни на миллиметр. Ей не хотелось смотреть на время. Ей стало вдруг так грустно и тягостно, какое-то огромное горе навалилось и задушило.

Липе мерещилось, что всё её тело настигло особое оупение, будто какое-то из основных чувств отнялось навсегда, и так длилось уже давно. Будто её шестое чувство, было оно или нет, усохло и отпало.

Раньше было так: дни, тёмные от облаков, и ночи, светлые от отражённых фонарей, и жёлтое с красным, положенное на внезапный проблеск неба, лечили, и она наполнялась осенней водой вместе с городом. Но вдруг это всё прекратилось.

Первым заметил Митря, с дизайнерского. Они сидели на лекции по эстетике вместе три раза подряд, и потом подружились. Он всегда замечал всё – глаз был намётан на натуру. Заметив, Митря рисовал, даже на профильных занятиях по живописи и наброску отвлекался на лишние рисунки. Липа иногда смотрела на него и завидовала тому, как легко он пишет. Когда Митря писал, он писал со всеми силами, а законченные работы трескались за кроватью, позабытые (иногда их тайком уносили). Ему было неинтересно, что ему скажут про картину, и что было с миром до его работы, и что будет после. И вот уж у него всегда были силы рисовать, всегда было и то, что нарисовать в этот раз.

* * *

По вечерам они шли искать ту обещанную взрослую волю, которую было принято обретать студентам. «Они» были компанией из Липы, Нади (филологический) и Митри (дизайнерский). В известных клубах музыка играла ровно так, чтобы чуть заглушать голос, а по залам плавали, как кружки жира, жёлтые огни цветомузыки.

– Липа, пишешь ещё сибирские рассказы?

«Сибирские рассказы» было общее название тех заметок, над которыми работала Липа, и которое прижилось среди знакомых. Липа неопределённо покивала головой.

– У меня для тебя идея, – крикнула Надя, когда они вместе сидели с бокалами. – Ты слышала про девушку Агафью?

Липа покачала головой, покатила по стакану жидкость. Пить не стала.

– Это такой этнографический материал, что его нужно записывать и ставить на полку в красном переплёте. – У Нади загорелись глаза. – Среди тамошних туристов рассказывают про девушку Агафью. Что однажды она полюбила

прохожего геолога, а когда экспедиция пошла дальше, обещала его ждать. Геолог вернулся с другой девушкой, Агафья бросилась со скалы. Теперь по ночам ходит и тягает парней за ногу из палатки. Но самое интересное не это – старшие называют её Аксинья, а все молодые – Агафья. Вот как вы думаете, почему?

– Почему? – хором спросили Липа и Митря.

– «Рецепты бабушки Агафьи» знаете? Шампуни, притирки, мази?

Они кивнули.

– Короче, Агафья – единственное из старых имён, которое сейчас на слуху. «Аксинья» никто не запомнил, сложно. Девушку обозвали Агафья в честь мыла! Как вам?

Липа кивнула и постаралась записать, но белый заметочный лист с мигающей палочкой курсора навевал на неё что-то странное – она вдруг почувствовала новую волну отупения и поспешно убрала телефон в карман. Митря заметил её движение.

– Надо больше смотреть, Липа, надо, как Один, объесться мёдом поэзии, чтобы потом что-то написать. Надо ехать на природу, к людям, – сказал он.

– Мы можем поехать на следующую практику вместе. Я попрошу, тебя запишут в экспедицию, поедешь в автобусе с нашей группой.

– У меня есть дядя, – крикнул Митря, пересиливая музыку, – если ты, так сказать, попросишь, то мы Липу и в горы сводим, поглядеть на перевал. О городе она уже писала всё, что возможно, и в нём слишком воняет академизмом. Вот на природе она распишется.

– Ты с ума сошёл? – проорала в ответ Липа, – музыка шла к своей кульминации, – я не пойду в поход с незнакомым мужиком.

– Он не мужик, он на два года меня старше. И я там тоже буду, – громко успокоил её Митря, но Липе это всё ещё не нравилось.

– И я ещё не согласилась, – встревожилась Надя, – одно дело провезти студентку своего же факультета, и другое – студента с другого, а с ним ещё и... незнакомо мужика.

– А, да, и пары? – крикнула Липа.

– Ты на них всё равно не ходишь, – тоже крикнул Митря, залпом осушил бокал и сказал: – Я вам деньги потом переведу.

Липа нырнула в телефон, записать, сколько он ей должен, а когда подняла взгляд, Митри уже не было. Надя писала на салфетке дату и время выезда. Дата была – послезавтра, время – пять утра.

Липа была уверена, что не поедет, но наступила очередная бессонница, она встала и рассеянно осмотрела подошву трекинговых кроссовок. Она подумала, что надо бы починить дыру на дождевике и сложить в рюкзак спички.

Без пяти пять нужного дня она стояла на автовокзале под мелкой моросью. Пришли ещё несколько человек, все лингвисты-экспедиторы, но Липа узнала только митриного дядю, Михаила, в самом деле похожего на медведя, заросшего волосами настолько, что линия чёлки как бы соединялась с бровями и бородой. Его звериная задумчивость происходила от простой причины: всю жизнь он размышлял, где бы взять деньги на новую экипировку.

Митря прибежал последним, с картонным планшетом под мышкой, когда двери автобуса уже закрылись. Он бежал за автобусом и барабанил по стеклу. Забравшись внутрь, он назвал Липе несколько имён попутчиков и добавил:

- А это Михаил. Миша, это Олимпиада.
- Липа, – машинально поправила Липа.

Михаил кивнул, не прерывая своей экипировочной задумчивости.

Они ехали несколько часов, останавливаясь на маленьких автовокзалах безымянных деревень, синие таблички с белыми названиями пролетали так быстро, что моргнёшь – и пропустишь навсегда. Въехали в горы, оставив морось позади, и когда вышли из автобуса, то оказались среди такой тишины, что Липа опешила.

У подножия гор не было ни дождя, ни ветра. Склоны, уже омытые осенью, были буро-жёлтыми, безмолвными. В огромной тишине разговоры казались не громче шёпота, Липа даже не обернулась, когда лингвисты побрели на базу. Для них экспедиция началась ещё в дороге, в тот самый момент, как они впервые остановились в маленькой деревне, и там услышали совершенно чудесный образец верхнеобского говора.

– Через три ночи обратно поедем, – предупредила Надя, с уже рассеянным «экспедиционным» взглядом, и тоже ушла.

Они втроём – Михаил, Митря, Липа – остались. Они собирались долго идти среди скал, чтобы добраться до перевала, который был скорее ближе к солнцу, чем к земле. Солнце же стояло в едва заметной осенней дымке, свет, просеиваясь через неё, становился бело-жёлтым и мягким, как газовый платок. Они не смогли бы обжечься, даже коснувшись его с вершины горы.

– Это не горы, – словно угадав её мысли, сказал Митря, – горы выше. Это – холмы.

– Местные всё называют горами, – возразил Михаил, – нам туда. Ночёвка будет в семистах метрах над уровнем моря.

– Он на самом деле не знает высоты, – обличил его Митря, и все начали подъём.

Подъём был лёгким, но долгим. Шли несколько часов, чтобы в один день покрыть половину пути. Под ногами явно выступал узор сосновых корней, прикрытых хвоей, и иногда показывали бок вершины скал, невидимо простиравшихся вниз в глубину земли. На самых крутых участках останавливались и дышали прохладным воздухом, поправляли ремешки на рюкзаках. Михаил доставал бутылку, советовал сделать лишь по глотку воды, чтобы не тащить её груз в желудке, Митря показывал на вывороченную сосну, переплетённые корни которой напоминали шалаш:

– Это дом Агафьи-Аксиньи. Кстати, мне Миша в автобусе рассказал другую версию. Типа, тот геолог, которого она ждала, не изменил, а погиб, запутался в страховке на перевале, и болтался там, пока тело не снесло лавиной. Теперь по ночам ходит и жалобно скребётся в палатки. Ищет верёвочку. К Мише скрёбся однажды.

Михаил кивнул, Липа не могла понять, шутят они или нет.

– Я больше не хочу на ваш перевал, – призналась она.
– Куда ты денешься... с подводной лодки... – сказал Митря, в перерывах делая большие глотки воды. Михаил отобрал бутылку и передал Липе, она начала пить и с трудом остановилась. Они пошли дальше.

Тропа сузилась и пошла серпантинном от одного дерева к другому. Когда Липа совсем выбилась из сил, вдруг услышала, как слева в расщелине шумит ручей, или какая-то река, Липа слушала её, отвлекалась и идти становилось легче. Она хотела посмотреть на реку, но только лишь сделала шаг с тропы, как Михаил оттащил обратно.

– Обрыв, – твёрдо сказал он и покачал головой.
– У тебя горная болезнь, – добавил Митря.
– Что это? Когда голова кружится? У меня не кружится.
– Горная болезнь – это когда в горах идёшь, куда не надо, – пожурил Михаил.

Она не обиделась, не сказала «ну надо же», чтобы оставить последнее слово за собой. На неё опускался странный покой, мягкий, как голубой свет, затёнённый горным облаком, непохожий на прошлое городское отупение. Может, это была усталость. Может, но об этом было страшно думать, чтобы не сгладить, возвращалась способность писать.

К вечеру, когда уже закончилось и второе, и третье дыхание, и началась последняя усталость, лес расступился, впереди показалась горная долина. Это были «семьсот метров над уровнем моря», привал.

Деревья здесь не скрывали горизонт, горы стояли невдалеке, дымчатые, в окаменевшем сахарном снегу, с плоско срезанной седловиной, тёмный камень на которой действительно напоминал невероятно большую лягушку. Прямо под ногами лежал жёлтый осенний луг со следами октябринок. Вид простирался непривычно далеко, глаз горожанина искал, на чём остановиться, и не находил, тогда он падал на горизонт, на игру последнего жёлтого света и теней многотонных, многокилометровых облаков на склонах гор. Липа смотрела долго, пытаясь запомнить вид, и слышала, как маленькая речка, услышанная уже давно, журчала и переливалась где-то совсем близко, по левую руку.

В глубине долины ютился кордон, два домика. По траве были разбросаны серые пятна какого-то скота. Подошли поближе, Липа поняла – не скота, а лошадей, не стреноженных, выпущенных на последний в году вольный выпас.

Михаил бросил на землю рюкзак и стал вынимать одиночную палатку-самоубийцу (ночью в ней было так холодно, что появлялось сомнение в желании экспедитора пережить этот поход). У Липы это название было записано уже давно, про всякий случай, про словарный запас, как и многие другие звучные слова, поставленные Надей или просто случайными людьми, как-то: цигун, белоречит, окоём, мацепурик, сермяга, и другие.

От тёмных брёвен дома в это время отделился мужчина. Лицо у него было тёмное, в морщинах, а глаза на его фоне светлые, как горный лёд. Борода, отросшая за время коногонного отшельничества, была ему непривычна – наты-

каясь на неё рукой, он замирал как бы в удивлении и ощупывал, не понимая, откуда взялась.

– Виталий Алексеич, – сказал Михаил.

– Дальше не пойдёте, – сказал Виталий Алексеич.

– Пойдём, – отвлёкся от палатки Михаил, – нам нужно до завтра сделать крюк и возвращаться.

– Не пойдёте. В горах метель, – коногон красноречиво указал большим пальцем себе за спину, туда, где в дымке краснели отражённым закатом вершины. – Захватит, и помрёте. Я уже вторых разворачиваю. Первые вчера приходили, попытались взобраться, вернулись оледеневшие.

– А-а, – согласно покивал Михаил, – тогда конечно.

Виталий Алексеич повернулся и ушёл.

– Ну вот, – разочарованно сказал Митря, – не увидишь ты, Липа, перевал.

Михаил пожал плечами. Начали ставить палатку, в которой, судя по инструкции, можно было ночевать вчетвером, но влезали туда только двое. Их несколько раз побило позвоночниками-прутьями, на которых натягивалась ткань, но они всё же установили маленький домик и постелили внутри пенки. Вскоре вернулся Виталий Алексеич с титанической кружкой кипятка.

– Куда? – спросил он.

Михаил быстро притоптал траву, чтобы было куда поставить кипятик.

– Чай пейте быстрее, чтобы не остыла, – неожиданно дружелюбно сказал Виталий Алексеич, – ночь будет холодная, застынете.

Кружка была так огромна, что её хватило напиться всем троим. С сумерками пришёл пронизывающий горный холод, вода обжигала руки через стакан. Все ели бутерброды, Митря по художественной привычке вечно рисовать штриховал этюды гор. Михаил показал пальцем и сказал:

– Полярная звезда.

Это была первая из многих. Она появилась из неба, ещё светло-синего, оттенка разбавленной кобальтовой, как сказал бы Митря, на востоке ещё прозрачно-зеленоватого, на западе затенённого тучами горной метели. Потом случилось еженощное чудо осенних гор: звёзд стало так много, что им почти не было места, чёрного и синего не стало. Липа опустила голову, чтобы не кружилась, и снова увидела мужчину, в этот раз не Виталия Алексеича. Он стоял, тихий и отчуждённый, как скала. У него было узкое плоское лицо, в зубах какая-то палка – самоструганый мундштук, поняла Липа.

– Пойдём к костру, – сказал он и добавил, повторяя за Виталием Алексеичем: – Застынете.

Они пошли к домикам, едва видным в отражённом блеске скрытого костра.

У костра собрались все пастухи кордона. Там был Виталий Алексеич, охотник Бергей со смуглым лицом и длинным мундштуком, и маленький бритоголовый мальчик, не то сын, не то племянник, не то приёмш Виталия

Алексеича, и ещё собака Милка. Михаил сказал: собаволк, Митря сказал: волкособ, но оба сходились на том, что кто-то из её предков согрешил с бирюком.

– Давно метель? – спросил Михаил и наколол ломтик колбасы на прутик.

– Неделю, – сказал охотник.

– Дней пять, – уточнил Виталий Алексеевич. – Облако легло пузом на плато и не может сползти – будет лить, пока не выйдет всё.

Они снова посмотрели в темноту, где, невидимый и неслышный, бушевал снег. Виталий Алексеич и Михаил немного обсудили проект отделения Сибири со столицей в Барнауле, потом погоду, потом цены на бензин. Наконец охотник сказал:

– Раньше говорили, что если у горы верхушка курится, то это она пишет письмо. Бобырган пишет письма Белухе, Альбаган пишет письма Алтынту.

– Раньше ещё говорили, что кур доят.

– Нет, правда. Внизу в деревне есть парень, который слышал, как гора говорит – задел какой-то камень, и пошёл обвал, он еле удержался, хватался за куст какой-то, все пальцы ободрал, и самого камнями ободрало. И вот висел он, и вдруг услышал, как прямо среди грома медленный голос сказал: «Довольно!» – и обвал прекратился. Я и сам слышал, бывало, когда идёшь, одинокий, выслеживаешь лося или медведя, кругом на сто километров никого – и вдруг кто-то как будто заговаривает: «Слышишь?», или кричит вдалеке тоненько «Оставь, оставь!». Это гора говорит.

Все поёжились, даже Митря притих. Липа прислушалась, чтобы услышать голос горы, но ничего не было. Может, потому, что она была не одна.

– Никогда не слышал, чтобы гора говорила, – сказал Михаил, – но в прошлом году где-то подле Чике-Тамана люди пропадали. Может, всё ходят, ищут дорогу...

– Не, – махнул огромной рукой Виталий Алексеевич, – не ходят. Здесь люди быстро умирают, жаль. А может, их души бродят...

– Это дурной перевал. Его люди прорубили. – Бергей закинул в трубку маленький уголёк. – Он горе не родной, а как будто приёмыш.

– Когда взрывали, говорят, там человека засыпало. То ли геолога из университета, то ли кого-то из местных. Мы-то не университетские, – Виталий Алексеич замер, нащупав неожиданную бороду, – с тех пор там нечисто.

– Не было такого, Виталий Алексеич, – возразил Михаил.

– Засыпало! – ненадолго повысил голос коногон. – Ты думаешь, откуда там всякая дрянь? В прошлую зиму, аккуратно перед Новым годом, форточка открылась, и туда курица впорхнула. Мёртвая. Ощипанная! А следом форточка захлопнулась.

Михаил наклонился пошевелить костёр, чтобы скрыть улыбку.

– И вообще здесь достаточно чертовщины, – продолжал Алексеич. – Всё от того, что злые места. Я здесь всю жизнь прожил, знаю, что говорю. Красивые места, но злые. Люди гибнут.

– Но красивые? – уточнила Липа, слушавшая и запоминавшая на всякий случай.

– Но злые, – припечатал коногон.

– Они не злые. Они чужие, – Бергей наклонился и подбросил в огонь дрова, – вот на Янтерек шаманское кладбище стояло. Вот там зло и только, туда ходить не решаются даже молодые, которые ни во что не верят.

– А если бы тебе обещали табун за то, чтобы ты сходил посмотрел, ночью, – вдруг спросил Виталий Алексеич, – пошёл бы?

– Нет, – покачал головой Бергей, – их нельзя тревожить. Лучше без табуна, да в своём уме, да живым.

Костёр обрушился вовнутрь и зашипел от свежих влажных дров. Запахло сосновым дымом, свет покраснел и скрылся под деревом, лицо вдруг овеяло прохладой – Липа заметила, что ей было очень жарко возле огромного огня.

– Я тоже знаю, что рассказать, – поднял руку Митря, – однажды подле перевала жила прекрасная девушка Агафья...

– Аксинья, – машинально поправила Липа, и кордонные отчего-то рассмеялись.

Митря обиделся, замолчал и принялся за свои наброски. Где-то завывала Милка.

– Волка почуяла, – сказал мальчик.

– Не, нету здесь волков, – снова махнул рукой Виталий Алексеевич, – всех распугали. А раньше, в восьмидесятые ещё, помнится, и волки были, и медведи, и даже рыси...

– Мне баба Лёля говорила, что детей раньше бирюки утаскивали прямо из дома, – страшным голосом прошептал мальчик, – как цыплят. Некоторые на детском мясе вырастали такие огромные, такие!

– Мы такого однажды с трёх пуль не уложили, – сказал Виталий Алексеевич. – А матёрый был, наверное, старик, попробовал, верно, человечью кровь и сбесился. Мы его на снегоходе переехали. Только тогда издох.

Липа несчастно посмотрела на Митрю. Она боялась волков.

– А правда, что Милка – полукровка? – спросил он, чтобы побольше напугать её.

– Да кто знает. Мы её уже взрослой нашли, – Виталий Алексеич пожал плечами, – Бергей говорит, что полукровка. Хвост, говорит, опущенный и не виляет, и морда длинная.

– Как Белый Клык, – оживилась Липа и хватилась было, чтобы записать заметку, но тут же ей стало грустно. Про пса-полукровку уже было написано, и лучше, чем она когда-либо могла написать.

– Наверное. Не слышал.

– Это книга. Джек Лондон.

– Ты литературщица, что ли?

– Это тоже. Ну, читаю, пишу, – смутилась Липа.

– Ну, теперь ты расскажи что-нибудь. Только не про Аксинью.

Липа задумалась. У неё не было страшных историй про лес и горы, она всю жизнь прожила в городе, где даже сказка про чёрную перчатку встречалась со снисходительным недоверием. Она вздохнула и заговорила про первое, что пришло в голову:

– Когда была маленькой, то впервые узнала про ледоход. Мне представля-

лись разные глыбы льда: то лиловые, то голубые, то зелёные, расколотые, как пазл, как хрустальная тарелка, но осколки твёрдые, движущиеся, просвеченные живыми водой и солнцем, и сами живые, ждущие, чтобы раствориться в воду и вновь принять в себя летнюю рыбу и камыши. Мне казалось, что струи воды выбирают, какой из них в этом году быть зимней шубой – им тоже не нравится мёрзнуть снаружи, они хотят лежать внизу, в тёплой глубине, и все стараются отвести выбор от себя. И та, которую всё же выбирают, поднимается среди прочих наверх, ложится и оледеневает, покрывается снегом, и охраняет весь таинственный подводный мир от мороза, чтобы рыбы могли безопасно спать в иле на самом дне – и щуки, и пескари.

Липа перевела дух и посмотрела на лица слушателей. В красном свете углей Виталий Алексеич ощупывал бороду, скалоподобный Бергей непроницаемо курил, Митря рисовал этюд реки, Михаил наблюдал за движением летящего пепла, мальчик как будто слушал с интересом.

– Весной я пошла смотреть на ледоход, но его не было, только пара льдин треснули и тут же утонули. Мне сказали, что с тех пор, как появилось Обское водохранилище со своими дамбами, ледохода не бывало. Мне казалось, прекратив ледоход, мы совершили страшное преступление, что река лишена отныне своего весеннего витражного дня, значит, лишена своего важного, может, важнейшего органа, и лишена бесполезно, без цели и пользы, ради того, чтобы ещё одного отдалённого речного великана заковать в такую же дамбу, и чтобы ещё одна река вниз по своему течению осталась обезледохоженной. Мне хотелось скрыться от этого и провести долгие часы на берегу древней тёмной, дикой реки, которую не трогали чужие руки, и которая весной блещет в чёрных трещинах среди шума льда. К счастью, тогда я не знала, что таких рек не осталось. Теперь, когда я знаю об этом, это не кажется мне таким уж плохим.

Кордонные с уважением покивали.

– Это не страшная история, – сказал бритый мальчик, припечатав таким образом вердикт. Липа вдруг испугалась. Она оглянулась на свою историю и испугалась – кому она рассказывала про ледоход, про рыбу и про дикие реки? Людям, которые видели их в десятки раз больше, чем она. Липа покраснела, сама не зная, почему. Виталий Алексеич посмеялся и пошёл за флягой.

Они разошлись поздно. Ночью снежное облако спустилось с перевала и, растаяв в дождь, стучало по палатке. Липа проснулась лицом в мокрую стену – во сне Митря скатился на неё и вжал в самый угол. Вдруг кто-то постучал по обледенелой наружности тента, и Липа спросонья испугалась. Секунду она была уверена, что это мёртвый геолог ищет верёвку и её душу. Липа с трудом отбросила оцепенение и расстегнула входную молнию. Снаружи стоял Михаил.

– Пойдём, покажу тебе дикую реку. Митрю не бери. И не буди, а то обидится.

Липа осторожно выбралась наружу, но всё же обрушила ледяную корку, облепившую наружность ткани. Митря повернулся на другой бок, не проснулся. Они медленно побрели по голубому утру. Тонкий лёд крошился под ногами, трава по их следам лишалась серебристого панциря инея и становилась тёмно-синей. Лошадей не было.

– Они отогнали табун ранним утром, – сказал Михаил, проследив её взгляд. – А Бергей ушёл в леса.

Реку охраняли несколько кленовых кустов, переплетённых ветвями. Они спустились к берегу по короткой полосе хрустящей гальки. Река текла неглубокая, с резным листовым краем, тёмная, на подъёмах волны прошитая отражённым серебром. От этого она показалась Липе почти светящейся.

– Вот Муирта. Сколько бы в неё ни плевали, сколько бы в ней ни полоскали тарелки, она такая же дикая и быстрая, – сказал Михаил, пытаясь пояснить что-то, для чего у него не было достаточных слов, – или Обь. Ты думаешь, она по всей длине такая, безледоходная? Я был в её низовьях. Там она по десять километров в ширину, такая большая, что полярные киты заплывают в её русло и ложатся на берега. Зачерпни и отпей.

Липа подошла. Река пахла всеми осенями и травами земли. Она зачерпнула и отпила – вода была густой. Она светилась.

Наталья Турашева

миниатюры

ЗАПОМИНАЙТЕ НАС, ПОКА МЫ ЕСТЬ

*Запоминайте нас, пока мы есть!
Ведь мы ещё на многое сгодимся.
Никто не знает, сколько мы продлимся,
А вот сейчас мы с вами, рядом, здесь.*

Э. Асадов

Ежегодно празднуется День пожилых людей. Хотя какой это праздник, когда жизнь на финише. Это грустно, и принять эту истину очень непросто.

Так устроена человеческая жизнь, что идёт постоянная смена поколений. Нас, кого сегодня принято называть 65+ или «серебряным» поколением, остаётся всё меньше.

Недавно я была свидетелем опроса пожилых людей о счастливых мгновениях в их жизни. Ответы были практически одинаковы. Детство (не всегда беззаботное), школьные годы, студенчество, учёба по специальности. Конечно, любовь, семья, рождение детей, внуков и даже правнуков. А ведь эти люди были рождены в войну или вскоре после войны, в не самое спокойное, сытое время. Условия жизни были у большинства схожие: скромный достаток, много работы, мало отдыха и развлечений. И всё же были праздники, было у каждого личное счастье.

Каждый человек в определённом возрасте задумывается о прожитом, приходит к подведению итогов.

Трудности в каждой человеческой судьбе были, есть и будут всегда. Но вот умение сохранить способность улыбаться, противостоять неудачам, невзгодам, сохранить в себе человека, чувствовать себя счастливым у нашего «серебряного» поколения присутствовало всегда.

Оптимизм, энтузиазм, чувство юмора, желание прийти на помощь, быть готовыми по мере сил «сгодиться» – характерная черта нашего поколения.

Этими пронзительными строчками Эдуарда Асадова (лучше не скажешь), которые я поставила эпиграфом, хочу обратиться ко всем, кто идёт за нами.

Пока мы ещё с вами в этой жизни, воспринимайте нас, учитесь, читайте книги, радуйтесь, живите активно, счастливо в мире и согласии с собой, с близкими.

Телефоны от вас никуда не денутся, позвольте себе роскошь живого человеческого общения, пока все рядом, здесь.

ИСТОРИЯ ПРО БАБУШКУ И МАШИНКУ

Как-то зимой я шла в магазин. Дело было днём. Шла медленно, опасаясь поскользнуться.

Неподалёку от меня остановилась машина. Из неё вышла молодая женщина, за ней мужчина, который направился к задней двери. Вскоре он поставил на снег малыша лет четырёх.

Мальчик что-то держал в руках. Я уже подходила ближе, когда из рук малыша на снег упала небольшая машинка. Получилось так, что я оказалась рядом с этой машинкой, которую подняла и протянула ребёнку. Тот взял её и, не поблагодарив меня, спросил:

– Ты бабушка?

Я ответила, что бабушка. А он вдруг говорит, что у него нет бабушки. Потом опять обратился ко мне с вопросом:

– А у тебя есть внук?

– Есть. И внук, и внучка, – ответила я.

– А как его зовут? – вновь прозвучал вопрос от малыша.

– Дима.

И тут он радостно сообщил мне, что его тоже зовут Дима. И заулыбался.

Всё это время родители стояли невдалеке и наблюдали за нами.

– А у твоего Димы есть машинка?

– Да, есть. У него их много.

Подойдя ко мне поближе, он вдруг протягивает мне машинку.

– Это твоему Диме!

Я взглянула на родителей, которые разговаривали по телефону. Папа мальчика подошёл, понял ситуацию, разрешил сыну отдать машинку.

И объяснил, что сынишка дарит машинки всем женщинам, которых он считает бабушками.

Мне было как-то неловко принимать такой дар, но я вспомнила внука, поблагодарив, взяла машинку. И подумала: как бы поступил мой Дима?

Александр Таразанов

ЧЕРЕМОШИНСКИЕ ИСТОРИИ

НЕ ДОГОВОРИЛИСЬ

– Какая тут жизнь, какая тут на хрен малина. Мать вашу за ногу, – ругался негромко в своей комнате Колька Фролов, с красным носом мужичок, прозванный своими корешами-собутыльниками Красный Нос. Держа перед собой продуктовые чеки, подслеповато их разглядывал. Бывшая жена Анна не слышала его ругань, она отдала продукты с чеками и сразу поехала к дочери.

Вырос Колька в деревне. Родители переехали в город, и он за ними, поселились в одном из черемошинских бараков. В один год сразу потерял родителей. Первым помер его отец Алексей Алексеевич, он сильно страдал от фронтовой раны. В последнее время крепенько выпивал. Получил цирроз печени. Матушка Дарья Фоминична была в жизни тихой и хозяйственной женщиной. Не вытерпела смерти мужа. Как-то слегла и совсем не встала. Но жить Кольке как-то дальше надо. Тут ещё пришёл приказ из Москвы, что все аварийные дома с бараками пойдут под слом. Через некоторое время жильцам выдали ордера в благоустроенные квартиры. Так Колька стал жителем в одном из домов новостройки Каштака. Женился, родилась дочь. Казалось, чего для полного счастья надо. Живи и радуйся.

Завидуй не завидуй, но в те времена житуха у Кольки была то что надо. Работая грузчиком на базе «Облпотребсоюза», имел и зарплату, и калымы. А где калымы, там и пьянка – если не будешь бухать, не продержишься в коллективе. И, чтоб как-то не спиться, Колька ушёл водителем автопогрузчика, но остался при базе. Тридцать лет на одном месте. Таков был стаж Фролова. Потом всё закрутилось уже по другому сценарию, бригаду грузчиков разогнали, а складские помещения отдали в аренду. У Кольки с женой семейный разлад, как у многих семей того времени.

Наступили грозные времена. Страна стала другим государством. Окончила школу и прекрасно поступила в институт на бюджетной основе их дочь Елена. Ей просто-напросто повезло. А время идёт. Кем только не работал Колька. И кочегарил, и вторым водителем был на фуре. Даже исполнял обязанности директора у «чёрного» лесоруба. Последнее место работы – сторож базы. На месте своей работы Колька часто поддавал. Кто-то из персонала базы взял и сдал его начальству (хозяину). И остался Колька безработным пенсионером, к тому времени окончательно развёлся с женой. Дочь после третьего курса удачно выскочила замуж за хорошего человека и жила отдельно. Институт окончила с красным дипломом. Колька ушёл в запой. Всю пенсию либо проиграет на автоматах, либо пропьёт. Но как же так, скажете вы: он живёт с

бывшей женой в двухкомнатной квартире. Да, такое сплошь и рядом было и, возможно, будет дальше...

Стук в дверь, и она открылась нараспашку. В проёме возникла толстая фигура соседа Витьки в майке и трико.

– Это ты, Витёк? – спросил его Колька.

– Ну а кто же ещё, – буркнул сосед и вошёл. – Давай сюда бумажки, – и натянул на нос очки.

– А где твоя суженая, Анна Матвеевна? Ты всегда при ней меня просил посчитать эти бумажки. – Витька снял очки и посмотрел на свет, протёр майкой и напялил их на место.

– Да свалила она к дочери, да пошла она... – Колька в горячке под ноги себе смачно плюнул. – Я её просил остаться. Она ещё утром сказала, что ей нужно срочно после обеда уехать к дочери.

– Понятно, не договорились, – спокойно ответил ему Витька. – Давай начнём! – предложил он Кольке...

– Не знаю, здесь всё правильно сходится. – Витька снял очки и посмотрел на Кольку. – С тебя банка пива. Могу взять и тебе.

– Ты же знаешь, у меня был инфаркт. – Колька сунул Витьке сторублёвую купюру.

– А то смотри, я тебе безалкогольное возьму, – подмигнул ему Витька.

– Да нет, спасибо, – Колька замотал головой. Витька сразу растворился...

После ухода соседа Кольке стало скучно. Он включил радио. Оттуда лилась знакомая мелодия семидесятых годов. Вспомнил, как познакомился с Анной, она оканчивала медучилище. В тот день у неё был выпускной вечер. Она с однокурсницами пошла в горсад на танцы. Он, слегка выпивший, случайно забрёл туда. Она скромно стояла в стороне, он её пригласил на танец. Она посмотрела на него и согласилась. И с того времени между ними зародилась крепкая любовь...

Колька прилёт и уснул. Во сне увидел свою покойную матушку: «Что ж ты, Коля, не можешь помириться с Анной. Ты ослеп. Она с тобой возится, как с малым дитём. Покупает продукты. А ты ей не веришь, просишь соседа, чтоб он проверял правильность чеков. Ох, как ты не прав. Извинись, я тебе говорю...». И сон начал расплываться...

Колька проснулся и вслух сам себе сказал:

– Надо же такому присниться, утром схожу к Ане и перед ней исповедаюсь...

Взял монетку и кинул вверх. Поймал. Решка. «Значит, не сбудется моё желание, но сходить придётся к Ане». – Колька часто так делал, хотел, чтоб осуществлялись его желания, такова его дурная привычка.

Утром следующего дня Колька подошёл к шкафу и вытащил костюм, приблизился к зеркалу и начал вглядываться. (Он видел правым глазом только тридцать процентов.) Вроде бы костюм на нём сидел неплохо. Пощупал по щекам. Оброс. Взял на тумбочке электробритву и побрился. Побрившись, вновь рукой прошёлся. Удовлетворённый, он пошёл к Анне.

Стук в дверь. Дверь приоткрылась, и выглянула оттуда заспанная Анна, она внимательно вглядывалась в чисто одетого и выбритого бывшего мужа, не понимая, по какому случаю он так разоделся:

– В чём дело, Фролов?

– Аня, я вчера тебе не сказал спасибо, – смущённо проговорил он.

– Да пожалуйста, – и она зорко глянула на него. – И всё?

– Может, нам не стоит разбегаться. Столько лет мы с тобой вместе. – Колька сделал жалостное лицо и готов был расплакаться перед ней и упасть на колени.

– Знаешь, я тебе не верю, – и она захлопнула перед ним дверь.

– Жаль, что не договорились, уважаемая Анна Матвеевна, – вслух через дверь сказал ей Колька.

Но там за дверью было тихо.

Колька стоял у окна, через открытую форточку на него дунул свежий ветерок. Напротив окна на ветке берёзы сидел воробей и весело чирикал. «Ишь как расчирикался... Весна красна». Задрал голову в сторону воробья. Вдруг в виске что-то щёлкнуло, а в правом глазу совсем потемнело. Полная слепота. Колька закрыл глаза и вновь открыл. Стоит темень в зловещей тишине. Он понял, что полностью ослеп на второй глаз, заорал благим матом «А-а-а-а!» и распластался на полу.

НЮСЬКИНА НАХОДКА

После очередного запоя прошла к конвейеру опухшая, с подбитым глазом, коренастая рыжеволосая Нюська, баба средних лет. И сразу к ней прилипла глазастая и востроносая болтунья Тамарка.

– А мы тута подумали, что ты померла, нажралась со своим хахалем палёного спирта, и конец вам пришёл, – глядя ей в глаза, смеялась Тамарка. Нюська, не обращая на неё внимания, медленно натягивала резиновые перчатки. Увидев подошедшую пожилую мастерицу, обратилась к ней:

– Людмила Васильевна, а что, вы меня действительно похоронили?

– Конорева! Ты откуда такая взялась? – удивилась её внешнему виду подошедшая Людмила Васильевна – мастер рыбоборазделочного цеха.

– Витька, мой сожитель, калымил, занимался сбором шишки, ну, я с ним, значит, обмывала его заработок.

– Чего-то я не пойму, всегда врала, выкручивалась, и нá тебе, получите правду-матку, – всплеснула руками Людмила Васильевна. – Хорошо! Вставай и работай, сегодня двое из новеньких не вышли.

День проходил как обычно, конвейер несколько раз останавливался. Пошла последняя партия разделки щуки. Разделявая средних размеров щуку, Нюська заметила: что-то блеснуло у неё внутри. Ловким движением ножа зацепила объёмистое кольцо с блестящим камушком. И, чтоб никто не заметил, сунула колечко в бюстгальтер. Посмотрев по сторонам и кокетливо поправив его руками, взялась за следующую рыбку.

Нюська вышла из проходной рыбзавода, решила дойти до гравёра Соломона. Он принимал старинные изделия. Независимо, из чего и в какое время они были изготовлены.

Нюська два раза стукнула в железную дверь, за ней послышалось лёгкое шарканье, и приоткрылась в проёме двери щель. Оттуда глядело суровое старческое лицо. Дверь широко распахнулась, и Нюська смело вошла. Соломон шустро закрыл за ней дверь.

– Показывай, – недоверчиво покосился на Нюську, – что ты там мне принесла.

Нюська разжала кулак: – Вот!

Соломон взял кольцо и на свету начал его внимательно рассматривать, взял лупу и внутри увидел старинную надпись красивым почерком «Дарю тебе, моей Елене. 1.01.1916 годъ». Прикинув в уме, сказал ей:

– Даю тебе за колечко триста долларов, прямо сейчас.

– Добавь ещё полтинник, я хоть за квартиру долг заплачу.

– Мою цену ты услышала? Забирай и уходи, – сунул ей обратно кольцо и начал её выпроваживать.

– Погоди! – попросила она его. – Я согласна.

Соломон удалился, но через некоторое время появился с небольшой пачкой американских купюр. Нюська вернула ему кольцо и забрала деньги. Вышла.

Нюська забежала домой и взяла паспорт. Дошла до ближайшего валютного пункта и увидела объявление, что пункт закрыт по техническим причинам. «Чёрт тебя дернул...» – ругнулась она за свой неудачный поход. «Куда бы сходить?» – и тут ей на глаза попала огромная афиша, где предлагали самый лучший обмен по валютному курсу. Нужно ей туда проехать одну остановку, и она поехала туда. Получив деньги, решила сходить и купить себе одежду. Обновиться.

С обновками вернулась домой. В квартире тишь да гладь. Никто её не встречает. Мякнув, вылезла из шкафа голодная Мурка, выгнув спину, начала крутиться возле хозяйкиных ног. – Ой, погоди, не до тебя, – и легонько ногой от себя отпихнула кошку. Не раздумывая, Нюська подошла к платяевому шкафу и всё новое внутрь сгрузила.

«Завтра на работу не пойду...» – с такой мыслью начала примерять цветастое платье. Повернулась боком влево, вправо перед зеркалом: «Всё ничего, но я не молода, дочь замужем, и я уже лет пять как бабушка».

Кто-то громко постучался, Нюська быстренько подошла к двери и молча её распахнула. На пороге стояла крупная белобрысая соседка Надька:

– Ух ты, какая красивая... – с ноткой зависти проговорила соседка. – Может, мне чего найдёшь, – и без приглашения вошла, но закрыла за собой плотно дверь.

Нюська вытащила ей блузку белого цвета:

– Мерь!

Надька сморщилась, повертела её туда, сюда. – Нет, это не моё. Да и фасон не нравится.

– Ну, как хочешь. – Нюська пожалала плечами и забрала блузку обратно.
– Может быть, обмоем твои вещички... – предложила ей Надька.
– Выйди на крылечко, я кошку покормлю и выйду. А там вперёд и в магазин, – ответила ей Нюська.

Две недели Нюська обмывала проданное кольцо из щучьего желудка. Кто только к ней не заходил. Вся местная округа пила и гуляла. Витька, её сожигатель, в это время подрядился собиранием грибов. И всё бы ничего, он как-то утром появился возле Нюскиной квартиры. Постучался: тишина. Прислушался и тыркнулся в дверь. Дверь приоткрылась, и Витька вошёл. Нюська, растрёпанная и измятая, прикорнула калачиком на диване. Витька её кое-как растормошил.

– Витя! Я тут без тебя бухала, – как бы извиняясь, оправдалась она перед ним. – Разделявала на работе шуку и нашла там старинное кольцо с блестящим камушком. Сходила и продала Соломону, и от него получила целых триста долларов. Их обменяла на рубли, потом всех поила, я всем говорила, что картину старинную бабкину продала. Сам знаешь, кому нужна эта самая правда.

– Похоже, найденное тобой колечко-то в шуке было с брильянтом. Мой отец давным-давно мне говаривал: так, сынок, глянь на экран телевизора – там шёл правительственный съезд, у одного из эсэсэсэровских правителей товарища Косыгина словно лучом светит на галстук закладка. Это чистейший брильянт. Твоё кольцо, может, стоит больше тех денег, что ты получила от Соломона.

– Зато от души погуляла...

– Ну и ладненько, с тобой всё ясно, вот видишь, – и он ей показал – полный пакет набит продуктами, – щас пойдём и жажнем, всё будет чин чинарём...

Нюська быстренько встала и пошла на кухню, бормоча себе под нос:

– И чего с меня взять. Я всегда была непутёвой у мамки...

ПОРАБОТАТЬ БАБУШКОЙ

Сентябрь нынче казался тихим и цветным. Людмила не спеша подалась на улицу Профсоюзную в сторону поликлиники – записаться к участковому: побаливала голова. Присев возле регистратуры, услышала:

– Здравствуйте, тётя Люда.

Она глянула на подошедшего к ней аккуратно одетого молодого человека.

– Вы меня не узнаете? – последовал вопрос. Людмила с интересом всматривалась, припоминая, где могла его видеть, но вспомнить так и не смогла. Он сам о себе напомнил.

– Это было давно. Я – Юра. Тащил мешок с пустыми бутылками мимо ваших окон, вы поинтересовались, откуда я столько их набрал. Я вам ответил – отец с мужиками в гараже пьёт, а мне достаётся пустая тара. Так что хватает моих денег не только для меня, иногда отец занимает для выпивки. Я сейчас менеджером работаю в торговой фирме, женат...

С тех времён много воды утекло, но тот день Людмила не забудет никогда. Была суббота. Она встала с утра, накормила завтраком сына Игоря, решившего с друзьями пойти на рыбалку. Когда сын ушёл, Людмила осталась одна, надумала погладить бельё. Мужа давно нет, выгнала, сын на рыбалке, а что ей остаётся делать. Сделав домашнюю работу, сев возле окна, она увидела такую картину: мальчишка лет одиннадцати, пыхтя, тащил неполный мешок с та-рой...

Прошло несколько часов. Громкий стук. Людмила, не спрашивая, распахнула дверь. На пороге стоял местный участковый и её подруга Раиса. Она сразу поняла: что-то случилось нехорошее, переменялась вся в лице.

– Людмила Михайловна, – начал участковый, – не хотел вас огорчать, но пару часов назад ваш сын Игорь с друзьями, переплывая на лодке через реку, потонули...

От такой новости, бледнея в лице, она медленно стала оседать, участковый успел её придержать, подхватив на руки, сказал подруге:

– Вызывайте «Скорую помощь» быстро.

А сам понёс её на диван и аккуратно положил.

Все дни перед похоронами и после Людмила находилась в каком-то кошмаре, от неё ни на шаг не отходила старшая сестра Валентина. На девятый день после поминок сестра ей представила высокого брюнета приблизительно её возраста:

– Его зовут Сергеем, он останется с тобой, у меня дома тоже хватает дел. Он за тобой присмотрит.

Но оказалось так, что Сергей остался с ней на многие годы.

Приходил следователь, выяснилось, при каких обстоятельствах погиб её сын Игорь с друзьями, переплывая через реку. Попали на фарватер, им навстречу шёл буксир-толкач с баржей. То ли капитан не видел, то ли они ступали при его близости. Во всяком случае, не только у капитана, даже с утопленников брали экспертизу на алкоголь. Был суд, капитану дали всего пять лет за три смерти, а ребят не вернёшь никогда. Самое страшное в жизни у любой матери – это потерять ребёнка. Худо-бедно, но Людмила смирилась с такой участью...

Тут, у регистратуры, опять закружилась голова. Людмила решила встать и пойти домой. Она стала падать, но кто-то успел её поймать и усадить на место...

Людмила очнулась совсем одна в пустом помещении среди застеленных кроватей. Сразу не поняла, куда попала.

Закрыла глаза. И вот вспомнилось. Зима. Вечером в натопленной избе каждый член их семьи занимался своим делом. Например, Людмила с сестрой Натальей, уютно усевшись на диване, учили французский язык. Бабушка, пригревшись возле печки, вязала варежки. Мама недавно ушла на работу в ночную смену. Работала медсестрой в больнице. Отца пока нет, на стройке. Рано утром увозят, а привозят поздно вечером. Бабушка прислушивалась, как внучки заучивали слова на французском языке. Снял очки, отложила вязание в сторону, вздохнув тяжело, заговорила.

– Так, девочки, не пойдёт, как вы учите, – недовольно посмотрела на внучек.

– А как, бабуля? – спросила Наталья.

– Например, букву «l» (эль) нужно произносить мягче, правда, в слове «звезда» ударение будет на первую букву (e) etoile (этуаль), table (табль) – стул. Assieds-toi sur la chaise. Что я сказала? – глянула на Наталью.

Та засуетилась и принесла стул.

– Неправильно. Я тебя попросила: присядь на стул. Ты поняла слово «стул», похвально. Но суть сказанного мной не поняла. Сейчас я вам принесу фотоальбом. И открою тайну, – шаркая по полу, удалилась, сёстры молча переглянулись между собой. Через несколько минут бабушка появилась, держа под мышкой фотоальбом в чёрном кожаном переплёте.

– Только поаккуратней, здесь все старые фотографии. Ох, знали бы вы, девочки, из какого знатного рода происходите!

Девчонки посмотрели друг на друга, не поняв её, лишь пожали плечиками, открыв альбом, разглядывали на фото важных дядек и тёток чуть ли царских времён.

– А из каких таких это мы, интересно знать? – спросила Наталья.

– Вы из Воронцовых-Дашковых, как я. Вас в Сибирь специально спрятали от нынешней власти. Вы не знаете, сколько расстреляли народу. А нас тем более такая участь ждала бы, потому что мы из дворянского сословия. Моего брата не пожалели, расстреляли в тридцать втором, служил у Деникина, у него сын остался, я слыхала, уехал в Америку, там женился, родился у него сын, он вам братом приходится. Живой он там, не живой, не знаю.

Девчонки рты пооткрывали от услышанной новости...

Скрипнула дверь. Вошёл молодой человек в белом халате, держа похожего на него мальчишку лет четырёх за руку, неся полную авоську.

– А вот и мы, – улыбка появилась у молодого человека. Людмила подслеповато глядела на непрощенных гостей.

– А вы кто?

– Ну, ты, бабушка, даёшь. Внука не узнала, – весело соврал он. Мальчишка тем временем отвлёкся, полез к каталке.

– Тётя Люда, это я, Юра. Если б меня рядом не было, вы бы себе голову разбили или ещё чего-нибудь сломали. Вы что, ничего не помните?

– Нет.

– Мы с вами разговаривали около регистратуры. Когда вы встали, чтоб уйти, вам стало плохо. Вы чуть-чуть не упали, я вас поддержал.

– Смутно вспоминаю.

– Вот и хорошо. Мы с Мишей пойдём, а вы лечитесь...

– Спасибо!

Они ушли. «Хорошим парнем вырос этот Юра...» – подумала Людмила, закрыв глаза...

Две недели прошло. За окном льёт дождь. Сыро. Последний день сентября. Людмила с нетерпением ждёт гостей. Напекла пирогов, заварила чай. Громкий стук в дверь. На пороге стояли трое: папа, мама и сын.

– Чего стоите? Проходите. Раздевайтесь.

Пока раздевались, после них осталась целая лужа на полу.

– А знаете, тётя Люда, – начал разговор Юра, – у меня к вам есть интересное предложение. А не хотите поработать... бабушкой?

– Бабушкой? – она удивлённо посмотрела на Юру.

– Раз я начал, скажу. У Ольги нет родителей, отец, бывший «афганец», после службы из армии долгое время не работал. Часто пил, приучил мать. А тут перестройка, он от «палёнки» помер. Мать через два года зарезал сожитель. Про моих родителей я вам уже говорил.

– Бабушкой... Это очень сложная работа. Я подумаю.

– Думайте.

Гости ушли. Людмила сидела и думала: а может, вправду поработать бабушкой? Не во вред себе, а в радость маленькому Мишке...

14 сентября поэту и переводчику Григорию Михайловичу Кружкову исполнилось 80 лет.

Это было в 1967–68 университетском учебном году. В нашу комнату общежития в гости к Грише Воробьёву зашёл пятикурсник с физического факультета. Мне понравилось, как внимательно и серьёзно слушает он нашего филолога. И Гриша представил его:

– Тоже Григорий.

Понравился он своей крутолобостью, хорошими, умными глазами. На литобъединении мы стали здороваться, я услышал его стихи. Помню, одно начиналось замечательно длинной строкой:

– Ряд покатых холмов, купол неба холодный и серый...

Студента физфака, как вы понимаете, звали Григорий Кружков. Его стихи печатала университетская многотиражка и областная молодёжная газета. После окончания вуза он уехал из Томска, поступил в аспирантуру Института физики высоких энергий.

Однако любовь к поэзии победила. Ещё в школе, увлёкшись английским языком, он пробовал переводить британских классиков. Он серьёзно работал, и переводы его попали в том «Библиотеки всемирной литературы».

Но и свои стихи он продолжал писать. В начале 1980-х я увидел на прилавке магазина «Искра» небольшую книжечку «Ласточка». Немедленно купил и не пожалел: там было много хороших стихотворений. Сегодня к «Ласточке» прибавилось ещё около десяти книг. Стихи его переводились на английский, французский, немецкий и хорватский языки.

В 2000 году Кружков защитил диссертацию в Колумбийском университете (Нью-Йорк) и получил степень доктора философии по русской литературе. С 2001 года он преподаёт в РГГУ, является профессором кафедры теории и практики перевода историко-филологического факультета Института филологии и истории.

Он переводил английских, ирландских и американских поэтов, в частности Дж. Китса, Э. Лира, У. Б. Йейтса, Дж. Джойса, Р. Фроста, У. Стивенса и других. Сделанный им перевод пьесы Шекспира «Король Лир» был отмечен премией «Книга года» в номинации «Поэзия» в 2014 году.

Замечательный поэт и переводчик, член Шекспировской комиссии РАН стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации по литературе (2003) и премии имени Александра Солженицына (2016). В 2015 году он был избран почётным доктором литературы Тринити-колледжа (Дублин, Ирландия).

Григорий Кружков успешно проявил себя и как писатель для детей. Его книги дважды были отмечены наградой Московской международной книжной выставки-ярмарки «Лучшая книга года» в номинации «Детская литература» в 2006 и 2016 годах.

.....

В журнале «Новый мир» я прочитал заметки Григория Кружкова «Со дна памяти». Попросил разрешения у автора дать фрагменты в альманахе и получил согласие. О Томске и наших поэтах, ставших его товарищами, он вспоминает тепло и благодарно. Можете убедиться: «Каменный мост», 2015.

Эту подборку стихов и переводов юбиляра я, конечно, собрал на свой вкус. Книги Григория Кружкова доступны в Интернете, есть они в библиотеках нашего города. Наверняка вам откроется ещё много замечательных стихотворений. А Роберт Фрост (переводной, понятно) давно один из любимых моих поэтов, и Григорий Михайлович также любовно (этого нельзя не заметить) переложил для нас строки великого американца.

Владимир Крюков

Григорий КРУЖКОВ

ИБО В ЭТОМ ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА СТИХА

ЧЕХОВ

Я Чехова прочёл, когда болел.
Приятель школьный мне носил из дома
Собрание сочинений – по два тома.
Я все тома в неделю одолел.

А, впрочем, писем, видно, не прочёл,
И пьес, должно быть, и ещё чего-то,
Но если я чего-то не учёл,
То я и говорю не для учёта.

Но чудится мне некий символ в том,
Что, как таблетку, в день глотал я том,
Который был лет за полста написан
И в точку оказался мне прописан.

Грипп в третьем классе –
Счастье, а не зло.
Я вряд ли понял, как мне повезло;
Лишь далеко по времени отъехав,
Тот курс леченья вспомнил вдруг –
И сам,
Уже ничьим не вторя голосам,
Соединил два слова: Доктор Чехов.

ПЕРЕПЁЛКА

Исповедать вам душу в стихах напослед? –
Прикажите – рубаху рвану без стыда:
Вот я весь перед вами –
как есть, на просвет –
Перепёлка уводит людей от гнезда.

Приволакивая неуклюже крыло,
Вызывая азарт, любопытство и смех,
То взлетит,
то в траву упадёт тяжело –
Чумовая добыча любого и всех.

Может, вывернуть вам напоказ потроха?
Вот, смотрите –
но шляпа факира пуста.
Ибо в этом последняя тайна стиха –
Перепёлка уводит людей от
гнезда.

СЫНУ

Как быстро роешь ты, подземный крот!

Гамлет, I, 5

Одного отобьёшь короля,
Двух валетов назойливых скинешь.
Но прицепится к дну корабля
Угрызенье – и вот он, твой финиш.

Иль, скача сквозь кусты напролом
За пугливой, бодливой любовью,
Тонконогим наскочишь конём
На глубокую ямку кротовью.

Иль, пустившись по лёгкой стезе
Правдолюба, судьи, следопыта,
Поскользнёшься на женской слезе –
И на встречный наколешься выпад.

Потому что возмездие – крот,
Ибо кротко, невидимо роет,

И тебе никакой звездочёт
Его тайных путей не откроет.

Ночью тёмной и ветреным днём,
Даже если ни ангела рядом,
Вспомни: все мы стоим под кротом,
Под его немигающим взглядом.

* * *

Наступает это время,
это время наступает,
что зовётся время оно, –

наползает, окружает,
громким кликом угрожает:
где мой друг и оборона?

Там, где я тебя оставил,
на поляне между пнями
ползают жуки с рогами,

ползают жуки с рогами,
беспощадные с врагами.
Гром гремит за облаками.

Друг мой верный, полк засадный,
видишь – мне нужна подмога –
подступает вражья сила.

Или сном тебя сморило
на фиалковой поляне –
или ты меня забыла?

Не поможет ельник чёрный,
не поможет луг болотный,
не поможет стяг закатный,

только слёз твоих криницы –
перед гибелью напиток,
друг мой верный, невозвратный.

С ИРЛАНДСКОГО

Улитка знает секрет,
но никому не откроет,
ёжику лишь откроет
секрет, который невидим.

– Ёжик, скажи секрет свой,
смело пред нами откройся:
поверь, мы тебя любим
и никогда не обидим.

Но ёжик не выдаст секрета,
он крепко в себе его держит.
– Неужто ты нас боишься,
таких родных и хороших?

Так спрашиваем, забывая
о Боге в венце терновом,
с тех пор кто поверит миру,
какой простоватый божик?

* * *

Ты из глины, мой хрупкий подросток,
Голубой, неуступчивый взор;
Чуть заметных гончарных бороздок
На тебе различаю узор.

Я – другой, я не слепленный – сшитый,
На груди – самый яркий лоскут,
Потому что твой дурень набитый,
За таких двух небитых дают.

Ты с тревогой глядишь бесконечной
И с любовью, забытой давно.
Обо мне не печалься – я вечный,
Как военной шинели сукно.

Мы с тобой жили-были однажды,
Век пройдёт, и тебя уже нет.
Значит, буду томиться от жажды
Миллионы мучительных лет.

Потому что взята ты из праха
Для земного – врасплеск – бытия,
А меня изготовила пряжа,
Бледный лодзинский ткач и швея.

* * *

Привет вам, новые ворота!
Люблю порой на вас смотреть,
Люблю порой и с разворота
На вас башкою налететь.

Промчится ветер, хладом вея,
Повянут листики травы...
А вы год от году новее,
Год от году страннее вы.

Из Роберта ФРОСТА

*Вспоминая зимой птицу,
певшую на закате*

День угасал в морозном блеске.
Я шёл домой – и в перелеске,
Где стыла голая ветла,
Почудился мне взмах крыла.

Как часто, проходя здесь летом,
Я замирал на месте этом:
Какой-то райский голосок
Звенел мне, нежен и высок.

А ныне всё вокруг молчало,
Лишь ветром бурый лист качало.
Два раза обошёл я куст,
Но был он безнадежно пуст.

С холма в дали искристо-синей
Я видел, как садился иней
На снег – но он старался зря,
Серебряное серебра.

По небу длинною грядюю
Тянулось облако седое,
Пророча тьму и холода.
Мигнула и зажглась звезда.

День голубых мотыльков

День голубых весенних мотыльков!
Небесные цветы парят, мелькая.
Ещё не скоро у земных цветов
Накопится голубизна такая.

Они парят – и только не поют;
И, с каждым взмахом опускаясь ниже,
Опустошённые, к земле прильнут,
Где врезан след колёс в апрельской жиже.

Чтоб вышла песня

Был ветер не обучен пенью
И, необузданно горласт,
Ревел и выл, по настроенью,
И просто дул во что горазд.

Но человек сказал с досадой:
Ты дуешь грубо, наобум!
Послушай лучше – вот как надо,
Чтоб вышла песня, а не шум.

Он сделал вдох – но не глубокий,
И воздух задержал чуть-чуть,
Потом, не надувая щёки,
Стал тихо, понемногу дуть.

И вместо воя, вместо рёва –
Не дуновение, а дух –
Возникли музыка и слово.
И ветер обратился в слух.

Побеседовать с другом

Если друг, проезжая, окликнет меня,
У ограды придерживая коня,
Я не стану стоять как вкопанный,
Озираясь на свой участок невскопанный,

И кричать «В чём дело?» издалека,
Вроде как оправдываясь недосугом.
Нет, воткну я мотыгу в землю торчком –
Ничего, пускай отдохнёт пока!
И пойду через борозды напрямиком
Побеседовать с другом.

Другая дорога

В осеннем лесу, на развилке дорог,
Стоял я, задумавшись, у поворота;
Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то.

Я выбрал дорогу, что вправо вела
И, повернув, пропадала в чащобе.
Нехоженей, что ли, она была
И больше, казалось мне, заросла;
А впрочем, заросшими были обе.

И обе манили, радуя глаз
Сухой желтизною листвы сыпучей.
Другую оставил я про запас,
Хотя и догадывался в тот час,
Что вряд ли вернуться выпадет случай.

Ещё я вспомню когда-нибудь
Далёкое это утро лесное:
Ведь был и другой предо мною путь,
Но я решил направо свернуть –
И это решило всё остальное.

Татьяна Прокопьева

ВЕРА ПАВЛОВНА

Дом бабы Веры был просторный и одинокий. Дочери давно выросли и разъехались, про мужа она никогда не рассказывала. К дому вели зацементированные дорожки, а вокруг переливались ягодами массивные кусты смородины, малины и облепихи. Деревянный дом на кирпичном фундаменте, окрашенный голубой эмалью, утопал в цветах. Их было много: обычных, вьющихся, кустообразных. Цветы были страстью Веры Павловны. Огромные горделивые георгины, прекрасные длинноногие гладиолусы, похожие на нежных лебедей, вытягивающих свои бархатистые шеи, весёлые пёстрые гвоздики и разноцветные астры радовали глаз и, кажется, никогда не увядали.

Мы с сестрой любили бегать по тропинкам между этими великолепными созданиями, то и дело подкрадываясь к бабочкам, работающим над очередным цветочным растением, распрямлявшим тоненький хоботок прямо в нектарную чашечку гладиолуса.

Солнце слепило глаза. Рот был набит шоколадом, отколотым добродетельной бабой Верой от огромной шоколадной глыбы, обернутой в фольгу, спрятанной где-то в тёмных недрах её буфета. В доме всегда пахло жареной курицей и пирожками. О, эти пирожки с капустой, картошкой и ревенем, эти сдобные булочки и плюшки с вареньем, обсыпанные сахарной пудрой: пухлые, коричневатые, пышные, только что вытащенные из печи... Никогда мне не забыть вас, как никогда не представить любимую бабушку вне этих замечательных чудес, созданных её мудрыми, трудолюбивыми руками!

Мы любили бывать у бабы Веры, а она – весёлая, энергичная старушка – боготворила нас. Никто никогда не был рядом с ней печален, расстроен или сердит. Если бы меня спросили, какое главное качество я ценю в своей дорогой бабуле, я бы ответила – душевную теплоту. На свете встречаются взрываются женщины в летах, бывают замкнутые и сварливые, импульсивных пожилых леди, готовых всей грудью кинуться на защиту своих отпрысков, тоже хватает. Но Вера Павловна не раздавала советов, каждая её морщинка светилась радостью, у неё всегда было занятие, и я не помню случая, чтобы она наказала нас, закричала или хотя бы повысила голос. Наверное, она нас баловала, кто теперь скажет?

Иногда она напоминала мне сказочную фею из сказки Андерсена «Снежная королева». Та добрая старушенция владела огромным розовым садом и часто разговаривала с каждым цветком, как с человеком. Аромат цветов, их сладость и нега убаюкивали Герду, и она засыпала, позабыв о своём путешествии в поисках Кая. Старушка была одинока и не хотела отпускать от себя Герду...

Вера Павловна напоминала нам добрую фею ещё и тем, что отменяла некоторые мамины запреты. Кровати у бабушки были с периной – спи сколько хочешь, а на трельяже стояли бутылочки с разноцветными витаминками, и она разрешала два раза в день брать оттуда разные по величине и цвету бу-

синки – те, что больше нравились. Целыми днями мы играли, бегали во дворе, обирая ягодные кусты, и нам редко приходило в голову помочь бабушке по хозяйству, а сама она об этом никогда не просила.

Правда игрушки в её в доме не поселились, так как не было внуков, разве что фарфоровые лебеди, да белые накомодные слоники, которые встречались в то время почти в каждой квартире. Слоники эти –заморские переселенцы, пришедшие, видимо, из иной культурной традиции, считались символами богатства и долголетия. Зато была серая кошка Муська, таинственно поглядывающая на нас из-за печки зелёными крыжовниками глаз. Мы выдумали себе «оловянных солдатиков» – это были гадальные карты и старинные открытки. В одних случаях они звались нашим славным войском, а в других превращались на время в многоэтажные домики.

Терпеливо я составляла картинку к картинке: первый, второй и третий этаж картонного гиганта с окнами стрельчатой формы – для того, чтобы влетевший в комнату разбойник-ветер развеял мой замок в пух и прах. Валеты, дамы, тузы, трефы, бубны, пики... Временами я наблюдала, как, накинув на плечи голубую шаль с кистями, бабушка усаживается за стол и быстро тасует карты, затем раскладывает их в разнообразные фигуры, замысловатые символы, многозначительно всматриваясь в сочетания картинок, пёстрым веером рассыпанных на столе.

Вздыхает и, плотнее укутываясь в шаль, задумчиво смотрит в окно, будто ожидая, что вот-вот кольцо на воротах, ограждающих её «царство» от внешнего мира, повернётся, и на зацементированную дорожку, ведущую через сад, ступит нога человека, временно скрывающегося за нарисованной маской карточного героя. Вместо этого на кухне начинал свистеть чайник, и хозяйка шла заваривать листья смородины и малины, готовясь к чаепитию, а кошка стремительно мчалась за ней в надежде получить какое-нибудь лакомство. Позже я узнала, что загадочное волхование Веры Павловны называется пасьянс.

Конец лета. Надвигается хмурая, серая осень. Лепестки начинают осыпаться с любимых розовых и пурпурных цветов, тяжёлые шмели изредка ещё жужжат над ними, лениво переваливаясь с цветка на цветок. Вера Павловна, накинув на плечи голубую шаль и опершись на тёплую печь, рассказывает маме свой вчерашний сон. Та понимающе кивает, молчит. Бабушка не кажется мне испуганной, даже чуть-чуть улыбается краешком рта, как будто посмеивается над мнимой угрозой. Иногда, сине-фиолетовыми зимними вечерами, баба Вера доставала из целлофанового пакета слепок разноцветного пластилина, и мы, дети, держа его над горячей плитой, отсоединяли кусочки и производили из них новые фигурки, пока пластилин был мягкий и податливый.

А вот кусочек женского платья в горох отвалился от общей массы, упал на горячую крышку кастрюли и расплавился, но перед тем, как это случилось, я увидела, каким стало платье. Красотка, вылепленная кем-то из нас, зажатая в детской руке вопреки своей воле, зависла в опасной близости от остывающей, но всё ещё разящей жаром плиты, становилась всё мягче и горячее. Словно насыщаясь близостью смерти, краски только что вылепленных предметов становились ярче и на мгновение обнаруживали в себе новую, дышащую силой,

жизнь. Извиваясь в предсмертной агонии, растекался, меняя форму, многоцветный пломбир пластилина. Пришлось убрать её подальше, в холодное место, дабы она совсем не растаяла, как прекрасная, но не приспособленная к суровым играм людей Снегурочка.

Вере Павловне приснилась яма с волосатыми изгибами древесных корней по краям, а рядом с ней большая земляная насыпь. Сосны покачивали пушистыми ветками, солнце пригревало остывшую землю, а вокруг стояла необъяснимая, пронизывающая тишина. Словно домашняя брага, разливалась она по жилам, и было так сладко, так спокойно. Птицы уже готовились к отлёту. А две души, два серебряных колокольчика, девочки-сёстры, всё реже появлялись в волшебном саду сказочной феи. И вот однажды собрались многие, дом наводнился публикой. Любящие Веру Павловну близкие ей люди, овеванные тревогой, растерянно блуждали по комнатам, как будто что-то ища. Они и сами ещё не догадывались, что все, так или иначе, являются лишь статистами в спектакле, задуманном невидимым режиссёром. В прозрачную тишину бабушкиной квартиры вторгались посторонние, несвойственные этому безмятежному уюту звуки, шорохи, тени. В спальне слышался скрежет отодвигаемой мебели, в сенях жалобно скрипела дверная пружина перед тем, как тяжёлая дверь, обшитая изнутри войлоком, недовольно ухала, пропуская внутрь очередного посетителя. Деревянный пол отзывался на размеренный топот ног, веник подметал крыльцо, на кухне позвякивала посуда, в гостиной перекладывались какие-то вещи, и негромкие разговоры доносились оттуда.

Улучив минутку, я забежала в маленькую комнатку с окном, выходящим в сад, и старинной швейной машинкой с ножным приводом. Неприятный переполох, царивший в гостиной, был непонятен детскому уму. Вдруг передо мной, как призрак, проплыла, покачиваясь, высокая статная женщина с копной седых вьющихся волос, убранных в старомодную причёску, в чёрном кримпленовом платье и нитке жемчуга на груди. Она прямо держала спину, а её царственный профиль напоминал венецианскую чеканку. Лицо было печально и торжественно, губы слегка поджаты, её серые, всегда лучившиеся приветственной радостью глаза были темны, как вода в проруби, и ничего не выражали. Она смотрела как будто поверх меня, сквозь меня, сквозь стены, куда-то, где, возможно, сейчас находилось её сознание, покинувшее на время ещё живое статное тело.

– Здравствуйте, баба Вера, – громко поприветствовала я и потянулась, чтобы взять её за руку.

Она оглянулась, медленно, но решительно отведя мои руки, и равнодушно-строго спросила:

– Кто ты?

Лицо её было холодным и безразличным, как будто она впервые меня видела.

– Я Таня, Таня, – ещё громче сказала я, пытаюсь вновь дотронуться до её руки, последовала та же реакция.

Кажется, я пробовала сказать что-то ещё, но неожиданно почувствовала, как задрожал голос, в горле что-то мешало, а глаза без видимой причины наполнились слезами.

«Я тебя не знаю...» – сказала она столь же ледяным тоном и пропала.

Мне стало страшно, я никогда не видела её такой. Чужая, бесчувственная Вера Павловна, снежная королева, выплывала из тихой, пахнувшей лекарствами и цветущей геранью комнатки, где стояла машинка с ножным приводом, на которой ещё недавно прилежная хозяйка прострачивала свои простыни и наволочки, в углу стола, словно брошенный щенок, поблёскивал швейный напёрсток.

Она появилась в этом обновлённом, но уже не безмятежном, уже не привычном и сонном пространстве для того, чтобы сыграть свою последнюю роль. В последний раз она стала центральной фигурой феерического спектакля, выйдя из тёмной кулисы на ярко освещённую софитами сцену. Всегда растворяясь в людях, как сахар растворяется в молоке, вливаемом потом в муку, для того чтобы впоследствии стать сдобой, распадаясь на тысячи незаметных, неуловимых действий во благо близких людей, рассыпаясь на множество согревающих душу улыбок, исчезая в других... Сейчас она вся была сосредоточением некоего громкого, громоздкого, бездушного «Я», которого никогда не позволяла себе в жизни.

* * *

– Надо же, как ты всё это смогла запомнить, ведь тебе было в ту пору лет пять, не больше, – с удивлением констатировала мама. – Она не была нашей родственницей, как ты решила. Дедушка наш, то есть мой отец, рано овдовел. После этого он никак не мог или не хотел жениться. Отец всегда был сдержанным человеком, что бы ни происходило, не жаловался, никого не обвинял, не то что некоторые (кивнула она в сторону своего мужа, который не слышал нашего разговора). Спасением от всех невзгод были для него работа и мы – дети, внуки. Если что не так, не скандалил, уходил к себе в стайку и до позднего вечера что-нибудь выпиливал, точил, мастерил. Или уходил сено косить, тогда корову держали. Жил он ради нас... Царство ему небесное.

Жалея отца, сестра моя Анна, она тогда была ещё молодой женщиной, решила познакомить его с Верой Павловной, откуда она её знала – теперь и не вспомню. Анна желала, чтобы отец женился снова и не оставался одиноким до конца своих дней. Тогда-то в нашей семье и появилась Вера Павловна, которая так и не стала его женой. Мы породнились, отец к ней очень хорошо относился, но... Так бывает.

Добрая, шутливая, непритязательная Вера Павловна присутствовала на всех семейных праздниках и посиделках, иногда она приходила и в будни. Нас, малышню, отдавали ей на несколько дней погостить независимо от времени года. С тех самых пор и до сегодняшнего дня я считала её своей родной бабушкой и сильно привязалась к ней. Иногда болезнь отнимает не только силы, но и память, которая даёт эти силы. Бедная пластилиновая кукла.

Расплавленная капля упала на горячую плиту, кукла превратилась в бесформенную липкую лужицу, обретая в этот миг необычайную цветовую гамму и пластичность. А может быть, бояться нечего, и все бабочки улетают туда, где наши души меняют очертания и смыслы...

Через месяц её не стало.

Павел Рубанов

ВЫХОД № 2

Шум ливня заглушал звуки ночного посёлка. Водяные плети хлестали по лужам, крыше. На подоконнике вполголоса хрипел старый радиоприёмник, перемотанный синей изолентой. «Как упоительны в России вечера...». Жёлтая тусклая лампочка висела под потолком, привлекая стайку мошкар. Охранник Виталий сидел в каморке, вжавшись в хромой офисный стул, зажав губами сигарету. На вид ему под пятьдесят, желтушный цвет лица оттенял впалые щёки и мешки под глазами. Длинное худощавое тело с небольшим пивным брюшком. На тонкой шее – лысеющая голова. Он отхлебнул остывший кофе, поморщился и снова взглянул на монитор. Чёрно-белые, чуть раздражающие изображения с камер. На двух из-за дождя едва проглядывался вход на склад, забор с колючей проволокой, большие металлические ворота. На других длинные стеллажи с коробками, ящиками, баллонами. Шуршание ливня, сбитая волна радио.

Виталий взял приёмник и начал крутить настройки. Что там ещё есть? «Там, далеко-далеко...», «...на рукаве, мой порядковый номер...», «...на столе, ветер плачет, за окном...», «...будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность...». На последнем Виталий на секунду задержался, понял, что это не песня, а какой-то радиоспектакль, и пошёл дальше. Повозившись с крутилками, вернул на прежнюю волну и прибавил громкость. На мониторе всё было по-прежнему. Украдкой достал из внутреннего кармана куртки чекушку, разбавил кофе, и на границе слуха заметил стук. Он не сразу различил его за шумом дождя и радио. Стук повторился. Быстрый, требовательный. Тук-тук. Виталий с раздражением поставил кофе на стол и снова проверил камеры. Пусто. Тук-тук-тук. Костяшками пальцев по дереву. Настойчиво. «Эт ещё кого принесло?» – он встал, взял с полки небольшой фонарь. Стучали не с центрального входа, а из глубины склада.

Яркое пятно света скользило по пыльным кирпичным стенам жжёно-оранжевого цвета, падало на длинные стеллажи с коробками и заколоченными ящиками. Луч выхватывал из темноты чёрные ряды газовых баллонов за тяжёлой металлической цепью, стопки покрышек, мешки. Из-за резких чёрных теней в глазах рябило. Стук становился громче. Деревянная дверь, наполовину заставленная коробками, с напечатанной на принтере бумажкой «Выход № 2». Внизу от руки: «Ключ на вахте». Около ручки – массивный ржавый замок. Стучали с той стороны. Виталий резко саданул дверь кулаком и громко выругался. Стук затих, но через секунду повторился с новой силой. «Ах вы, сволочи...»

Виталий быстрым шагом вернулся, нащупал в ящике стола старый ключ, и тут же обратно. С первой попытки ключ намертво застрял. Плюнув, Вита-

лий накинул куртку, выскочил через главную дверь на улицу, тут же сжавшись под напором воды. Грязь, смешанная с подгнившими листьями, комками липла к ботинкам. Обойдя здание дважды, он не нашёл ни людей, ни следов проникновения. Хлюпающая масса пузырилась под пулёмётной очередью ливня, куртка быстро намочила и тянула вниз. Вода заливала глаза и нос. Покрутившись на крыльце, Виталий юркнул обратно. Оставшаяся ночь прошла спокойно. Часов в шесть дождь начал стихать. Пришёл сменщик.

– Ну что, всё как обычно?

– Ага, только хулиганил кто-то. Часа в четыре примерно. Так, в дверь подолбились и сбежали. Только вот куртка мокрая до сих пор...

– А, ну и хрен с ними, бывает, – сменщик взял со стола кружку с кофе, отхлебнул и закашлялся, – Ничё се, крепкий!

– Оп, забыл про него, – Виталий выхватил кружку, выпил залпом. – Ну, бывай!

Он прошёл мимо старых покосившихся заборов, и новых, обшитых профлистом, перекинулся парой слов со знакомым дачником, припугнул ногой облаявшую его дворнягу, закупился в ларьке пивом и пачкой сигарет. Дойдя до своей трёхэтажки, нырнул в тёмный подъезд и тут же столкнулся с Галиной Ивановной, живущей напротив. «Ещё раз под дверью уснёшь, милицию вызову! Ишь ты, перешагивай через него потом! Правильно она ушла...» Слова оборвались захлопнувшейся дверью. «Да пошла ты!» Первым делом включил чёрный пузатый телевизор. Небольшая двушка с отходящими от стены обоями, липким пыльным полом, почти без мебели наполнилась голосами. Весь маршрут Виталия – от дивана до холодильника с периодическими остановками в уборной. После развода он ни разу не заходил в комнату. Поставив пиво на заляпанную полку холодильника, он отметил, что макароны пора бы выкинуть. Приоткрыл окно, бухнулся на диван, завёрнутый в цветастый плед. Ветер колыхал пыльный тюль. За окном в такт ему качалась голая ветка. Взял пульт, откинулся на спинку и продолжил свой спор с экранными собеседниками. «Да что ты понимаешь!» «Всё не как у людей!» Телеэфир только усиливал чувство одиночества.

Ночь – рабочая смена. Ручьи мутной воды пенились от быстрых капель. Дождь стучал по подоконнику и стеклу. Мерные удары капель о ведро с протекающего потолка. Радио бубнило прогноз погоды и гороскоп. Монитор глядел чёрно-белыми глазами камер. Виталий насвистывал мелодию из рекламы, заваривал «3 в 1» и вдруг понял, что к звукам радио и дождя примешивается ещё один. Аккуратное, еле слышное постукивание. Тук-тук-тук. Затем уверенное и отчётливое. Тук-тук! Тук-тук! Резко и чётко. Как часы. Тук-тук! Костяшками пальцев. Тук-тук!

Виталий пролил кофе на клавиатуру, матерясь, схватил фонарь, пробежал между стеллажами, с силой двинул по двери кулаком. С той стороны ударили тоже, да так, что штукатурка осыпалась. Затем снова. И снова. Казалось, что стучат уже двое. Нет, их там больше. Стучат по всей двери. Тук-бум-бум! И сверху, и снизу. Бум-бум-бах! Стучат человек десять! Бах! Бах! По стене пошла трещина. «Ну его к чёрту!» Виталий отступил в каморку, вызвал отряд

ГБР. Через пять минут к воротам подъехала машина, из неё выскочили трое в касках, бронезиловках, с короткими автоматами наперевес. Тишина. Вместе с Виталием обошли здание по периметру. Пусто.

– Слушай, а чего ты дверь-то не открыл? – спросил рослый гэбээровец, зайдя на склад и вытирая о порог грязь с подошвы. – Прогнал бы их сразу.

– Дык я пытался! – Виталий злобно зыркнул в сторону «Выхода № 2». – Но на ней замок этот, фиг откроешь! И ключ внутри застрял. Я потому второй день и бегаю вокруг, как сайгак, ищу.

– А чё это за дверь-то?

– Да запасной выход вроде, а чего?

– Запасной? – гэбээровец удивился. – У тебя же здесь по плану одна дверь только.

– Как это одна? – недоумевающе переспросил Виталий.

Снова вышли на улицу, снова прошли по периметру. На месте, где по идее должна была находиться вторая дверь, – прямоугольник более светлого кирпича. Вход на склад один – центральный. Одна дверь, одни ворота, одно окно, и то в камерке. Вернулись. Куском арматуры вскрыли навесной замок. За дверью – ниша не более десяти сантиметров в глубину. На запылённом полу осыпавшаяся штукатурка и несколько мёртвых паучков.

– Та-а-ак... – протянул гэбээровец, смотря то на нишу, то на Виталия. – Это шутка какая-то?

– Да какие шутки?! Я уже второй день с этим стуком борюсь, откуда ж я знал, что она замуванная?

– А кто ж стучал тогда? Тараканы?

– Слушай, начальник, – Виталий всё ещё был в замешательстве. – Ну хошь, камеры посмотрим?

– А они звук у тебя записывают?

Виталий замаялся. Звук камеры не писали уже давно, да и ему до этого момента было наплевать.

– Давай так, – гэбээровец вздохнул. – Мы пойдём, запишем в протоколе, мол, так и так, кто-то хулиганил, но к нашему приезду скрылся. Но если ещё раз ты нас из-за всякой ерунды дёрнешь среди ночи – запишу ложный вызов. Всё понятно?

Всю дорогу до дома потряхивало. Даже когда сел с пивом на диван, всё ещё думал о чертовщине. Залпом осушил первую бутылку, открыл вторую. Едва не подпрыгнул, когда стук раздался со стороны окна. Осторожно, пригибаясь, одёрнул тюль. По стеклу постукивала длинная кривая ветка соседней берёзы. Плюнув, вернулся к дивану. Телевещание, вторая бутылка пива. А руки-то дрожат. Пошатываясь, медленно пошёл в уборную. Зачем-то остановился у запертой комнаты, но прошёл мимо, наткнулся взглядом на зеркало и отшатнулся. Там кто-то другой. Выдохнув, вернулся. Чем дольше вглядывался, тем меньше себя узнавал. Осунувшийся, небритый мужик с заплывшим лицом. Угрюмый, мятый, пьяный, в заляпанной майке, дрожащий от стука ветки по стеклу. «Вконец спился», – прозвучал в голове забытый голос.

– В зюю, в дрова, вконец!

– Ты и теперь мне нотации читать будешь? – пробурчал он. – Сама же ушла.

– Допился, допил, до чёртиков, – кривлялся голос.

«С-с-спилс-с-ся...» – шипел водопроводный кран. «Так! Так! Так!» – подтверждала ветка. «Для тех, кому повезло с женой!» – подначивала реклама майонеза. «Да что ты понимаешь!» Стекло телевизора лопнуло от прилетевшего пульта. Гардина с треском обрушилась на пол. «И тюль этот твой!» На пол упала отвинченная бутылочная крышка.

– Ну япона мать, Виталь, а ну вставай!

В бок ударилось что-то большое, металлическое. Дверь. Голос рикошетом бился в черепной коробке. Опять удар. Приоткрыв глаз, Виталий увидел бетонный пол и рвоту. Подъездная стена. Соседская дверь. Лицо. С трудом Виталий заполз к себе. Умылся холодной водой, равнодушно пожевал позавчерашних макарон. В голове звенела пульсирующая боль.

– Твою ж... Ты в норме? – спросил сменщик, когда Виталий оказался на пороге склада.

– В нрм, – промямлил тот, опираясь о дверной косяк.

– Нет уж, давай-ка домой. Я Михалычу позвоню, может, подменит.

– Нет! Вснрмлн. Я... Я нормлн.

– Ладно, хрен с тобой, – сменщик проводил Виталия, проплывшего в каморку.

Виталий за столом, перед кружкой кофе и пустой банкой энергетика, смоллил очередную сигарету. Дождь барабанил по крыше, будто пытаясь пробиться внутрь. Уже дважды пришлось выливать ведро. Молния на мгновение прорвалась сквозь тучи, но тьма жадно сожрала её. По миру за окном раскатился гром. И снова всё повторилось. Виталий сидел на стуле, поджав ноги и накинув куртку. Голова гудела. Невольно при очередной вспышке он вздрагивал, резонируя с гулом. Тусклый электрический свет сейчас казался бесконечно тёплым и приятным. Немного успокаивало мурлыкающее радио.

*«Посреди огней вечерних и гудков машин
Мчится тихий огонёк моей души...»*

Грохот взрыва – и лампочка искрами разлетелась по каморке. Радио замолкло, и всё погрузилось во мрак. Гром грузными нотами аккомпанировал матерящемуся Виталию. Даже сигарета потухла. Остался только дождь. И стук. Он нарастал. Шёл со всех сторон. Виталий достал из кармана куртки чекушку, отхлебнул для храбрости, взял фонарь. Ему нужно было убедиться, что никого нет. Что он один. Сейчас он отбросит сломанный замок, и за дверью будет только тёмная кирпичная ниша. «Ну вот, а ты боялся». Виталий, сделав последний глоток, аккуратно потянул за ручку.

Подъезд. Виталий с тупым выражением смотрел вперёд. Закрыв и открыл. Вместо пыльной ниши с пауками в обе стороны тянулся длинный коридор. Подъезд, которого здесь быть попросту не могло. Обсыпанная штукатурка, обнажавшая голый бетон, старая кислотно-зелёная краска в половину стены, местами отходившая хлопьями. Вид был заурядным, даже разочаровываю-

щим. Запах пыли, мочи и тушёной капусты. Дрожащий электрический свет, монотонный гул трансформатора. Виталий неуверенно переступил порог. Подошёл к лестничному пролёту. За мутью окон явно различалось пространство, но свет был как бы от уличного фонаря. Ничего не разглядеть. Дождя не слышно. Облокотился на перила, посмотрел вниз. Этаж восьмой, наверно. Лестница вверх также уходила во тьму неработающих ламп. Стены исписаны разной пошлятиной. «Здесь был Колян», «Маша – шлюха», «Совсем зажрались». Рисунки и упоминания детородных органов. И вдруг втиснутое между граффити – «Уходи». Лампочка с характерным звоном мигнула, и что-то изменилось. Тревога ледяными волнами сковала ноги. В голове как сирена звучало одно: «Ты не один!». Было что-то не так, неправильно, противоестественно. Он осмотрелся снова. От жёлтого электрического света лампы растягивались тени. Тень от перил, проводов, даже трещины в штукатурке наполнились тенями. Со страхом он опустил взгляд. Его собственной тени не было.

Держась за стену, Виталий рванул к «своей» двери, но вместо складской там была обшитая облезлым дерматином. Свет снова моргал. «Может, не тот этаж?» Спустился ниже. Надписи на стенах другие. «Холодно». «За что?». Ещё ниже, может, там? «Сама ушла!» Да что это со светом? И огромная красная надпись на полу: «Беги, дурак».

Развернулся. Тени сгущались, преграждали ему путь, казалось, он может запнуться о решетчатую тень перил, по стенам к нему тянулись тёмные линии труб. Из трещин вытекала чернота. «Допился», – прошептал он, и неожиданное эхо прокатилось по этажам: «Допился. Допился! Допился!». Шаги. Виталий замер. Вот показалась человеческая тень. Со стены она сползла на пол, неестественно растягиваясь. Заглянул наверх. Никого. Тень сама, шлёпая по ступеням, тянула худые длинные руки. Он мгновенно протрезвел. Комок в горле не давал кричать. Силуэт становился объёмнее, будто вбирая в себя окружающую тьму, и вдруг отделился от поверхности. Словно во сне Виталий скатился с лестницы. Побежал вниз, пропуская ступени, слыша за собой мерное шлёпанье. Подбитая лампа будто издевалась над ним, подмигивая, создавая больше теней, чем света.

Где выход? Ещё несколько пролётов. Бежал, стучал в двери, звал на помощь. Чувствовал, что теряет себя. В безумии обратился обратно к лестнице, – и увидел самого себя, с щетиной и залысиной, испуганного, жмущегося к стене. Рванул к себе, по-паучьи перебирая лапами, чтобы схватить, не дать себе уйти. Тот, другой, кричал, падал, перепрыгивал ступени. Бежал вниз. Вниз, как можно дальше от себя самого. А позади тот самый стук со склада. Тук-тук-тук. Стук сердца, готового выпрыгнуть из груди. Стук сотен рук. Запнувшись, Виталий кубарем покатился вниз, пролёт за пролётом, слыша хруст собственного тела, погружаясь всё глубже.

Свет. Вывалившись из подъездной двери, он лежал на крыльце панельной девятиэтажки. Рядом такие же типовые дома. Перед ним двор, площадка с играющими детьми. Мимо, недовольно ворча, прошла старуха, обозвала алкашом, скрылась в подъезде. Опираясь на холодный бетон, поднялся на ноги. Живой. Во дворе играли дети. Звонкие голоса разносились по округе. Берёза слегка покачивалась от летнего ветра, шурша резными листьями. Воробьи пе-

релетали с ветки на ветку, иногда спускаясь на землю за очередным жучком. Постепенно солнце начало спускаться, коснулось крыш. Виталий сидел на скамье. Только когда дети разошлись а на улице окончательно стемнело, он вышел со двора.

Это был не его посёлок, его встретили огни крупного города, потоки машин, людные улицы. Отовсюду лился свет: фонари, вывески, билборды, окна домов. Даже ночной холод не чувствовался – внутри разливалось тепло. Не горьковато-жгучее тепло пива, а новое, ещё не исследованное, манящее. Никогда до этого не испытанное. Чувствовал, что именно сейчас действительно, по-настоящему жив. Рука рефлекторно потянулась к карману и достала пачку, желтоватые пальцы поднесли сигарету ко рту. Стоп. Нет. Смятая пачка полетела в урну.

Виталий пропал седьмого августа, во вторник. Через три дня сменщик дал показания, а задним числом вышел приказ об увольнении за «систематическое нарушение должностных обязанностей».

В четверг, через месяц, Галина Ивановна слышала, как соседская дверь хлопнула. Она постучалась – никто не ответил. Даже участкового вызвала. Наутро дверь в квартиру была открыта, а вещи вынесены. Через полгода разговоры об этом закончились. Через год всё забылось.

– Кстати, – сказал муж Галине Ивановне, вернувшись из города, – представляешь, Виталю видел. Идёт такой опрятный, румяный – я его даже не узнал сначала. Лет десять скинул. Ну, поздоровались, что-куда, с работы, мол. Я ему: «Ну пойдём, выпьем за встречу!». Он аж позеленел! Говорит: «Не пью! Бросил». – и от меня подальше. В подземный переход шмыгнул. Так и не попрощались.

Юрий Михайлович Ключников (1930–2024) – поэт, философ, эссеист, переводчик, путешественник. Родился в рабочей семье в городе Лебедин (Восточная Украина), с 1942 года и до последнего дня жил в Сибири.

Окончил историко-филологический факультет Томского университета.

В конце 1970-х увлёкся богоискательством, восточной философией, учением Н. К. Рериха. В 1979 году был обвинён в идеализме и богоискательстве и после трёхлетних партийных разбирательств (дело доходило до ЦК и Политбюро) уволен из издательства «Наука» как человек с идеалистическим мировоззрением. С этого года и до выхода на пенсию в 1991 году работал грузчиком и такелажником на новосибирских заводах.

Творчество Ю. М. Ключникова высоко оценивали такие известные литераторы России, как В. Астафьев, В. Кожин, В. Солоухин, А. Проханов, Л. Аннинский, Е. Евтушенко, С. Куняев. Однако в Союз писателей России его приняли только в 2004 году в возрасте 74 лет.

Он – герой документального фильма «Белый остров» (режиссёр В. Тихонов), награждённого специальным дипломом «За философский и поэтический поиск» на Международном фестивале «Золотой Витязь». С 1990 по 2019 годы Ю. Ключников опубликовал более двух десятков книг стихов, публицистики и прозы.

Жил и работал в Новосибирске, печатался в журнале «Начало века».

Юрий КЛЮЧНИКОВ

ЖИЗНИ БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЛНА

* * *

Страна моя, не дай мне отойти
надолго от твоих забот всечасных,
и не лиши томительного счастья
всех испытаний на твоём пути.
Я болен тем же, чем и ты больна.
Пусть вместе к нам придёт выздоровленье.
Не посылай соблазна отступленья,
дай силы грозный путь пройти сполна.

2001

КОРНИ

И дух, и дых –
Родня по корню.
Душа, дыша, трепещет в нас,
Переболев, как в детстве корью,
Игрою слов, нарядом фраз.
И потому, чем дали мгlistей,
Чем ближе осень, тем верней
Сквозь шорохи опавших листьев
Мы ловим шёпоты корней.

1979

ПАМЯТИ АЛТАЙСКОГО САДОВОДА

За жизнь ему достались три войны,
по ордену от каждой и по ране,
и две отсидки в десять лет длины,
одна – в Майданеке,
другая – в Магадане.
Но для горы подземные толчки –
лишь повод выше к небу приподняться.
Склонилось небо прах его почтить,
зачитывают солнечные святцы.
Сады вокруг построились окрест,
как роты на последнюю поверку.
И если боги в этом мире есть,
то тоже поклонились человеку.
И если рай – фантазия богов,
то сочинён, конечно, на Алтае,
где среди дивных гор и облаков
причудливые образы витают.
Ушёл солдат, философ, садовод,
ушёл туда, где все мы, к счастью, будем.
Ушёл как сплав работы и невзгод,
Ведь из него и делаются люди.

1980

КАПЛИ ДОЖДЯ

Дождь вторые сутки моросит,
по горам туман мохнатый бродит.
На Алтае скука не грозит
даже при неласковой погоде.

Слишком ярки здешние цветы
и нежны касания пространства.
Я – в горах, далёко где-то ты,
мыслями лишь можем прикасаться.
Спрятавшись в палатке голубой,
слушаю, как бьют по тенту капли,
объясниться пробую с тобой
через тучки серенький кораблик.
Шлю с ним, как почтовые листки,
капли влаги на окно и в руки –
письмена весёлые тоски
о тебе, о нас и о разлуке...
Дождь вторые сутки моросит,
и внутри палатка запотела.
Скука, повторяю, не грозит,
светлая печаль – другое дело...

1997

* * *

Как будто сам Творец, играя,
Припал к серебряной струне –
Звенит, звенит сороковая
И резонирует во мне.
О Моцарт!
Неизменно верный
Своей земле, я до земли
Склоняюсь перед вечной Веной,
Где твой цветок взрастить смогли.

* * *

– Судьба немислима без драк?
Мудрец кивнул согласно:
– Так.
– И без любви везде беда?
Мудрец ответил кратко:
– Да.
– Выходит, правды две в судьбе?
– Одна.
– Но в чём она?
– В тебе.

1982

* * *

Нас жмут жестокие напасти,
берёт за горло страшный век,
чтоб мы с тобой, как столбик пасты,
когда придавят, лезли вверх.
А что в итоге? Да всё то же –
мы повторять не устаём:
– Когда отмучимся, о Боже?!
И сохнем в тюбике своём.

1998

ПО СТРАНИЦАМ «ЧАЙКИ ПО ИМЕНИ ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН»

Волшебной сказки книжные страницы,
где сон записан чей-то молодой.
Но разве он лишь в молодости снится?
До смерти жизнь пронизана мечтой.
То светлой и высокой, то случайной,
застрявшей в безнадежном тупике,
парящей в небе белоснежной чайкой
и той, что разбивается в пике.
Случается ей в денежных отбросах
зарыться, душу нежную губя.
Всё дело в нас и в главном из вопросов –
какой мечте ты посвятил себя?

2001

ДРУГУ ПО ЦЕХУ

Нам нынче с тобой не до смеха.
И всё же не станем стонать,
мой друг из словесного цеха,
что кончилась наша страна.
Без нас ей хватает рыдальцев.
Зачем подпевать воронью?
Давай отдохнём от редакций,
Пройдёмся пешком по жилью.
Текут в ней по-прежнему реки,
и светлое солнце встаёт,
не слишком светлы человеки,
зато человечен народ.

По-детски на власть уповаает,
не наша, так Божья спасёт.
А если, как это бывает,
куда-нибудь нас занесёт,
так это от вечных недугов –
то бес виноват, то застой,
то, пятый исследуя угол,
находим с похмелья шестой.
Без грома и громкого эха
не можем и шагу шагнуть...
Хотя нам с тобой не до смеха,
давай улыбнёмся чуть-чуть.

2001

ШОФЁР

Он «Урал» свой на зимник выкатил
в минус сорок сквозь все «не могу».
И теперь вот заглохший двигатель
греет лампой паяльной в снегу.
Сын оплётанной прежней эпохи
помнит чётко команду – вперёд!
Потому на любой дороге
никакой его чёрт не берёт,
не мутят никакие смуты.
Было время, горбы да гробы
проверяли в сражениях лютых
красный корень его судьбы.
Рвут сегодня чужие уставы
путеводную, древнюю нить.
Норовят его сердце усталое
тоже чьим-то чужим заменить.
Что тут скажешь, на вид он сдался,
терпит беды и бесов орду.
Но по сути прежним остался:
может поле вспахать в аду,
победить сатанинское чудище...
И пока разумение спит,
охраняют дорогу в будущее
наши вечные встряски да спирт.

2001

* * *

Когда поэта называют мудрым,
могу вздохнуть лишь горько от тоски:
– Друзья мои, прошу, не надо пудрить
ни мне, ни прочим гражданам мозги.
За жизнь в них накопилось столько мусора,
в извилинах хранится столько тьмы,
что дай нам Бог успеть с подругой-музой
до полного заката всё отмыть.

2003

СТАНСЫ*Куда ж нам плыть?*

А. С. Пушкин

Кто подался в бизнес, кто в запой,
кто в демократические танцы.
Ну, а мы, бумажный лист, с тобой
выбрали классические стансы.
Семьдесят отпраздновал вчера.
Явно музе становлюсь не пара,
и давным-давно пришла пора
сесть не за стихи – за мемуары.
На поэтах век поставил крест.
Кто умолк, кто ищет новой кровли...
Кое-кто из забугорных мест
учит нас искусству рыбной ловли,
как ловить не рыбок – осетров
золотых или жемчужных устриц.
Много расплодилось мастеров
и ловцов удачи, слишком шустрых.
Господи, прости мне эту желчь!
У своих грехов синодик длинный.
Сил пошли в родной печи обжечь
собственную творческую глину.
Ты молчишь. Остаться бы людьми
В «мастерами» брошенной России.
И рвануться в небо, чёрт возьми,
Сквозь бутры на русском керосине!

2000

* * *

То ныряем, то наверх подкинет
Жизни бесконечная волна.
Бездна нам мерещится под килем,
там, где лишь полфута глубина.

И плывём, глаза от страха жмуря,
по житейской луже штормовой,
не вникая в истинные бури,
что гремят над нашей головой.

КЛАДБИЩЕ

Кресты, кругом одни кресты
из камня, дерева, из жести,
как вековечные мосты,
что вяжут жизнь со смертью вместе.
Ты протащил по жизни свой,
мечтаешь о покое светлом.
А он и там над головой
стоит под ливнями и ветром.
Он ждёт. Такие, брат, дела,
покая нет, давно известно...
Идёт война не за тела,
не за кресты – за дух над бездной.

* * *

В сердечной книге не желтеть страницам,
Пока в ней дни без страха шелестят.
Мы любим в пятьдесят сильней, чем в тридцать,
А в семьдесят смелей, чем в шестьдесят.
Повсюду раздаётся: кайся, грешник,
Страх Божий да приидет в жизнь твою!
Но я чем ближе к смерти, тем сердечней
Земную жизнь и всякую люблю.
Страшиться ли загробных адских вихрей,
Когда их здесь немало перенёс?
Я выносил у сердца этот тихий
Цветок любви,
Он очень трудно рос.
Под небом то лихим, то нежно-синим,
В болотах, на песке и на горах –
Цветок любви к измученной России,
Которой никакой неведом страх.

* * *

От работы сохнем, и от лени,
от раздоров, даже... от дождя.
Жаждем перемен и обновлений,
ищем их, нигде не находя.
Кажется нам, жизнь достойных травит,
а негодным – полная сума.
Говорим о тех, кто нами правит:
– Да они совсем сошли с ума!
Жалуемся: как не надоело
Богу нас от гибели хранить,
если в нашей давке оголтелой
невозможно что-то изменить!
И никак не попадает в сети
нашего сознания эта весть –
что и ты, и я, и всё на свете
это Он
таинственный и есть.

МОЛОДЫМ

Поучать не хочу,
Жизнь сама вас научит:
Обломает рога,
Шоры с глаз уберёт.
Есть у каждой эпохи и солнце, и тучи,
Есть у каждой души
Свой крутой поворот –
Или вверх, или вниз,
Остальное – детали...
Вон Георгий опять поднимает копьё.
Мы Россию в боях никому не отдали,
Вы на ваших торгах не продайте её.

ПАМЯТЬ О ПЕСНЕ

Под гипнозом старинной прелести –
Я пластинку держу в руке
С маркой синей «Завод Апрелевский»,
Что на дачном нашёл чердаке.

Вся тупыми избитая иглами
И шараханьями страны,

Донесла до конца не заигранный
Женский голос времён войны.

До сих пор он звенит сквозь утраты.
Вот и я в нём надежду ловлю,
Как хранили себя солдаты
Непреклонной молитвой: «Люблю!».

Среди жизненных многоточий
Светлой грустью о прошлом дыша,
Развевается синий платочек,
Наша радость, свобода, душа.

* * *

Родина, заступница, печальница,
радость ясноглазая моя,
много раз случалось мне отчаяться,
о твоём пособии моля.

Ты ни разу в нём не отказала,
но при всякой перемене мест
на недолгих жизненных вокзалах
ожидал меня твой новый крест.

Всё сильнее пригибает плечи,
хоть тверды ещё мои шаги...
Трудно жить, и умирать не легче,
если не уплачены долги.

Ты мне столько света подарила,
что дурное помнить не хочу.
И сегодня посылаешь силы.
Чем тебе за это отплачу?

2003

Вот такую запись сделала Нина Яковлевна Левина после одной из встреч в поэтическом клубе «Автограф» при Пушкинской библиотеке.

«27.04.2001. Вечер Романа Низамиева. Как сказала Ольга Геннадьевна Никиенко, руководитель клуба: «Такое впечатление, будто в Романа кто-то воплотился, настолько совершенны и завершены его произведения». Они сюжетные, как правило, почти каждый – рассказ (да ещё Роман их комментировал), но почти у всех есть подтекст. Я ему как-то предложила набрать стихи на компьютере («пусть у вас будет готовый набор, если где согласятся опубликовать»), с каким наслаждением я это набирала!».

Роман родился 28 октября 1956 года. Отец и мать в Томске разными путями очутились, отец был в плену у немцев, поэтому его после освобождения выслали в Сибирь, а мать (из Башкирии) строила Сибирский химический комбинат по оргнабору. Роман – татарин. Настоящее имя Рамиль (кажется), но к имени Роман привык, считает его своим. Держится просто, читает стихи артистично, очень умело (был вопрос, не участвовал ли в худ. самодеятельности, ответил: «Нет»).

Родители умерли, когда ему было 20 лет (отец) и 22 (мать), наверное, поэтому не получил высшего образования. Учился до 8 класса в школе 32, потом пошёл в техникум геологоразведочный, но ушёл на завод, потом армия, потом – Томский инструментальный завод. Сейчас он инженер гидросооружений, женат, есть сын 9 лет. Вечер был просто редкий из-за героя: талант явный, сложившийся, безо всяких вывихов».

Роман Низамиев публиковался мало. Напечатался в газете «Буфф-сад», в журналах «День и ночь», «Сибирские Афины», в коллективных сборниках. Были посмертные публикации в журнале «Начало века». Мы даже не знаем даты его ухода из жизни. Будем благодарны тому, кто сообщил бы подробности о жизни и смерти поэта.

Роман НИЗАМИЕВ

ПРОЖИТЬ В ЛЮБВИ ОСТАТОК ДНЕЙ

* * *

Прощай, страна рассыпчатого снега,
С сердечным звоном песенных оков.
И ты прощай, кочующее небо,
В тугих боках мясистых облаков.

Твои дымы так сладостны, Отчизна,
И я скажу – грешно тебе вдвойне
В твоих раздольях горестную тризну
С немым укором править обо мне.

Любить тебя вовек не перестану,
Костры живые в сердце разведу.
Я забреду опять в твои туманы,
Где ветерки колышут резеду.

Никак я не могу навек проститься!
И вот Господь меня благословил,
Чтоб, замирая, снова возвратиться
На мятный запах ягодных могил.

ЗВОНЫ

Снова звоны зовут и тревожат
В воскрешённую светлую даль,
В край лазурный, что краше, быть может,
Я ещё никогда не видал.

Где вольней я не видел свободы,
Лучше, выше не зрел я мечты,
А стремглав пролетевшие годы
Прибавляют вдвойне красоты.

Звоны, звоны, вечерние звоны
Льются с райских вершин без конца,
В золочёном малиновом стоне
Оплетая любовью сердца.

Гаснет в сумраке море людское,
Умолкает летучая медь,
Оставляя нам что-то такое,
Отчего манит плакать и петь!

НЕ ЗАБЫТЬ...

Я тебя почти не помню.
Я тебя уже не знаю.

Будто по лицу ладонью,
Память прошлого стираю.
И, встречая день с востока,
Устремляюсь к новой роли.
Я теперь уже далёко
От любви моей
И боли.
Я теперь другого склада.
Я – не голый,
Я – в одежде.
Мне уже того не надо,
Что во мне кипело прежде.
Но бывает – не слукавить,
Сам себе могу ответить –
Боже, дай мне всё исправить,
Боже, дай её мне встретить.

* * *

Прожить в любви остаток редких дней,
Принявши к жизни светлое причастье.
От заморозков слаще и нежней
Багряных зорь рябиновое счастье.

Посудина небес наклонена,
И льётся нескончаемая радость,
Воздушного осеннего вина,
Закрыв глаза, вкусите лёгкий градус.

Навек, что было, – поросло быльём,
Как самых дорогих, возлюбим ближних,
И мы с тобой, мой друг, ещё споём,
Вальсируя на танцплощадке жизни!

* * *

Вы в какой задержались таверне,
О друзья моих искренних лет?
Лишь кукушка за крашеной дверкой
Мне невнятно кукует в ответ!

Было так хорошо на пирушке
Слышать песен весёлый задор!
За шипучей и вспененной кружкой
Ни о чём завести разговор.

В синеватой прокуренной зыбке,
В пылком хаосе яростных слов,
Принимать старой дружбы улыбки
И внимать хрипотце голосов.

На заре замечать с удивленьем,
Что светильник червлёный потух,
Вдалеке в полусонном селенье
Кукарекает звонкий петух.

Где вы? Где, мои милые лица?
По каким разбрелись берегам?
На часах заржавевшая птица
Бездыханной свалилась к ногам.

* * *

В душе, надеясь, верую. Ведь ибо,
Кто верует, тот навсегда блажен!
Не предрекай мне скорую погибель
На самом интересном вираже.

Не говори, когда простое счастье
Мне греет грудь сияющим лучом,
О том, что разорвёт меня на части
Крутое и жестокое волчье.

Не говори, что, бесконечно каюсь,
Кромешный пламень языком лизну.
Не забывай, ведь я живой покамест,
И кто мою измерил крутизну?

РЫБАК

Кто я? Только рыбак терпеливый,
Разгоняющий шёпотом сон,
Где глядят горемычные ивы
С тайным умыслом в чёрный затон.

Стражник песенный карпов и линей,
В тишине каждый всплеск стерегу,
Оригами кувшинок и лилий
Чуть дрожат на блестящем лугу.

Обвевает полночной прохладой
Опахало восточных ветров.
Ничего мне от жизни не надо –
Только б слушать мелодию строф.

И, смотав паутинную леску,
Понести свой улов на губах.
Я – весёлый и нежный повеса
И фартовый невежа-рыбак.

* * *

Умолк скороговорчивый камин,
Отшелестело пламенное знамя.
Мы неумело от себя таим,
О чём молчим простуженными днями.

Не зябни, милая. Горячий шоколад,
На плечи пух – дыханье Оренбурга.
Глядим в окно. Там месяц смотрит в сад,
И дымно дышит печками округа.

Не поскребётся старожилка-мышь,
И сводит скулы свет лимонно-горький.
А на дворе не наш с тобой малыш
Несёт ледянки на чужие горки.

* * *

Небо изморось гадкую сеет.
До свиданья, мой ласковый друг!
Мне дорога на ягельный север,
А тебе на каштановый юг.

За сапфировой, снежной прохладой
Лёгкой тройкой года пробегут.
На ветру мне последней наградой
Поцелуй аметистовых губ.

Там, на росстанях лютого края,
За грядю голубых облаков
Увлечёт меня звонкая стая
Серебристых и лёгких волков.

Обожгусь, остужусь, омертвею
Я на лунной, чужой стороне.
Что нашепчет тебе, что навеет
Ветерок на приливной волне?

* * *

Мы с тобой стали часто встречаться,
Свиты узами страстной мечты.
Синих глаз твоих звёзды лучатся.
О, какая беспечная ты!

Для тебя наше терпкое время –
В шоколадной обёртке печаль.
Не коснулось души твоей бремя,
Где до боли чего-нибудь жаль.

Ни слеза, ни тоска не проглянет,
И бровей не изменишь излом.
Словно бабочка ты, на поляне
Многоцветным играешь крылом.

Бубенцом заливаясь, хохочешь,
Когда я безнадёжно больным
Ухожу в соловьиную полночь
Умирать за огарком свечным.

* * *

Любовью дышать, говорить,
Живую отбрасывать тень...
На маковых крыльях зари
Взлетает серебряный день.

Сияет цветочный фитиль,
И воздуха сладкий наркоз,
Изрезанный на конфетти
От бритвочек острых стрекоз.

Шумит огневой небосвод –
От добрых и долгих молитв
Дожди семицветные льёт
На тёплое брюхо земли.

Не плакаться, не уставать,
Любовью дышать, говорить...
Распахнуты в тёмную гладь
Вечерние крылья зари.

Она непременно родит
Звезду кумачовую в срок:
Сомнамбулой странной бродить
В фарватерах лунных дорог.

Следить на покосном лугу,
Как небо играет в войну,
И в сонно шуршащем стогу
Соломинкой пить тишину.

* * *

Старина, не спеши, дай мне руку,
Ты почувствуй – моя холодеет.
Я тащу свою смертную муку,
Но пока что собою владею.

Погляди на закат. Круг багровый
В синей влаге небес угасает.
Божий день непреложно и ровно
Вслед по капельке медленно тает.

У меня не поехала «крыша»,
И болезнью не тронуло ум мне,
Я теперь будто музыку слышу
В каждом шелесте, шорохе, шуме.

Помирился со всеми вчистую,
Нет долгов. Только совесть всё гложет.
До свиданья. Возьми четвертную,
За меня с кем-то выпьешь, быть может.

* * *

Звездой томится летний вечер,
В тумане скрылся травный лог.
Накинув свой пиджак на плечи,
Один я вышел за порог.

Приятно в сумрачной прохладе
Мне взгляды скромные бросать
Туда, где божеской отрадой
Заря струится в небесах.

Бреду тропинкой чуть приметной,
В себя ушедший ото всех,
А вдалеке такой приветный,
Как лёгкий звон, девичий смех.

Куда иду? Я сам не знаю.
Как получилось? Чудно мне –
Пришёл туда, где, свечкой тая,
Мерцает свет в твоём окне.

Сергей Васильев

рассказы

ЛЕДИ С ТОПОРОМ

Дата этого случая зафиксирована в истории нашей семьи историческими фактами.

18 августа 1991 года, прекрасный, пока ещё летний день. В 35–40 метрах от трассы Томск – Новосибирск, в деревне Чёрная Речка, стоял новый, построенный нами, двухквартирный дом. Особенность дома была в том, что он был украшен витиеватой деревянной резьбой. Покрытые морилкой и свежей олифой кедровые узоры привлекали взгляды всех проходивших и проезжающих по улице Тракторной людей. Именно деревянная резьба привлекла внимание проезжавших по трассе туристов...

Итак, 18 августа 1991 года. Мы с женой Зоей и трёхлетним сыном Антошкой «рубили» баню. Перед нашим новым домом была полянка, на которой и стоял начатый несколькими днями назад осиновый сруб будущей бани. А точнее, почти четыре ряда свежих осиновых брёвен были уложены по всей науке плотницкого искусства, которому я был обучен моим отцом с детства. Оставалось положить последнее бревно в тот самый четвёртый ряд. Я безнадежно дёргал стартер бензопилы «Дружба», пила в этот день дружить со мной отказывалась – не заводилась. Жена топором снимала кору с брёвен, то есть шкурила брёвна для следующего, пятого ряда. Антошка был занят управлением вымышленным летательным аппаратом: он нашёл кусок коры полукруглой формы и крутил воображаемый штурвал. И в этот самый момент на дороге перед нашим домом останавливается огромный красный автобус. Я не знаю, проезжал ли за всю историю существования Чёрной Речки (а деревня моложе Томска всего на несколько лет) по её улицам этот шедевр соцлагеря, венгерское чудо – туристический «Икарус». Но если и проезжал когда-либо, это уже было событием, а тут он, «ИКАРУС», остановился около нашего дома, и из него стали выходить люди, одетые явно не «по-нашему». И мало того, у некоторых на ладони были ремешками пристёгнуты какие-то приборы, которые они держали у самых глаз. Люди были явно не советские!

Я ногой отодвинул от себя недружелюбную «Дружбу», жена замерла с топором, стоя среди осиновых брёвен, сын перестал рулить. «Пришельцев» оказалось тридцать человек, говорили не по-нашему. Они направляли на нас свои замысловатые «приборчики на ладошках». Впоследствии мы узнаем, что это ВИДЕОКАМЕРЫ. Чёрная Речка – деревня татарская, и незваный гость здесь имеет определённый народным фольклором ста-

тус. Но среди этих нерусскоговорящих я увидел своего товарища по комсомолу Серёгу Пивеня, он возглавлял областное туристическое агентство. Серёга удивился не меньше моего, когда увидел меня на этой «комсомольской» стройке.

Оказывается, он сопровождал туристов из Великобритании, и возвращались они из Курлека в Томск. Когда увидели около трассы резной дом, попросили Серёгу подъехать, чтобы посмотреть на русское деревянное творчество вблизи. Он не знал, что это мой дом, но случай есть случай.

Жена учила в школе и университете немецкий язык, я учил английский, но этого хватило только чтобы поздороваться с гостями. Весь мой английский запас из 600 примерно слов, заметался в моей голове, но никак не мог найти себе применение. Англичане через переводчика стали спрашивать у нас: кто мы по профессии? Я ответил, что учитель, а жена юрист.

– Это ваше хобби – строить дома?

– Нет, мы строим свой дом.

– А почему леди с топором, где ваши строители? Или это ваш загородный дом?

– Нет, дом наш единственный, а леди помогает мне строить. Мы делаем всё сами. Даже наш маленький Антошка. Ему завтра исполнится три года.

Представители Коварного Альбиона попросили показать им наш дом. Они восхищались деревянной резьбой, и когда узнали, что это сделал я, учитель физкультуры, я увидел в их глазах ещё больший восторг. Мы пригласили их пройти вовнутрь. Там, в пустых пока ещё комнатах, стояли диван, комод и гордость советской электроники – цветной телевизор «Садко»! У него не было переключателя каналов «от плоскогубцев», а были восемь кнопок с подсветкой! Но интерес заморских гостей «завис» около русской печки. Они спросили разрешения, (и, конечно, получили его) сфотографироваться у печки, держа в руках железную кочергу, которую мне отковал наш кузнец в совхозном гараже. Фотосессия (этого слова я тогда ещё не знал) продолжалась поочерёдно, пока каждый не зафиксировал себя в нашем русском доме на фоне нашей русской (!) печки. На телевизор они даже не взглянули...

Когда мы с гостями вышли на улицу, то увидели нашего сына сидящим на бревне. Вокруг валялись десятки фантиков от конфет и жевательных резинок, а его рот был полностью набит всеми этими вкусняшками (слово тогда ещё тоже неизвестное). Англичане хорошо расслышали мои слова про завтрашний день рождения сына, и пока мы были заняты экскурсией по дому они угощали его всеми этими сладостями. А так как ему никто не мешал, он решил съесть всё и сразу.

Доброжелательная обстановка располагала к продолжению общения, и мы были приглашены на ужин с группой английских туристов в самый экзотический томский ресторан «Кедр». Ресторан отличался тем, что располагался за пределами города, среди живописных сосен, на бе-

регу кристально чистой речки Басандайки. Приглашение мы приняли, и ровно в семь часов вечера вместе с Зоей были у ресторана. Опоздать мы не могли – всё-таки приглашены на международный ужин, и наш «Москвич» (в отличие от бензопилы «Дружба») нас не подвёл, хотя ему на тот момент было полных 18 лет. Но оказалось, что ужин под угрозой срыва.

К ресторану, кроме нас, подъехала только одна представительница Туманного Альбиона, это была Энн (по-нашему Аня). Возраст Энн давно перешагнул рубеж 70-летия, но её джинсовый брючный костюм придавал ей спортивный вид, а её не маленький рост и прямая осанка показывали, что мисс Энн достойна комплиментов. Подъехал Сергей Пивень и объяснил причину отсутствия остальных туристов. До приезда в Чёрную Речку их свозили в Курлек. И гостеприимные курлекцы угостили англичан свежей стерлядью и... русской бражкой! То ли мисс Энн чего-то не попробовала из курлекского меню, то ли её организм был готов к посещению русской деревни, но факт, как говорится... она здесь, остальные приедут попозже. Чтобы как-то сократить время ожидания банкета, мы с женой пригласили Энн проехать по окрестностям томского предместья. И свозили её на Синий Утёс, заветное место в те времена для всех томичей, резиденцию нашего government. Не зря всё-таки учил английский в школе и в институте. На экскурсии с Энн переводчика не было. Пришлось вспомнить все forests и riversы. К ресторану вернулись минут через сорок, Энн была довольна увиденным, ничего не могу сказать об услышанном. Но, как могли, общались.

Подъехали и англичане. Вид не у всех был бодрый, но за стол сели все. Гости с удивлением, мы с долей стыда рассматривали сервировку стола. То, что столовый фаянс можно было назвать «сборная СССР», это ещё не так страшно, все тарелки не были похожи одна на другую. Зубья вилок напоминали веточки фруктовых деревьев, они были тоненькие, гнутые и торчали в разные стороны. Мы-то знаем, что вилками открываются пиво и лимонады, но английские гости этого знать не могли, и причина искривления зубьев для них так и осталась тайной. Как и то, почему графины и кувшины с фирменным клюквенным напитком были все с отколотыми краями и абсолютно все разных фасонов и форм.

Сергей Пивень с переводчиком готовы были произнести вступительную речь, но в это время в банкетный зал вошла представительница администрации ресторана, она не вошла, она заполнила всё оставшееся пространство в помещении. Габариты её были очень внушительные, медальон на её груди лежал, он не висел – именно лежал. Она встала за спиной сидящего во главе стола представителя турбюро... и указательным пальцем начала пересчитывать сидящих за столом. Все притихли. И, досчитав до тридцати двух, не поворачивая головы, спросила:

– Банкет заказан на тридцать человек, почему тридцать два?

Серёга поднялся со стула и начал ей шептать, что есть приглашённые

местные жители, и он рассчитывается дополнительно за двоих после банкета. Бдительная работница ресторана сказала:

– Ну ладно, только не забудьте!

Серёга позже мне сказал, что отдал за банкет целых 20 долларов, за всё!

Кроме переводчика в группе хорошо знал русский язык один студент. Он даже просил рассказывать ему русские анекдоты, над которыми искренне смеялся и пытался перевести наш юмор на английский для всех остальных. К концу вечера смеялись все.

Когда прощались после банкета, Серёжа Пивень предложил включить наш дом в туристический маршрут «Современное русское село». Англичане вспомнили, что у нашего сына завтра день рождения, и попросили приехать к ним в гостиницу «Рубин» в Академгородок, они хотят передать ему подарки. Мы пообещали приехать.

На следующий день мы ехали в город по своим делам, и хотели заехать к нашим новым знакомым. Навстречу нам проехал тот самый «Икарус», что вчера возил заграничных гостей. Мне показалось, что впереди сидела переводчик из их группы. Наверное, показалось. По радио в машине передавали классическую музыку и больше ничего. Мы ещё пошутили с женой:

– Неужели опять кто-то умер из руководителей?

Когда мы приехали в гостиницу «Рубин», нам сказали, что англичане срочно уехали в связи с тем, что у нас в стране военный переворот и какое-то ГКЧП.

Было 19 августа 1991 года, день рождения нашего сына.

Когда мы вернулись домой, к нам подошёл наш сосед с пакетом в руке и сказал:

– Вам тут подарки из Англии.

Мы думали, он шутит, но в пакете оказалась модель автомобиля «Ягуар» и ещё что-то из сладкого. Этот красный «Ягуар» несколько лет «жил» среди игрушек сына, и напоминал нам о необычной встрече с обычными англичанами.

А кто-то из соседей позже спрашивал:

– А чё это к вам англичане приезжали? И чё твоя жена на них с топором?

Перед Новым, 1992 годом мы получили из Лондона письмо от переводчицы английской группы туристов с пожеланием всего доброго нам и нашей стране, чтобы не было никаких переворотов и революций. Тогда, в августе, они покинули нашу страну через Дальний Восток, побоявшись лететь на Москву, а потом на свой остров. А ещё в конверте были три фотографии, где на фоне сруба я с бензопилой «Дружба», жена с топором и наш сын Антошка со штурвалом из осинового коры.

А через много лет наш сын Антон, окончив университет, отслужив в армии, в совершенстве владея английским языком, по работе объедет полмира, и в том числе посетит далёкий для нас Лондон.

ОХ, НЕ ВЕРЮ Я В ЭТИ СУЕВЕРИЯ

В советские времена основная масса населения прошла через пионерию, комсомол, а кое-кто и в партию успел вступить. А во всех этих организациях суеверия были чужды сознательным членам общества. Но на всякий случай, практически каждый избегал встречи с «чёрным котом», не смотрелся в «разбитое зеркало», старался «не возвращаться» за забытым дома зонтиком.

И в то же время частенько «сплёвывали через левое плечо», «присаживались перед дальней дорогой», а уж «выпить на посошок» – это ж святое дело!

Побывавшие за рубежом рассказывали, что в «ихних» отелях нет 13-х номеров на этажах, а порой и самих 13-х этажей.

Но никто и никогда не отказался от 13-й зарплаты. Вот такие суеверия.

А ВОТ И Я!

Весна в городе – это необыкновенное состояние, а весна в студенческом Томске, где каждый пятый или шестой житель – студент... Чтобы почувствовать это, нужно провести несколько семестров среди свободных душой, не обременённых домашними заботами, готовыми хоть завтра сдать любой экзамен (только дайте ночь на подготовку), этих беззаботных, весёлых, отчаянных людей. Именно такими мы были в 70-е годы прошлого столетия.

Весна 197... года, а точнее, 8 Марта. В общежитии пединститута, где проживают филологи, биологи, лингвисты, настоящий народный праздник. Весь студенческий народ проходит через вахту с цветами, подарками, закуской, а вот что будут закусывать – это спрятано, замаскировано или занесено в комнаты заранее. В общем, парни из других общежитий, других институтов и университета (а он один в городе – университет) идут поздравлять девчонок с праздником весны и любви. И, конечно, бравые ребята в серых шинелях, с буквой «К» на малиновых и чёрных погонах.

Общежитие спортфака находилось в ста метрах, а именно через заводской стадион от волнующего души парней дома, в котором проживала лучшая и прекрасная половина педагогического института.

Лёха и его трое друзей пересекли заводской стадион по кратчайшей прямой и вошли в «святая святых», охраняемое вахтёршей бабой Шурой, здание послевоенной постройки, с широкими круговыми лестницами, высоченными потолками и огромными окнами. Все четверо были приглашены в гостеприимную комнату биологов. Лёха выдернул из общего букета одну гвоздичку и поздравил бабу Шуру с Международным женским днём. Хозяйка вахты застенчиво улыбнулась, чтобы не показать отсутствие большого количества зубов:

– Смотри, раздаришь всё, девчонкам не достанется.

– Ничего, баб Шур, найдём, что им подарить.

– Только смотрите, сегодня вход до девяти вечера, а в одиннадцать – все на выход.

Парни дружно прошагали на второй этаж. Праздник Весны уже был в разгаре. На всех этажах играла музыка, в комнатах смеялись, пели, закусывали и даже целовались. В коридоре уже появился запах сигаретного дыма. Праздник, это не рабочий день – пролетает быстро.

За окном уже было темно, половина девятого. Лёха и его друзья поняли, что закуски на столе гораздо больше, чем напитков, а до одиннадцати ещё времени много. Один из друзей ходил в эту комнату уже в статусе жениха, две пары только начинали дружить, у Лёхи на этот вечер была полная неопределённость. И он вызвался сбегать в своё общежитие за «добавошным пайком», там оставались две бутылки вина.

Лёха оделся, и пошёл по кратчайшему пути. Вроде и спешить некуда, но и вечер-то проходит. Он пришёл в свою комнату, взял вино, а когда пошёл обратно, понял, что две по 0,7 в карманах нести неудобно и видно. Баба Шура хоть человек свой, но как вахтёр очень строгая, может не пропустить. Лёха вернулся, переоделся в другую куртку с тугим поясом, положил бутылки за пазуху. И руки свободны, и не видно поклажи. Довольный побежал обратно.

На крыльце соседнего общежития Лёха увидел возмущённых парней. Они сказали, что в общагу уже не пускают, хотя ещё без пяти девять. На вахте спорить бесполезно – это Лёха уяснил за три года учёбы. Минут через двадцать опоздавший народ разошёлся восвояси, но у Лёхи-то там друзья и какая-никакая перспектива на вечер. Он заглянул через стеклянную дверь внутрь, баба Шура сидела за перегородкой вахты, перед ней на столе в молочной бутылке стояла красная гвоздичка, подаренная Лёхой. Просто так не проскочить, баба Шура его узнает, и тогда разгонят всю компанию раньше времени. И тут Лёха увидел перед входом пожарный щит, на нём конусное красное пожарное ведро, а ещё Лёха вспомнил, что переодел куртку, и баба Шура его в этой одежде не видела. Он нахлобучил ведро на голову и, резко распахнув входную дверь, пробежал мимо вахты на лестницу и рванул на второй этаж. Коридор был длинный, а в конце его знакомый до боли голос коменданта общежития кого-то отчитывал за курение. Лёха, не снимая ведра с головы, ткнулся в первую попавшуюся дверь, и она открылась. Он заскочил в комнату, там было темно. Лёха наощупь нашёл на двери защёлку и закрылся. В коридоре уже слышался голос бабы Шуры:

– На третий он не побежал, он где-то здесь, на втором.

Лёха присел на край кровати, чтобы переждать переполох и потом пройти в «свою» комнату. Глаза уже стали привыкать к темноте, разглядел, что три кровати пустые. И в это время за его спиной девичий голос:

– Кто тут?

– Тихо, я сейчас уйду.

Может, доброжелательный Лёхин голос не вызвал бы у хозяйки ком-

наты тревоги, не раздайся он из-под ведра, которое Лёха до сих пор держал над головой. А она смотрела на силуэт в темноте с огромным конусом вместо головы и готова была закричать. Но в этот момент в дверь начали стучать и требовать открыть. Хозяйка уже начала всхлипывать:

– Меня же выгонят из общежития, уходи!

Лёха влип. Но спортфак просто так не сдаётся! Лёха вытащил бутылки из-под куртки и сунул их под свободную кровать. Прошёл к двери, открыл и выслушал всё о том, как обнаглели эти спортсмены. И, чтобы не обострять ситуацию, быстро выскочил из общежития. Ведро оставил на входе. Но поставленной цели решил добиться. Он обошёл вокруг неприступной крепости, под окнами лежал взъерошенный студенческими лопатами снег, из открытых окон лилась манящая музыка. Лёху осенило – окна открыты! А водосточная труба – это для кандидата в мастера спорта СССР по гимнастике – та же лестница. Он перелез через разрыхлённый сугроб, и через минуту стоял на выступе второго этажа. Цепляясь за архитектурные излишества 50-х годов, Лёха прошёл до открытого окна, встал на оконный проём и со словами:

– А вот и я! – привёл в состояние трезвости не только сидящую спиной к нему студентку биофака, но и целующего её курсанта-медика.

Спрыгивая с подоконника, она сильно толкнула от себя появившееся в оконном проёме чудовище. И Лёха, пролетев все четыре метра послевоенной постройки, удачно приснежился в сугроб. Гимнастические навыки не выветриваются. Лёха успел сделать группировку и упал не на спину. Все присутствующие в комнате кинулись к окну:

– Ты живой? Откуда ты взялся?

Лёха поднялся, отряхнулся, вроде без повреждений.

Со второй попытки в окне наверху его уже ждали гостеприимные руки курсантов-медиков и полстакана за знакомство. Даже предложили остаться с ними в компании. Лёха сказал, что его ждут свои ребята.

А его ждал вопрос:

– Ну ты где пропал, принёс?

– Сейчас принесу, – Лёха снял куртку, выглянул в коридор, оценил обстановку и направился в комнату, где оставил вино.

Весна и лето блеснули как фотовспышка. После сессии и каникул студенты четвёртого курса спортфака, нарядные, с гитарой и баяном, «выкупили» невесту из соседнего общежития и укатали в загс. На вахте у бабы Шуры стояло целое пожарное ведро осенних сибирских цветов.

А Лёха с женой каждое 8 Марта вспоминают, как он ввалился в её комнату с пожарным ведром на голове.

А ГДЕ ЖЕ ПУЛЯ?

В книге Владимира Миронера «Воспоминания томского сыщика» я прочитал о раскрытии тяжкого преступления:

«Шла весна 1985 года. Житель посёлка Дзержинского, что в 10 кило-

метрах от Томска, задержался у друзей и опоздал на рейсовый автобус. На остановке «Почта» он поймал такси и поехал в посёлок. По пути в машину подсаели мужчина и женщина, которым нужно было ехать в Тимирязево. Когда приехали в посёлок, между пассажиром и водителем вспыхнула ссора, так как клиент решил не оплачивать проезд. Водитель на повышенных тонах продолжал требовать расчёт. Тогда пассажир неожиданно выхватил из-под куртки обрез и, выстрелив в водителя, скрылся...

...на место преступления выехали работники уголовного розыска: Сергей Думчев и Геннадий Исайкин. Путём опроса свидетелей, а преступление было совершено в светлое время суток, и показаний раненого водителя такси, удалось установить, что мужчина, ехавший в такси, знает стрелявшего, более того, его родственник, пояснив, что стрелявший в таксиста Борисов, ранее неоднократно судимый, проживает в Томске по улице Лазо. Уже поздно вечером С. Думчев и Г. Исайкин выехали по указанному адресу. Квартира, в которой жил Борисов, – малосемейка. Чтобы проникнуть в неё, не вызывая подозрений, пригласили на помощь соседа Борисова. Уразумев, что вместе с соседом к нему зашли и работники милиции, Борисов пытался выстрелить в С. Думчева, но тот опередил, ранив преступника в ногу из табельного пистолета. Как позже установило следствие, обрез был заряжен».

Я, оперуполномоченный уголовного розыска, получил задание от начальника УГРО – отправиться в медсанчасть № 2 г. Томска и обеспечить охрану раненого особо опасного преступника. Находиться рядом с ним неотлучно! По прибытии в больницу я сменил сотрудника милиции, находившегося рядом с санитарной «каталкой», на которой лежал мужчина средних лет.

Я помогал санитару доставлять раненого в кабинет рентгена, вдвоём мы переложили его на стол и потом снова на каталку (после проведённых рентгенологом процедур). Из рентгенкабинета мы повезли подопечного в операционную. Там наши действия повторились – только поместили раненого на операционный стол. Санитар предварительно снял с «больного» трусы, бросил их на каталку вместе с простынёй, и мы выкатили каталку в коридор. Пока идёт операция по извлечению пули, мы решили перекурить в ближайшем туалете. Санитар мне рассказал, что пуля вошла рядом с анальным отверстием (а не в ногу, как в книге Миронера В. М., но полковник мог не знать этих подробностей). Да это уже было для начальства и не важно. Главное: преступление раскрыто, преступник задержан.

Только мы вернулись с перекура к операционной, оттуда вышел хирург и начал трясти простыню и трусы раненого. На пол упала пистолетная пуля калибра 5,45 мм (на вооружение милиции накануне поступили пистолеты ПСМ такого калибра). Убойная сила калибра 5,45 была гораздо меньше, чем 9 мм. Пуля имела способность «кувыркаться» в мышечной массе. Так и произошло в этом случае, это уже рассказал хирург: когда делали рентгеновский снимок, пуля лежала в трусах. А когда хирург начал

искать пулю в ягодице раненого, он её не обнаружил. Оказывается, пуля вошла в мягкую ткань на 4–5 см, «кувыркнулась» и в процессе транспортировки раненого выпала в трусы.

Ещё пару часов после «операции по извлечению пули» я находился рядом с особо опасным, водил его в туалет, вместе с ним курил до приезда следователя прокуратуры и сотрудников конвойного взвода. А сам раненый уже пошучивал: «Надо же, жопу разворотила и выпала!».

Это была весна 1985 года.

БУКВА «Z»

За спиной я услышал:

– Тебе обязательно нужно клеить эту букву «Z» на стекло своей машины? Привязывать георгиевскую ленточку на зеркало? А если найдётся поддон, который бросит кирпичом в твою машину?

– Да, может быть, такой найдётся. Может быть... Но если я буду бояться приклеить букву «Z» и носить на груди георгиевскую ленту, вставить в строй «Бессмертного полка»... То этот поддон с кирпичом обязательно найдётся. И тогда нас – может не быть!

Мой односельчанин, ему 40 с небольшим лет, двое детей, любимая, любящая жена, никогда не служил в армии. Уехал в рейс (он дальнобойщик), а через две недели сообщил любимой жене, что в Чечне прошёл подготовку и уходит освобождать Донбасс от бандеровцев. Провёл три месяца на передовой, вернулся здоровым и невредимым. А сейчас переписывается со своими однополчанами, чтобы поехать снова туда, в самое пекло. Добивать тех самых подонков, которые сначала били стёкла кирпичами, потом ходили с факелами и свастиками под флагом Бандеры, потом получили от заокеанских «друзей» оружие. И стали убивать тех, кто не побоялся носить георгиевскую ленточку, не побоялся говорить на запрещённом русском языке. И наш деревенский парень, татарин, поехал туда, чтобы встать рядом с защитниками Донбасса, с защитниками всего русского, защитниками России!

А кто-то действительно боится наклеить букву «Z», надеть георгиевскую ленточку, спеть патриотическую песню, встать при исполнении Гимна России. Как же мы будем смотреть в глаза тем, кто пошёл бить бандеровскую сволочь, мстить за сожжённых в Одессе, за Аллею Ангелов, за краснодонцев, за всех, кто уже никогда не улыбнётся своим родным, как это делали Александр Захарченко, Гиви, Моторолла, Наиль Гариффулин.

Всего лишь какая-то буква, небольшая полосатая ленточка, и это за тысячи километров от линии фронта. От линии, которая могла пройти через Урал, Сибирь, Байкал, но не пройдёт! Никогда не пройдёт! Пока есть такие люди, как десятки моих односельчан, которые с комком в горле смотрят на букву «Z» и слушают марш «Прощание славянки»!

И они снова там, на фронте, с георгиевской лентой на груди и с безграничной любовью к своим родным и России! (25.09.22).

Р. С. Лето 2025 года, мой односельчанин-фронтовик Равиль Зульбухаров снова отправлялся в свою воинскую часть после тяжёлого ранения, полученного во время третьего контракта, и долгого лечения в госпиталях. Я пожелал ему здоровья и удачи!

...По дороге проезжали наши «деревенские» машины, у кого-то под лобовым стеклом ярко выделялась георгиевская лента, у других на кузове была буква «Z», кто-то написал на своей машине «За нашу Победу!».

По улице шли наши деревенские женщины в «штаб СВО», так они называют комнату, где ежедневно плетут маскировочные сети. Значит, подходит пять часов вечера, шла вторая смена на свою «фронтовую» вахту.

А через два часа я выйду на сцену в футболке с буквой «Z» на груди и георгиевской лентой на грифе моей гитары.

Да, это то немногое, но очень важное для нашей Победы! Которую мы обязательно будем праздновать вместе с нашими фронтовиками-односельчанами, татарами, русскими, немцами. С теми, кто, не жалея своей жизни, бьёт врага, за тех, кто их любит и ждёт, и за тех, кто «стесняется» буквы «Z».

В РОДНОМ ГОРОДЕ

2023 год, апрель. Прекрасный солнечный день сочетается с моим настроением: мы с женой едем в мой родной город, который я оставил 47 лет назад. Уехал учиться в институт и больше не вернулся. Да, я приезжаю туда один-два раза в год. Но сегодня, сегодня я еду на творческий вечер, свой творческий вечер! Предстоит встреча с читателями в центральной библиотеке города. В городской печати есть объявление о предстоящем моём выступлении. Я позвонил своим родственникам, друзьям, пригласил их на эту встречу. Уже 12 лет выходят книжки с моими стихами, которые печатаются в поэтических сборниках в Томске, Кемерове, Москве, и вышло уже больше десяти книг.

Машина легко катится по отлично сработанному асфальту. Разве раньше кто-нибудь мог представить себе, что дорога из областного центра до моего городка будет такого качества. Были бы живы мои родные, они тоже порадовались бы сейчас, увидев, как меняется всё вокруг. А как бы они радовались, что «в наш город приезжает поэт и исполнитель своих песен», (так указано в объявлении). И этот самый поэт – их сын и брат!

Воспоминания о родных, которых уже давно нет рядом со мной, отвлекли меня настолько, что я не заметил, как проехал большую часть пути. Даже волнение, всегда присутствующее перед выступлениями, немного развеялось. Мы въехали в город, город моего детства, о котором я написал в стихотворении:

*Городок не настолько
прекрасен,
Чтоб ему дифирамбы петь.*

*Но это моё, любимое Асино,
И родней мне уже не иметь!*

Весеннее солнце, остатки тающего на газонах снега, лужи на асфальте с отражением голубого неба – всё это создавало в моей душе настроение праздника, торжества. Приняли нас очень тепло, на встречу пришли мои одноклассники, друзья, родня, была моя учительница. Это был настоящий праздник, из которого не хотелось выходить! Жалко, что этого не видят мои папа, мама, брат и сестра.

Я выходил из библиотеки с цветами, подарками и выпрыгивающим из груди сердцем!

Рядом с библиотекой, как и во времена моего детства, стоит всё та же гостиница. Я вспомнил, как лет сорок назад, мне было лет 25, приехал из Томска в составе команды на футбольный турнир. И жили мы в этой гостинице три дня. После каждого отыгранного дня садились за стол, выпивали, вели разговоры до полуночи. В команде всегда весело и время не проходит – оно пролетает. Пролетели и эти три дня, и я за пару часов до отъезда заглянул домой. Мой дом был в пяти остановках от центра города. Я вошёл в дом, мама обрадовалась, сказала, что сейчас соберёт на стол. Спросила, что же я не предупредил, что приеду.

– Мам, да не собирай ничего, нас только недавно покормили в ресторане. Мы три дня уже здесь играем в футбол, турнир выиграли, через час едем обратно в Томск, – бодро ответил я, зная, что мама всегда рада моим спортивным победам.

– Как три дня? Ты здесь уже три дня, и не нашёл времени прийти домой?

– Мам, да я же с командой... – как-то нелепо попытался я оправдаться.

Мама замолчала и стала собирать в сумку продукты для моей семьи, давно приготовленные гостинцы для внучки...

...А мне теперь кажется, что через сорок лет – я увидел слёзы на глазах мамы.

Мы ехали домой с моего творческого вечера, на котором, к сожалению, не было моих самых близких людей: папы, мамы, сестры и брата. Их уже давно нет, людей, о которых я всё чаще вспоминаю с годами. И всё сильнее люблю!

ГРОБ С ДЫРКАМИ

– Если ты, сволочь, не прекратишь жрать водку вёдрами, я тебя сама живьём закопаю, – слова жены звучали как приговор.

– Да ладно тебе, я же работаю, не только выпиваю, – пробурчал Лёха.

– Он вы-пи-ва-ет! За последние два месяца три дня был трезвый.

Лёха выждал момент, когда жена вышла из кухни в спальню, и одним движением, проскочив через прихожую, оказался во дворе. Мужики уже ждали около дома, но покидать «Жигули» и зайти к Лёхе в

дом не решались. Они пережили похожую ситуацию, полчаса назад – каждый.

Стоял тёплый, сухой август 1977-го. Три друга: Лёха, Женька и Борька, пережив домашнюю воспитательную беседу на тему: «Сколько можно пить?», наслаждаясь свободой, ехали за город, в деревню, завершать начатую три недели назад работу под сладким названием «шабашка». Сегодня директор совхоза подпишет акт приёмки работ, и прораб собственноручно принесёт завёрнутые в газетку заветные ТРИ ТЫСЯЧИ рублей. По ТЫСЯЧЕ каждому! И те самые жёны, которые ещё утром не хотели их видеть, с таким вожделением вечером возьмут заработанные мужиками-пьяницами деньги... Потому что тысяча за три недели – это гораздо больше, чем 200 за месяц.

Вообще-то пьяницы-мужья на своей основной работе были: Алексеем Георгиевичем – главным инженером, Евгением Викторовичем – начальником отдела КИПиА (контрольно-измерительных приборов и аппаратуры) и Борисом Егоровичем – бригадиром сварщиков. Во всём районе их знали как мужиков «рукастых» и надёжных в плане работы. Сделают аккуратно и в срок.

Поэтому «калымы» или «шабашки» (что одно и то же) у них были всегда. И выполнялись эти работы по вечерам или в отпускное время.

...В этот раз все были в отпусках. И всё шло по плану. «Калым» завершён, деньги получены и поделены. Осталось обмыть, и по домам. У Евгения Викторовича (среди друзей «Жеки») жена уехала к родителям. Закупив всё необходимое для мужского разговора, приехали домой к Жеке. Борька жил рядом, и машину не пришлось куда-то отгонять – оставили под окном. Она сегодня уже не пригодится.

Выпили и поговорили на славу! За окном темно, автобусы уже не ходят. Борька пошёл домой, благо рядом, а Жека предложил Лёхе остаться ночевать у него. Во-первых, далеко, во-вторых – рулить уже некому, а в-третьих – с такими деньгами в ночь...

– Вот, весь зал и диван в твоём распоряжении, ложись, спи.

Сам Женька ушёл в свою спальню. От Лёхиного храпа посуда в шкафу побрякивала.

Хозяин начинал засыпать, но зазвонил телефон, в трубке голос Лёхиной жены: – Мой ещё говорить может или уже?

– ...Или уже!

– Женька, ты его никуда не отпускай, пусть у тебя до утра поспит. Деньги-то получили?

– Конечно! Да всё нормально будет, не волнуйся.

...Лёха проснулся от сильнейшего желания «в туалет». Начал подниматься... но головой упёрся во что-то, по звуку – деревянное. Попробовал перевернуться на бок – не получается. По бокам тоже простор ограничен. Пошевелил ногами – стучаются обо что-то деревянное. Лёху бросило в такой пот, что, кажется, всё скопившееся внизу живота выступило на лоб.

– Точно, закопала. Живым похоронила, вот сволочь!

– «Наверное, снится», – успокоил себя Лёха, и для верности потрогал руками глаза, но с ужасом понял, что они открыты. Он начал обшаривать пространство вокруг себя в полнейшей темноте. По бокам и сверху всё было из дерева, а прямо над головой Лёхины пальцы нащупали отверстия с трёхкопеечную монету.

– Всё! Точно, закопали! А дырки-то сделали, значит, знали, что живого хоронят.

Темнота и ограниченность пространства привели Лёху в такой ужас, что он забыл, зачем проснулся. Ему хотелось только одного – очень хотелось жить!

– Если бы выбраться, никогда больше не выпью. Но её зашибу точно! – шептали пересохшие Лёхины губы.

Из последних сил «покойный» начал ворочаться в своей «домовине». О! Правая нога оказалась на свободе, он ей мог двигать в сторону и вверх. Ага! И левая высвободилась. У Лёхи появилась надежда, он сделал движение в сторону ног... и его плечи почувствовали пространство. Уже ничего не мешало ему перекатиться в сторону.

– Значит, это не гроб! – у Лёхи от счастья навернулись слёзы. – Ну, точно, я спал, а вот только теперь проснулся.

И тут всё «мочевое» напряжение из головы вернулось на своё место. Лёха решил побыстрее встать, и привычным движением откинул левую ногу в сторону края дивана, но сильно ударился коленкой об стену, уже не деревянную.

И тут его осенило: «Я во сне развернулся наоборот, вставать надо в другую сторону». Он сделал движение вправо... но края дивана не было. Лёха судорожно начал руками и ногами искать край дивана. Ничего нет. «Почему такой огромный диван, где края?»

Он вспомнил: «Это не мой диван, я же у Жеки остался!». От радости у Лёхи чуть не потекло, но край дивана он найти не мог.

«Ладно, не похоронили, но я что, с ума сошёл?» – терпеть уже не было сил. И Лёха заорал: – Жека-а, включи свет, а то я обоссусь!

Совсем не сразу, но Жека спросонья и во хмелю сообразил, что у Лёхи в зале что-то случилось. Когда он включил свет, Лёха лазил по огромному паласу, и руками и ногами искал край дивана, с которого он свалился ещё во сне. Честь и мочевого пузырь Лёхи были спасены!

...Когда Лёха вышел из туалета, Евгений уже сидел за столом на кухне, в стаканах было налито, на часах стрелки показывали ровно два часа ночи. Выпили. «Воскресший» рассказал приснившийся и не приснившийся ужас. Потом поднялся из-за стола и пошёл в зал, Жека за ним. Лёха внимательно осматривал комнату, потом зачем-то встал на четвереньки и пополз к стоявшему рядом со шкафом телевизору на точёных ножках. Заглянул под него и радостно воскликнул:

– Вот они, дырки на днище телевизора! А я думал, что гроб с дырками. Жека, наливай!

ДАТА СЧАСТЬЯ

Мне не нужно лучше, чем сейчас.
Это есть – та самая минута,
мне не нужно лучше, чем сейчас.
Мне не нужно лучшего просить.
Дайте я порадуюсь моменту.
Мне не нужно лучшего просить.
Этот миг с собой не унесёшь.
Его нужно выпить здесь и сразу.
Этот миг с собой не унесёшь.
Поделиться... сожалею, не могу.
Это выпало сейчас и одному –
день весенний, Божья благодать!
Так зачем мне лучшего желать?

8 апреля 2016 года.

Я дописал стихотворение, и по заведённой привычке поставил под текстом дату. Такое можно написать только в лёгкий, солнечный и удачный день. Он таким и был – этот день.

Прошло больше семи лет. Я просматривал список своих стихотворений и песен, чтобы отобрать нужные по теме к предстоящему выступлению в нашем деревенском Доме культуры. ...«Странная наука», «Страна-самоубийца», «Счастье»...

«Счастье» – мне запомнился день, когда я его написал.

Я возвращался из города домой, в деревню. Да, это был солнечный, по-настоящему весенний день. Остатки потемневших снежных обочин под ярким, горячим апрельским солнцем стекали на чёрно-серый асфальт и разбивались о колёса пролетающих автомобилей. Всё, всё вокруг радовалось весне: и тающий снег, и парящие над асфальтом машины, уставшие от зимних холодов, и само солнце, которое светило мне в лицо. А на тёмных стёклах солнцезащитных очков уже читалось: «Мне не нужно лучше, чем сейчас...».

Доехав до дома, я сразу сел за стол и записал первую строку подаренного апрельским солнцем настроения. Наверное, через полчаса я дописал стихотворение, и по заведённой привычке поставил под текстом дату.

И вот через семь с лишним лет я точно помню, что в этот день я ехал в прекрасном настроении после общения со знаменитым томским мастером Леонтием Андреевичем Усовым в его мастерской, в которой «...если Чеховых, то – уйма, если Гоголей, то – ряд!...». Но я не мог вспомнить, зачем я в тот день заезжал к Леонтию Андреевичу. А у меня есть привычка не только даты ставить под своими строчками, но и вести ежедневные записи в дневнике (авось сгодится!). И сгодилось. Я открыл дневник за апрель 2016 года.

«08.04.2016 Отвёз Усову Л. А. книги Олега Кислицкого: «Полковнику

никто не спишет», «Избранные насмешины» и Александра Рубана «Разархивируйте меня». Написал стих «Счастье».

За пару недель до этого Леонтий Андреевич выдал мне из личной библиотеки несколько книг, где были ещё: «Это капли дождя» Алексея Редчица, «Поэтический словарь» А. Квятковского, сказав:

– Если хочешь научиться писать – читай вот это.

Сегодня я перечитывал своё стихотворение про счастье и вспоминал одну из многих встреч с интереснейшим человеком и тот солнечный, весенний день, который подарил мне радость от жизни! Я не знаю, насколько этот стих соответствует поэтическим параметрам, и вообще имеет ли он отношение к поэзии, но он мне дорог как память о счастливом весеннем мгновении. Таких дней радости, благодати, конечно, много в нашей жизни, но мы их не всегда замечаем, а тем более запоминаем надолго. А семь лет назад, восьмого апреля, я возвращался домой под лучами звезды с названием – Весеннее Солнце, которое подарил мне замечательный день...

...день весенний, Божья благодать!

Так зачем мне лучшего желать?

КАБИНЕТ В РАЗРЕЗЕ

Два Юрия Петровича знали друг друга с такого раннего детства, когда ещё ни слова не могли говорить. Дома, в которых они росли, стояли напротив, на одной из улочек заводского посёлка на окраине маленького сибирского городка. Расставались они за всю жизнь пару раз – когда уходили служить в армию. А первые полтора десятка лет всё у них было вместе: учёба в одной школе, футбол, лыжи, лапта, рыбалка... и беззаботное советское детство. Было дело, и ссорились, и дрались, но дружба – она потому и крепнет с годами, что проходит «огни и воды».

Когда отслужили и вернулись домой в 1971 году, на местном лесозаводе появился новый цех по производству древесно-волоконистых плит – «ДВП». Оборудование самое современное, импортное, из Польши и Швеции. Весь производственный процесс автоматизирован. По сути – завод в заводе. Народ шутил в то время: «Автоматика: кнопку нажал – лопата выскочила».

И, конечно, друзья пошли работать в новый цех. Один стал слесарем по наладке оборудования, а другой механиком, т. к. имел диплом техникума.

Шли годы. Многие друзья переделали на заводе. Польское оборудование оказалось слабо пригодное для круглосуточной многолетней эксплуатации, шведское понадежнее. На одних только рационализаторских предложениях технически грамотные работники почти удваивали свою зарплату.

Завод работал, выдавал продукцию, работники набирались опыта. Один Юра оставался слесарем, другой Юра стал начальником цеха ДВП. Но дружба, проверенная временем и декалитрами спиртных напитков,

возвращала их в то самое детство, и были они друг другу – два Юрки, или теперь уже Петровичи.

И вот в один по-настоящему прекрасный, солнечный летний день два Петровича решили оставить ненадолго производство. Решили-то ещё с утра, и, не дожидаясь обеденного перерыва, удалились на берег реки. Километрах в двух от завода протекала речка с удивительными гостеприимными берегами. А друзья здесь выросли и знали каждый уютный уголок во всей округе. При наличии хорошей закуски три-четыре часа на берегу, с детства знакомом до каждой травинки, пролетели очень быстро и незаметно.

Солнце уже начинало прогревать западную сторону кирпично-бетонной стены цеха, когда громыхнул жуткий взрыв. Все работники выскочили из корпуса на улицу и побежали в сторону предполагаемого места происшествия. На месте двухэтажной кирпичной пристройки было красно-серое облако пыли, огромная груда кирпича и обломков мебели. На основной стене цеха, на уровне второго этажа была дверь в кабинет начальника. Сам кабинет отсутствовал, рядом с дверью болтались рамки с технологическими чертежами и вешалка для одежды. На место взрыва прибыли все аварийные службы и прибежали практически все работники соседних цехов лесопромышленного комбината во главе с генеральным директором и главным инженером. Как положено в таких ситуациях, была сделана перекличка по табелю рабочего дня. Не откликнулись двое, два Юрия Петровича, слесарь и начальник.

Службы приступили к разбору завала. Генеральному директору доложили причину ЧП. Произошёл взрыв аккумулятора Рутса (металлическая ёмкость более трёх метров высотой для накопления пара под высоким давлением), который находился на первом этаже, под кабинетом начальника цеха. Все искали среди обломков следы присутствия начальника цеха и слесаря. Перед взрывом в цехе их никто не видел. Генеральный приказал главному инженеру срочно собрать всех главных специалистов на срочное совещание. В случае трагического исхода каждый из них понесёт суровое наказание. И в это время за спиной генерального директора раздался голос начальника цеха ДВП:

– Юра, я первый раз вижу свой кабинет в разрезе.

Эти слова прозвучали сильнее, чем сам взрыв. Все разом обернулись и увидели двоих Юриев Петровичей – оба еле стояли на ногах.

Генеральный, не стесняясь слёз, кинулся к ним, обнял обоих:

– Живы, слава богу! – а через пару секунд: – Ну, суки, я вас убью! Уведите их домой, завтра разберёмся.

Все остались на своих должностях. Из объяснительных записок начальника цеха и слесаря стало известно, что на аккумуляторе Рутса, в котором накапливается водяной пар, установлен клапан для сброса давления. А так как «клапан срабатывал на малых уровнях, происходил сброс давления и не достигалось необходимого производственного параметра», кто-то когда-то заварил электросваркой этот самый клапан. Так

и работали, пока не произошло критическое повышение давления пара. И не только начальник цеха, но все остальные увидели его рабочее место в разрезе.

ДВЕРЬ В ПРОШЛОЕ

В декабре 2012 года мы с женой зашли в магазин в районном центре. Рядом были магазины, одетые в современные баннеры, с иллюминацией, с модными пластиковыми дверями и окнами. Но мы почему-то зашли именно в этот, выдавший виды старый «сельмаг».

Не крашеный последних лет двадцать, разошедший пол. Он усох настолько, что можно просунуть ладонь между половицами. И, глядя в эти щели, видишь землю, на которой этот пол уже лежит. Половицы моются регулярно и добросовестно. Но, согласно своему возрасту и учитывая, сколько здесь побывало подошв и каблуков за последние лет пятьдесят, каждая отдельная доска представляет из себя округлое подобие горбылька – края отсутствуют. Старая, когда-то модная отделка потолка – квадратиками ДВП. Не меняные со дня постройки оконные и дверные блоки. На «родных» ещё дверях кованые накладки для навесных замков.

Крыльцо отсутствует по причине того, что пол внутри здания и асфальт на улице – находятся на одном уровне. Настолько всё здание просело в землю. На оконных стёклах многолетние слои пластилина, истребавшегося от солнца и времени. Отсутствуют привычные для таких домов большие круглые печи, окованные жёстью и крашеные краской-«серебрянкой». Это единственный штрих цивилизации во всей картине остановившегося времени. Когда-то сюда провели водяное отопление! Выключатели и розетки имеют отлитый с рождения штамп, цена ... копеек. Лампочки ввёрнуты в патроны тех же лет выпуска.

И всё пространство от пола до потолка завешано одеждой, бельём, игрушками и прочей утварью китайского производства. Продавцы-односельчанки готовят обед на кухонном столе 196... года изготовления.

Мне очень запал в душу этот дряхлый изглоданный обувью, шваброй и временем деревянный пол. Мне сразу вспомнились магазины моего детства, они были точно такими, как этот старый, уважаемый (по возрасту) магазин. Только тогда они (магазины) были моложе, а я маленький...

...Высокие витрины были заставлены пирамидами из консервных банок сгущённого молока, тушёной говядины и свинины, кильки в томатном соусе. Свитые в огромные спирали стопки шоколадных плиток «Аврора», «Сказки Пушкина», «Басни Крылова»... За спиной продавщицы были металлические крюки, на которых висели коляски «Краковской» колбасы и куски мяса. На самом верху стояли ряды бутылок водки «Московская», вермута или портвейна. Рядом с ними могли стоять, по одному сорту, коньяк и «Советское шампанское». Но эти напитки покупались крайне редко, да и моё детское внимание тогда устремлялось на стеклянные ячейки с ирисками, карамельками и, конечно, несравненными

«Масками», «Кара-Кумами», «Метелицами». Завораживали своим видом красивые рифлёные бутылочки с сиропами. Но тогда я ещё не знал, что натуральные сиропы останутся только в моих детских воспоминаниях.

Пока мама или папа выстаивали огромную ежедневную очередь за двумя булками хлеба (качество которого тоже осталось там, в далёком детстве), мы с пацанами и девчонками с соседних улиц носились около магазина. Нас никто не организовывал, но мы успевали устроить для себя развлечение в виде игры в «прятки» или «догоняшки». А когда родители выходили из магазина с плетёной из капроновых ниток сеткой-«авоськой», я старался разглядеть в сетке свёрнутый из коричневой бумаги кулёчек, в нём могли лежать 150–200 граммов конфет. И если кулёчек там присутствовал, начинался «трудный» разговор с мамой: «Где лучше есть конфеты – по дороге или дома?». Заступался в таких случаях за меня папа, чем навлекал на себя привычный гнев мамы. Не за мои конфеты, а за то, что у него за пазухой согревалась заветная (выпрошенная ещё там, в магазине) бутылка «Московской» за 2 рубля 87 копеек. Конфету свою я, конечно, получал, но разговор на «острую тему» у мамы с папой продолжался до самого дома. Зарплата родителей в те времена не превышала ста рублей в месяц. Наверно, потому и стояли на прилавках пирамиды тушёнки, сгущёнки, «спирали» шоколадных плиток...

Когда я вышел из сельского магазина, ещё раз посмотрел на фасад старого здания. По всей видимости, моего ровесника. Оно было украшено по карнизу незатейливой деревянной резьбой, а к резьбе я отношусь с особой теплотой.

Тем более, что резьба эта была над дверью в моё детство.

КАРТОФЕЛЬНОЕ ДЕРЕВО

Беда с этими учёными. Это я про своих друзей, сотрудников института, а по совместительству футболистов команды «НАУКА». Когда-то в Томске был, как и положено, один университет, а все остальные высшие заведения назывались институтами. Там и трудились мои друзья по спорту. Но сколько голову ни забивай научными проблемами и ни получай удары по ногам на футбольном поле, наступает весна, а с ней и семейные заботы. А если точнее: посадку картофеля никто не отменял.

Подшефный пригородный совхоз выделял ежегодно поле для посадки картофеля сотрудниками института. Места уже знакомые, процедура разделения поля на участки тоже. Так как автомобиль в команде был только у Аркаши, ему и было поручено «прошвырнуться» с вечера за город, провести рекогносцировку на месте будущей битвы за урожай. Аркаша вышел со встречным предложением:

– Давайте весь посадочный материал загрузим в машину, я пораньше утром проеду на место и оставлю на нашем поле. Пока вы доберётесь на маршрутном автобусе, я успею принять зачёты у студентов и подъеду за вами. Решено!

С вечера приготовили необходимый для посадки картофеля инвентарь: складные стаканчики, нож, сало, хлеб, лук... да и лопату.

Купили водочку, и не одну. Утром вчетвером, строго в установленное время (учёные народ пунктуальный), собрались на Лагерном саду. Поля совхозные видно невооружённым глазом – там, за Томью-рекой... Шутили:

– Только бы Аркашин «запорожец» не подвёл.

Добрались до поля, пошли смотреть таблички:

– Ага, вот они наши! А где же посадочный материал? Неужели Аркаша не доехал?

– Нет, доехал! Вон кучка картошки.

Картошка была на месте, почти на месте, участка на три в стороне от их табличек. И какая-то бабуля набирает картошку в своё ведро.

– Эй, вы это чего делаете? – с присущей учёным вежливостью спросили учёные.

Бабуля подняла голову: к ней бежали четыре мужика с лопатой, утром, среди чистого поля. Бабушка рванула от них так, что даже футбольная подготовка не позволила сократить расстояние. И ведро не бросила, так с ним и исчезла за кустами.

– Она что, и ведра наши спёрла? За пазухой теперь таскать будем на свои деляны? Да и картошки-то гораздо меньше, чем грузили.

Весь романтический настрой на загородный благородный труд пропал одновременно у всех. Рассады хватит только на один участок, не больше.

Палыч, на правах старшего, сказал:

– Наливай! Чего-нибудь придумаем.

Молодая травка, солнышко, выходящее из-за Басандайской горы и успокаивающее течение Томи вернули романтическое настроение учёным мужам. Налили! После третьего розлива на поле показался «уазик» агронома. Агроном подъехал к учёным, присоединился к «столу», долго смеялся над бедой своих давних друзей. Всё бы ничего, а что жёнам говорить, они же помогать копать поедут.

– Не расстраивайтесь, осенью дадим вам со свежего урожая сколько увезёте. А жёнам подарок сделаете, мол, сами справимся, не беспокойтесь, любимые, выкопаем без вас. И повод будет ещё под предлогом прополки летом посидеть на берегу мудрой, вечной Томи.

Настроение поднялось ещё выше утрешнего. Агроном махнул рукой, и водитель принёс из машины бутылку благодатного напитка.

Не посаженный посадочный материал решили закопать в ямку, чтобы не напоминал об утренних неприятностях. Так и сделали, закопали и пошутили:

– Осенью картофельное дерево вырастет, как настоящее!

Водка кончилась, Аркаши не было.

Водитель агронома отвёз учёных в город. Домой все возвращались уставшие, но довольные.

Жена Палыча раскатывала тесто для пирожков. На её вопрос: «Ну что, управились?», кивнул, прошёл в спальню и крепко заснул с чувством исполненного долга. Жена улыbnулась.

Проснулся Палыч от того, что звонил телефон, за окном уже было темно. Трубку взяла жена, поговорила. Потом зашла в спальню, но уже не улыбалась:

– Звонил Аркадий, извинялся, что не смог отвезти картошку для посадки – «запорожец» сломался.

И надо же было жене именно сегодня заниматься выпечкой. В её руках Палыч увидел скалку. А в его глазах отчётливо расцветало картофельное дерево, такими мелкими синенькими и беленькими цветочками, как настоящими.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Очень большая редкость, когда деревенский мужик не матерится. А матерятся все по-разному. Одни изредка, с досады, другие только в мужской компании, а отдельные, которых единицы, нормальные слова вставляют в свою речь для связки основного текста. А текст у них крепок, как самогон-первач. Но самое главное, что они говорят на таком языке всегда и везде, не обращая внимания на возраст, пол и должности окружающих.

У нас в деревне таких было двое, и оба работали водителями в гараже. Рома водителем автобуса, Володя на грузовых.

Рома всем пассажирам высказывал за всё: за грязную обувь, за большие сумки, за широкую нижнюю часть тела... И всё это звучало так отборно и смачно! Но странная штука – никто и никогда на него за эти «замечания» не обижался. Вёз ли Рома работниц на поля, учителей в театр, бухгалтерию в управление, все только весело хохотали. Да если бы хоть одно из этих слов сказал им кто-то другой – глаза бы выцарапали! А тут хи-хи:

– Ну, ты, Рома, и скажешь тоже!

Володя объяснял на «своём языке» всё от устройства коробки передач до количества и качества пойманной на рыбалке рыбы. Из правильных слов в его речи могли промелькнуть только название автомобиля или порода рыбы, остальное – и... так, и... этак.

...В кабинет инженера по технике безопасности совхоза вошёл директор местной школы. За столом сидел автобусник Роман, и, кусая авторучку, пытался что-то изложить на бумаге. У директора школы сразу возникли противоречия в мыслях: Рома с авторучкой в руках. Он и в школе-то редко её брал в руки.

– Что это ты там сочиняешь, Рома?

– Да нам с Вовкой инженер дал задание: трактор «Т-150-й» к убороч-

ной готовить. А Володька сорвался с трактора и упал на бетонку задницей. А мне надо объяснительную написать, как это произошло. Вы же знаете, что я и в школе не любил сочинения писать. А тут надо грамотно...

Директор решил помочь Роману.

– Так и пиши: «такого-то числа по заданию инженера мы (фамилии, имена) производили ремонт трактора «Т-150» №... Мой напарник Владимир... оступился и с высоты полутора метров упал навзничь на бетонную поверхность площадки».

Рома долго выводил слова, предложенные директором школы. Проще было отремонтировать трактор, чем написать объяснительную. Дописав фразу, Роман поднял глаза на директора школы:

– по-верх-ность пло-щад-ки. А чё дальше-то писать?

– «Ой ё-ёй, – сказал после падения Владимир», – продолжал диктовать директор школы.

Рома уже направил авторучку с новой строки, но тут же отдёрнул руку:

– Ага, тоже скажете, Володька – да: «Ой-ё-ёй». Он так загнул на весь гараж, что трактор сам завёлся!

Директор школы засмеялся и вышел из кабинета. А Роман пожал плечами и долго думал, как нормальными словами завершить текст объяснительной записки. Володька-то серьёзно уе... ударился задницей.

Сергей Лушников

СКЛЕРОЗ

Сверкая маленькими глазками, змея не отводила от него взгляд. Она следила за его движениями, поворачивая голову синхронно с ними. Он замер, стал смотреть прямо на неё. Ноги затекали, пот бежал по спине... Он не боялся змей, любовался ею. Чешуя серебрилась, головка была с тёмным «чепчиком», защищавшим её от солнечных лучей. Рептилия вытянулась струной, словно балерина на земляной сцене. Так и сливались они в экстазе, пока, не выдержав боли в спине, он не сделал шаг назад. Змея зашипела, взмыла свечой, и он почувствовал мокрое прикосновение на шее...

Он проснулся и резко открыл глаза. С облегчением вздохнул, увидев рядом котёнка, недавно подобранного на улице. Чувствуя поглаживание хозяйна и мурлыча от удовольствия, котёнок лёг ему на грудь.

Рука Владимира Михайловича медленно гладила нежную шерстку, но змея не выходила из головы. К чему этот сон? Он долго мучился над его разгадкой. А когда наконец встал, то не смог отыскать пятьсот рублей: вчера были, а сегодня исчезли. «Старый козёл! – нещадно ругал он себя. – Куда сунул? Пропали они пропадом! Хотя зря так ругаю, может, поэтому и пропали. Но куда?»

Он обшарил всю одежду, все карманы, но деньги словно сквозь землю провалились. Обессиленный, присел на диван, с тоской глядя на разбросанные куртку, брюки, потёртые джинсы, рубахи. «Склероз окаянный начинается, – пришла невесёлая мысль. – Однако рано, мне только семьдесят в прошлом году стукнуло. Или уже пора? И угораздило же жену на дачу уехать! Она бы быстро нашла, чует денежки, сколько раз находила. Сам виноват – оставил всего пятьсот рублей, живи теперь неделю! И где же эта проклятая бумажка?!»

Владимир Михайлович снова взял в руки джинсы, начал методично обыскивать карманы. Ничего кроме зажигалки. Отложил джинсы в сторону, принялся вновь перетряхивать рубахи. Деньги исчезли. «Эх, была бы карта, позвонил бы сыну или внуку, помогли бы найти», – посетовал он про себя.

Махнув рукой, словно сообщая кому-то о своём решении закончить с поисками, вышел на балкон. На столике лежала пачка «Примы». Он закурил, глядя на улицу, по которой катился полупустой трамвай, громохочая и скрипя колёсами на поворотах. Через дорогу – заполненная машинами стоянка перед баней. Ему тоже захотелось в баню, но цены там «кусались», поэтому последнее время он ходил туда раз в месяц...

Он снова потянулся к сигаретам и остолбенел – пятисотрублёвая купюра торчала в пачке! «Надо же! – чертыхнулся он про себя. – Как я забыл, что туда сунул! Точно, склероз». Выбросив пустую пачку в ведро, Владимир Михайлович начал собираться в магазин.

На улице был май. Радуюсь солнышку, деревья распускали, подставляли теплу первые листочки. Лёгкий ветерок обдувал приятно и тихо, как опытный

массажист в начале сеанса. Шагая по улице, Владимир Михайлович улыбался – раньше он очень любил рынок, особенно когда в кармане были деньги. Эта любовь осталась, но удовольствия от прогулок по базару стало меньше. Зато радовали улицы, по которым шёл – Кузнецова, Кирова. Старинные деревянные отреставрированные дома – бывшие купеческие особняки, чередуясь с добротными кирпичными домами купцов новых, воодушевляли Владимира Михайловича. «Молодцы, что красивые дома построили, – размышлял он. – Дома будут стоять, в них будут жить люди, будут радоваться жизни, рожать и учить детей, и так будет вечно, пока существует человек».

Вот и шумный, занимающий целый квартал, рынок. Пестрят весёлые киоски, предлагают людям разнообразную продукцию – только успевай плати.

Владимир Михайлович начал с самого необходимого – купил пять пачек сигарет «Прима», истратив 60 рублей. «Теперь на неделю хватит», – с удовольствием отметил он и направился к мясным прилавкам. «На обед и ужин – суп, надо триста граммов костей. Умножаем на пять дней – получается полтора килограмма», – подсчитал он. Взял костей по 70 рублей за килограмм. Также надо было обеспечить себя завтраком, купил каши – гречневую за 35 рублей и овсяную за 25. Масло сливочное к кашам стоило 32 рубля. Пачка «Майского» чая обошлась ещё в 36 рублей. Владимир Михайлович любил чай с молоком, поэтому пришлось взять литр за 36 рублей.

Тщательно рассчитывая деньги, он ещё приобрёл одну малосолёную селедку и растительного масла. Ну вот, вроде на всё выкроил. Пакет наполнился, а в кармане лежали ещё 70 неизрасходованных рублей. «Однако нужно оставить на хлеб и на проезд, ещё что-нибудь понадобится», – рассудил Владимир Михайлович, глядя на мандарины. Любил их, но сегодня денег не хватало. Вот такая пенсионная арифметика.

– Привет, Михайлович, – услышал он знакомый голос.

Ба, Иван Иванович, бывший его начальник отдела! Не успел ответить, как тот поделился своими заботами:

– Представляешь, ходил к психологу права на машину продлить, а она к моей больной ноге привязалась. Дескать, как будете ездить? Я ей говорю: «Маресьев без двух ног на самолёте летал и ничего!». А она мне смущённо: «Я такого не знаю, недавно в ваш город приехала». Вот до чего молодёжь довели!..

Посудачили немного, разошлись.

На полпути домой Владимир Михайлович вдруг почувствовал, что приближается приступ астмы. Сел на оказавшуюся поблизости скамейку, достал ингалятор, прыснул. Стало легче. Но он решил посидеть подольше, отдохнуть. Сидел, любовался старой, искривлённой берёзой, покрывшейся тепло-зелёными нежными листочками. «Вот бы мне так преображаться весной!» – мечтательно подумал он.

На соседней скамейке сидела молодая парочка – девушка и парень. Вдруг девушка заговорила громко и зло:

– Какая Родина?! Родина там, где условия лучше! У тебя есть шанс уехать в Англию, а ты рассуждаешь! Патриотизм придумали, чтобы дурачить людей, верха придумали! Сами своих детей там учат, спят и видят, чтобы нахватать и слинять за бугор! А ты уши развесил!

Парень вдруг резко встал и пошёл прочь, а девчонка вынула сигарету и затанулась, закинув ногу на ногу. «Ноги ничего, а в голове каша», – обратил внимание Владимир Михайлович, стараясь найти слова, чтобы защитить Родину. Но не находил. Он понимал, что хотел сказать, но не мог решиться – то ли из-за тона девушки, то ли просто стеснялся чужого человека. Однако когда девушка ушла, задумался: а в самом деле, что такое для него Родина? Встал и пошёл в обратную от дома сторону. Шёл, вспоминал, и, чем больше приходило воспоминаний, тем быстрее он шагал.

«Родина... с чего она начинается? – думал он. – Я тогда поступил в институт, а жил в Чернышевске. Поезд из Чернышевска отходил в четыре утра. В ту ночь отец был на работе, мы с мамой оставались одни, и надо же было проспать! Проснулись за пятнадцать минут до отхода поезда, а до станции добираться не меньше. Как собирались, не помню, но помню, как тогда бежали с мамой, которая страдала астмой».

Когда он смотрел фильм «Вокзал для двоих», сцену бега Веры и Платона в тюрьму, то всегда плакал, потому что вспоминал маму, как она тогда падала, задыхалась в астматическом приступе, останавливалась и снова бежала, таща за собой дурацкую сумку с продуктами. Они бежали через железнодорожные пути, огибали какие-то вагоны, и уже возле поезда, в котором все двери были закрыты, мама опустила на землю. А он продолжал метаться вдоль состава, искать открытый вагон, который, как назло, оказался в самом начале. И потом, когда он заскочил наконец в поезд и поехал, ему казалось, что он видит, как самый дорогой для него человек ещё долго сидит на земле, задыхаясь и щёлкая колпачком ингалятора, потом трудно, глотая слёзы, возвращается домой. Он тоже плакал в тамбуре, ругал себя. Можно было бы уехать позже. Но прошлого не вернёшь. Как и маму... С тех пор, когда заходила речь о Родине, он почему-то всегда вспоминал эту картину.

«Что ещё? – думал Владимир Михайлович. – Речки детства – Куэнга, Алер, Олов, прошёл по ним с удочкой не одну сотню километров. Забайкальское солнце слепит глаза, трудно разглядеть прыгающий на перекатах поплавок. Вода приятно омывает босые ноги, их щекочат мальки рыб, удилице нагружает постоянно вытянутую правую руку так, что отнимается плечо. Но всё это только прелюдия перед тем, как вдруг дёрнет, кинется на наживку рыба. Тогда – трепет по телу, кажется, что, наконец, поймал неуловимое – счастье... А вокруг улыбается черёмуха, осыпает воду белоснежными лепестками. Шелест ивовых листьев заглушает шум речки, на душе спокойно, безмятежно».

«А вот другое... – Владимир Михайлович снова напрягся. – Брошенная на пол в больнице грязная спецовка отца, крик матери, предвещающий что-то страшное. Отец разбился, упав с тендера паровоза, когда разгребал замёрзший уголь. Тогда я услышал от него навсегда запомнившиеся слова: «Ты остаёшься единственным мужчиной в доме, должен беречь мать». Нам, детям, было его очень жалко. Потом его, больного, выписали домой. Но он поднялся: неправильно собранные руки разрабатывал, сначала сжимая грушу от клизмы и падая в обморок от каждого сжатия, а затем – упражнялся с гантелями. И уже через семь месяцев снова работал кочегаром, перекидывая тонны угля. Для нас, детей, он был примером во всём, мы восхищались его мужеством, волей!»

А ещё был в деревне дед, его звали «тятя». Однажды «тятя» ударил его, внука, ложкой по лбу, когда он «поперёд батьки» полез за картошкой в дымящийся чугунок. Тогда «тятя» было уже за восемьдесят пять, а он ещё пилил с внуками дрова. И их удивляло, что он хорошо говорил о своём хозяине-кулаке, на которого начал работать с девяти лет... Как любили «тятю», как кричали его дочери над могилой! До сих пор этот крик где-то у него внутри...

«Наверное, мне везло в жизни, – думал Владимир Михайлович. – Сколько ещё можно перечислять тех, чьи души слились с моей, спасая и оберегая!

Так что же такое Родина? А вот всё это, родное – родные души и родные могилы, родная природа, родной воздух. Сотни гектаров земли, очищенной от нефти нашей организацией. Десятки домов, построенных нами в городе. Дети и внуки со своими делами и проблемами. Это тысячи людей, с которыми делаешь общее дело, доброе и праведное. И это чувство, чувство Родины, у большинства людей нашей страны такое же, как у меня. Как хочется в этом не ошибаться! Как хочется, чтобы мы и дальше не забывали всё это! Ведь прошлое наше – ступень к будущему, более светлому и доброму! Но объяснить той девушке, что такое Родина, я бы сейчас всё-таки не смог».

Внезапно очнувшись от своих мыслей, Владимир Михайлович недоуменно огляделся. Вокруг шумел рынок – весело, громко, даже издевательски. Некоторое время он недоуменно смотрел на снующих с авоськами людей. Потом развернулся и пошёл домой. «Точно, склероз начинается», – вздыхал он.

Наталья БУХАРОВА

РОССЫПИ ПИСАТЕЛЬСКОГО ТАЛАНТА

В самый разгар бабьего лета в городе Асино проводится традиционный фестиваль «Марковская осень».

Певец Сибири

Литературно-краеведческий фестиваль открылся акцией «Читаем Маркова ВСЛУХ». Чтения были посвящены роману Георгия Маркова «Строговы». Независимое жюри оценивало выразительность чтения, дикцию и осмысленное проникновение в ткань художественного произведения. Строки из романа сопровождались инструментальной композицией «Гляжу в озёра синие». Проникновенное исполнение этой популярной песни В. А. Молчановой вызвало горячий отклик в сердцах участников и гостей фестиваля, собравшихся в уютном музейном дворике.

На страницах романа «Строговы» запечатлены природные богатства Сибири, люди Сибири с их характерами и судьбами, которых автор именвал не иначе, как «соль земли». Правдивые и глубоко народные по своей сути произведения сибирского писателя по праву снискали ему славу ещё при жизни. И поныне земляки Г. М. Маркова проводят литературно-краеведческие Чтения, со временем переросшие в полномасштабный творческий фестиваль.

Первая книга была издана в Иркутске в 1939 году, а в 1948 году увидел свет второй том. В отделе рукописей научной библиотеки ТГУ сохранились стенограммы критических замечаний и отдельные главы романа, над которыми автор работал в 30–40-х годах и в суровое военное время. В 1952 году писатель был удостоен Сталинской (государственной) премии за роман «Строговы».

В экспозиции «Литературный музей на родине Г. М. Маркова» можно было увидеть книги, фотографии, документы, личные предметы быта семьи Марковых, а также скульптурные портреты Мокея Фроловича Маркова (народный художник РФ Леонтий Усов) и легендарного деда Фишки.

Афиноген Данилович Печенин обрёл свободу в Сибири, как и другие переселенцы из Центральной России. Характер деда Фишки, в котором наряду с житейской мудростью сочеталась страсть к балагурству, передан автором точно и лаконично: «Здоровьем бог не обидел, за мной не каждый угонится. Умру, но ногой дрыгну».

Нет пророка в своём отечестве

По воспоминаниям почётного жителя города Асино А. Н. Мартынова, литературный музей на родине писателя в селе Ново-Кусково был открыт в 1975 году. Эти памятные места в Макеевке, на берегу речки Соколы, в своё время были местом паломничества туристов, стекающихся в сибирскую глубинку из разных уголков большой страны.

Для приёма гостей была обустроена специальная бетонированная площадка, где могли свободно развращиваться «Икарусы» с туристами. Бревенчатый сруб обустроили под мемориальный музей с банькой, омшаником и ледником. К сожалению, строение не удалось сохранить, оно сгорело. Часть экспонатов уцелела и хранится в фондах Асиновского краеведческого музея.

История циклична. На сломе эпох «прорабы перестройки» попытались сбросить за борт советских писателей с «корабля истории». Не избежал этой участи и наш талантливый земляк, Георгий Марков, упомянутый в википедии как автор секретарской прозы. Скромная деревенская изба в селе Ново-Кусково, по воспоминаниям профессора ТПУ Н. П. Кириллова, стала причиной «разбора полётов» на уровне писательской организации.

Однажды в приёмной первого секретаря обкома раздался звонок. Звонил председатель правления Союза писателей РСФСР С. В. Михалков. Он сообщил о поступившем сигнале: мол, писатель Марков обустроил у себя на родине Ясную Поляну, как у Льва Толстого. Когда комиссия прибыла на место, увидели небольшую деревянную избушку. По тропинке московские гости подошли к двери с огромным навесным замком. «А как мы в дом пойдём? – спросил автор «Дяди Стёпы». «Так не заперто», – последовал ответ. Отогнули дужку амбарного замка и вошли в помещение литературного музея.

Проверяющие увидели обстановку обычной крестьянской избы с глинобитной русской печью. Из имущества: стол да кровать, два медных самовара, два чугунных утюга и ножная швейная машинка «Зингер». Вот и всё «родовое поместье» секретаря правления Союза писателей СССР.

Они убедились: никакой Ясной Поляны тут и в помине нет. А есть просторная современная библиотека, построенная на средства Ленинской премии, которой писатель был удостоен за роман «Сибирь» в 1976 году. Сергей Михалков и Анатолий Алексин пришли к выводу: на малой родине писателя Георгия Маркова не только помнят, но и читают.

Полвека на экране

В рамках литературно-краеведческого фестиваля был проведён кинолекторий «Строговы» – полвека на экране», посвящённый 50-летию со времени экранизации семейной саги по мотивам одноимённого романа Георгия Маркова. Консультантом 8-серийного телефильма о трёх поколениях семьи Строговых выступил старший брат писателя Иван Марков.

События в романе развращиваются на рубеже веков в губернском Томске, волостном селе Ново-Кусково и казачьем селе Вороно-Пашне (в романе Волчьи Норы). Съёмки фильма проводились в трёх локациях: в павильонах

«Ленфильма», специально сооружённой кинодеревне в Вышнем Волочке и селе Богашёво Томской области.

Наряду с такими известными актёрами, как Майя Булгакова, Людмила Гурченко и Валерий Баринов, в массовках участвовали местные жители и отдыхающие санатория Богашёво, наряженные в косоворотки и сарафаны. Лейтмотив романа – борьба крестьян села Волчьих Норы за право владения общинными кедрачами. Кадры съёмок на шишкобое с чекмарями-колотушками снимали в окрестностях села Богашёво, ведь могучие кедры-исполины растут только у нас, в Сибири.

В 70-е годы снималось много телевизионных фильмов. Как только раздавалась знакомая мелодия, возвещающая о начале очередной серии, зрители собирались у голубого экрана. Кадры с рабочими моментами съёмок и фильм до сих пор хранятся в Госфильмофонде наряду с другими незаслуженно забытыми шедеврами советского кинематографа. Чтобы глубже вникнуть в атмосферу съёмочного процесса, участникам кинолектория посоветовали посмотреть художественный фильм «Уходящая натура».

«И веку грядущему...»

На родине писателя основательно готовятся к предстоящим в 2026 году юбилейным торжествам. Этому был посвящён круглый стол «И веку грядущему...» с участием научных сотрудников Томского областного краеведческого музея имени М. Б. Шатилова, научной библиотеки ТГУ, представителей томской писательской организации и общественности.

Фестиваль завершился, но впереди ждут новые встречи. В планах – создание мемориальной комнаты-музея Г. М. Маркова. Это будет площадка для передачи исторической памяти будущим поколениям. Здесь будут проводиться экскурсии, лекции и научные конференции с участием молодёжи и поклонников творчества знаменитого писателя-земляка.

В ДОПОЛНЕНИЕ

В рамках круглого стола «И веку грядущему...» помимо прочего была представлена статья С. И. Толстова об истории освоения Причулымья и превращении деревни Ксеньевки в город Асино; информация Е. В. Клименко о публикации сокращённого варианта книги Г. М. Маркова «Орлы над Хинганом» в сборнике томских авторов «Победа: связь времён. 1945–2025». По этой книге в 1981–1982 гг. были сняты фильмы «Приказ: огонь не открывать» и «Приказ: перейти границу». Сценарии фильмов создавались при непосредственном участии автора. История экранизаций произведений Г. М. Маркова регулярно освещается на заседаниях клуба «Буквица» (ведущая Оксана Борисовна Чайковская, журналист и писатель).

В сборник памяти томских писателей «Ушли, но остались» (Томск, 2025, под ред. Г. К. Скарлыгина, Е. В. Клименко, Т. Ю. Назаренко; доступен в электронном виде на сайте «Томский писатель») вошли воспоминания о встречах с Г. М. Марковым асиновского краеведа Г. И. Игнатова.

Поступило предложение к «Марковским чтениям-2026» написать и опубликовать литературоведческую статью о творчестве Г. М. Маркова (С. Г. Максимов); рассмотреть возможность присвоения имени Маркова Губернаторской премии по литературе; а также привлечь к акции «Читаем Маркова ВСЛУХ» учащихся томских колледжей. Популярный среди молодёжи жанр настольных игр, в частности, на тему переселения «Из Рассеи в Сибирь», краеведческий музей намерен развивать и продолжать использовать в работе Чтений.

Родственники Ивана Мокеевича Маркова, старшего брата писателя, поддержали перетекание темы кедра из творчества Марковых в жизнь и готовы поделиться проростками от своих кедров. Высаженная в своё время в Асино кедровая аллея из 50 деревьев растёт и плодоносит. На «круглом столе» поднималась тема восстановления дома Марковых, создания мурала в городе Асино по мотивам произведений Г. М. Маркова и обновления литературной составляющей экспозиции Асиновского краеведческого музея.

Е. К.

Сергей ТОЛСТОВ

«ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛО» АСИНО

Ещё в 1911 году предполагалось, что железнодорожная линия соединит предместья Мариинска и Тегульдет, который к 1930 году должен был стать тридцатитысячным городом – центром лесной промышленности Причулымья. Однако превратности истории предназначение базового города освоения лесных богатств региона на рубеже 1920–1930-х адресовали Асину, который вобрал в себя деревню Ксеньевку. О чудесном превращении Ксеньевки в город Асино в 1950-е годы своеобразно высказался Георгий Марков в письме своему другу юности, бывшему секретарю Ново-Кусковского райкома ВЛКСМ в 1926 году Александру Ковалёву. Он писал: «Саша, дружище... Ежегодно бываю в Ново-Кускове. Там многое изменилось... Ксеньевка, – помнишь ли такую деревню? – стала городом Асино, крупным железнодорожным узлом». Друзья в годы юности много совместно разъезжали по сёлам Причулымья, и Ксеньевка, располагавшаяся всего лишь в 8 километрах от районного центра, ничем в их восприятии не запечатлелась. Как и почему жребий истории стать передовым пунктом освоения лесных богатств Причулымья выпал именно на неё? «Откуда есть пошло» Асино, крайне любопытно. Вот об этом и поведём речь.

К истории Асина как административному и производственно-демографическому пространству краеведы обратились тогда, когда населённый пункт стал городом областного подчинения и уже являл собой состоявшийся советский центр лесоперерабатывающей промышленности, и представление об истории формирования города нечаянно распределили в линейной логике роста с начала 1930 годов как само собой разумеющееся «триумфальное шествие». А на самом деле всё было не совсем так. Транзит от Ксеньевки к Асину происходил в условиях исторического казуса: в процессе складывания промышленного центра возник в некоторой степени экстремальный перерыв в связи с консервацией строительства железной дороги. Вместе с тем формирование нового районного центра поставлено на паузу не было.

Истоки Асина как будущего промышленного и районного центра кроются в исторической теме Томск-Енисейской железной дороги. В январе 1930 года томская власть ввиду серьёзных намерений в очередной раз опровергнуть теорию экономического и административного отмирания Томска серьёзно взялась за реализацию союзного проекта, который мог бы сделать город крупным железнодорожным транспортным узлом и транзитным городом. С целью ак-

тивизации строительства в городе был создан «Комитет содействия постройке Томск-Енисейской железной дороги» с очень представительным составом. Предполагаемое строительство железнодорожного моста через реку Чулым между Новокусковским и Зачулымским районами Томского округа Сибирского края послужило основанием к административному объединению этих двух районов и образованию укрупнённого Чулымского. Именно в эти годы на этой территории начинаются мощные лесозаготовки по обе стороны реки, поэтому решение о локальной административной централизации было вполне обоснованным. Также на этапе планирования данного административно-территориального преобразования подразумевалось создание нового (в смысле заново отстраиваемого) районного центра. В соответствующем документе от 2 августа 1928 года по этому поводу говорится следующее: «До настоящего времени и ближайшего будущего центром его [района] считается село Ново-Кусковское. В дальнейшем создаётся новый центр при пересечении железнодорожной линией реки Чулым. Пока это место окончательно не установлено...». К слову, в Агроэкономическом паспорте Новокусковского района, в котором приводятся сведения на 1 января 1931 года, новым административным центром уже указана Ксеньевка.

Гипотетически площадка под будущий районный и хозяйственный центр могла быть рядом и с Новокусково, но помешало торфяное болото. К тому же место под новый населённый пункт должно было соответствовать требованиям площадки для приёма и складирования леса, сплаваемого с чулымских верховий. Дело в том, что проект железной дороги в направлении Тегульдета был отвергнут, наряду с прочим, ещё как раз и потому, что при технологиях заготовки леса того времени (вырубка массивов вдоль рек на глубину возможностей транспортировки до плотбищ гужевым способом) был уже освоен сплав вплоть до Могочина, то есть до самого устья Чулыма. Однако «угонять» лес так далеко от железной дороги было не эффективно. Как минимум, для начала до Чулыма, в месте, где он ближе всего к Томску (а в идеале и дальше) дорогу довести было необходимо и важно. Рядом с Ксеньевкой оказалась пойма с множеством протоков, удобное место для перевалки леса в железнодорожные вагоны и размещения лесоперерабатывающих предприятий. Именно в район этого населённого пункта 25 января 1930 года были отправлены специалисты для изыскания железнодорожного перехода через Чулым. У организаторов строительства был оптимистический настрой довести дорогу до реки к 1 октября 1930 года.

Газета «Красное знамя» от 7 февраля 1930 года заметкой «На Томск-Енисейской развёртываются работы» информировала: «5 февраля из Томска в село Ксеньевку на реке Чулым отправлен первый обоз со строительными материалами, инструментами и продовольствием. Отправилось также 15 человек специалистов, уже зачисленных на работу. Основная масса рабочих для производства работ на дистанции Томск – Ксеньевка будет набираться преимущественно из окрестного населения». Складились материалы и расквартировывались люди в самой Ксеньевке – так началось практическое задействие деревни в формирование будущего социалистического города. То, что на будущий населённый пункт южнее и юго-западнее от Ксе-

ньевки нацелена концепция социалистического города, понятно по определению.

Данная концепция, как элемент теории и практики индустриализации, была в эти годы господствующей. Есть само собой разумеющееся указание в обширном документе «Проектное задание Чулымского целлюлозного комбината»; он датирован 1933 годом, но обобщает результаты обследований всех предшествующих лет. Советское оптимистическое стремление к светлому будущему в годы первых пятилеток у отцов будущего города Асино стало эмоционально возбуждённым и практическим. Масштабные планы относительно промышленного освоения Причудымья сохраняли на локальном уровне атмосферу великих мечтаний даже после консервации строительства дороги в апреле 1933 года. Кстати, из приведённого документа следует, что на площадке у д. Ксеньевки изначально (с 1930 г.) возводился всего лишь обыкновенный шестирамный лесопильный завод.

В пору, пока строительство дороги осуществлялось, с 1930 по 1933 годы, кое-что удалось сделать в рамках создания конечной станции. В частности, был построен двухэтажный жилой дом, который пригодился для заселения служащих формирующегося райцентра. При этом становление и развитие нового центра огромного района не должно было останавливаться, только теперь это предстояло осуществлять, так сказать, своими силами, то есть государственными, а не ведомственными. На уровне общесоюзного документооборота формальной точкой отсчёта Асино как районного центра с полным основанием можно и нужно считать Постановление ЦИК СССР от 7 июня 1933 г. «О переименовании одноимённых районов и районных центров Западно-Сибирского края». В пункте 17 этого документа содержится следующее указание: «Перенести центр Чулымского (бывш. Томского округа) района из селения Ново-Кусково в селение Ксеньевку при жел.-дор. станции Асино Томской железной дороги, с переименованием этого селения в селение Асино, а Чулымского района – в район Асиновский».

Итак, именно д. Ксеньевка из всей поселенческой периферии, которую выбрал в себя будущий город, обусловила статус районного центра Асино как правопреемника и юридически, и исторически. Несмотря на то, что планы индустриализации районного центра остались на бумаге, появление социалистического города на перспективу всё-таки подразумевалось, поэтому изначально новый населённый пункт должен был складываться и развиваться в русле соответствующей концепции. Асино предписывалось стать в будущем и средоточием промышленности, и административно-культурным локальным образцом формирования социалистических общественных отношений. Социальной базой в деле строительства нового общества должен был стать рабочий класс. Только вот случившийся «технический перерыв» привёл к тому, что миссия быть таковой легла на неудобный класс – ксеньевское крестьянство. Такие исторические обстоятельства в некотором смысле непреодолимой силы предопределили своеобразие формирования районного центра до марта 1937 г., когда возобновилось строительство железной дороги до Чулыма, и в Асино, образно говоря, в более скромных от первоначальных замыслов масштабах и в более простых формах всё-таки вернулась индустриализация. В самом начале

строительства железной дороги в конечном пункте перед Чулымом стали создаваться вспомогательные производства как для собственно железнодорожного строительства, так и для возведения станции, неотъемлемым атрибутом которой планировался железнодорожный городок со своей культурно-бытовой и медицинской инфраструктурой. Интересен отпечатавшийся в памяти старожилов эпизод строительства лесозавода и рядом с ним шпалорезного завода. В нач. 1930 г. на стройку ещё по снегу из Томска на 32 лошадях привезли локомобиль; прибытие каравана с железным «чудовищем» собравшиеся жители Ксеньевки встретили криками: «Чёрта везут!!!». Предприятия – лесозавод и шпалорезный завод (в эксплуатацию официально введён 25 декабря 1932 г.) – были по сути одинаковыми, работали в едином технологическом процессе, но принадлежали разным ведомствам – Запсиблесстрою и Томскпромстрою соответственно. На первом предприятии среднегодовая численность работающих предусматривалась в объёме 150 человек, на втором – 90. Осталась неосуществлённой организация сплавной и лесоперевалочной деятельности. На лесоперевалочном заводе планировалось задействовать 125 рабочих. Столь значительная кадровая составляющая предусматривалась с учётом большого объёма вспомогательных работ – доставки сплавного леса до распиловки на рамах и последующего складирования готовой продукции (конечно же, при максимальной нагрузке на производство). В итоге же на полную мощность они так и не заработали. К примеру, в «Агроэкономическом паспорте Асиновского района» за 1933 год фигурирует только шпалорезный завод со среднегодовым числом рабочих 10 человек. Месторасположение лесоперерабатывающего производства показывало, что его существование предполагалось только на период полного строительства всей Томск-Енисейской железной дороги. Несмотря на чётко осознаваемую затопляемость в паводковый период, локация в устье р. Курьи обуславливалась максимальной близостью к месту водного складирования сплаваемого по Чулыму леса, ибо технических возможностей транспортировать кругляк за пределы поймы не было. Готовую же продукцию в виде шпал и пиломатериала вывозить предполагалось в зимний период. Для обслуживания строительства железной дороги со всей её инфраструктурой в Ксеньевке были созданы столярная и колёсная мастерские, послужившие, к слову сказать, предтечей впоследствии крепкой промкооперации в Асине. Об этом свидетельствуют фотографии из репортажей о ходе строительства железной дороги в газете «Красное знамя» от 8 мая 1930 года.

Участь шпалорезного и лесопильного заводов целиком и полностью повторила судьбу самой железной дороги – они тоже были законсервированы. На заседании бюро Асиновского райкома ВКП(б) 12 июля 1933 г. представитель Крайдревтреста Казылбашев убедил партийное районное руководство в нецелесообразности дальнейшей работы лесозавода и необходимости его консервации. Впрочем, работа по распродаже имущества предприятия с целью погашения задолженности по зарплате и Госбанку уже велась в рамках ранее принятых решений райисполкома. Бюро вносило в этот процесс лишь некоторые коррективы. В частности, «не согласиться с соображениями Дривтреста передачи лошадей и посева организациям Томска», а продать эти активы Ксеньевского лесозавода Асиновскому леспромхозу, то есть оставить их на под-

ведомственной территории. А также «указать райпрокурору на недопустимую затяжку следствия по делу составления фиктивных документов на получение кредитов от Асиновского Госбанка представителями Ксеньевского лесозавода и Зырянского леспромхоза». Следует заметить, что данные предприятия работали в единой технологической цепочке: леспромхоз был поставщиком леса по сплаву для лесозавода. Им приходилось при приёме-передаче леса жёстко спорить, вплоть до силовых конфликтов бригад по поводу принадлежности брёвен, которые при сплаве оставались на берегах Чулыма после быстрого спада половодья.

Более болезненно районное партийное руководство реагировало на приказ дирекции Новосибирлеса от 9 апреля 1935 г. о ликвидации Ксеньевского шпалозавода по причине его нерентабельности. Несмотря на то, что «мнение ликвидировать завод дирекцией культивировалось с половины 1934 года», Асиновскому райкому ВКП(б) на какое-то время удавалось тормозить это «мнение». Весьма интересными представляются аргументы. Так, довод о нерентабельности до некоторых пор наткнулся на убедительное утверждение: «В случае ликвидации постройки завода, определяющегося стоимостью в 178998 руб., будут обречены на разрушение». Использовались и доводы буквально государственного звучания: «Асиновский район является отсталым районом, ему многое предстоит сделать в культурно-бытовом строительстве, в районе построена деревообделочная мастерская, которой также немало потребуются пиловочного материала». Как варианты партийные руководители района предлагали Новосибирлесу либо вернуть завод в ведение Древлтреста, которому предприятие и принадлежало до 1932 г., либо передать райисполкому. Но всё было тщетно. Несмотря на то, что директору Градобоеву за невыполнение решения райкома о приостановке ликвидации завода по партийной линии был объявлен выговор с занесением в личное дело и опубликованием в печати, он всё-таки выполнил распоряжение своего производственного начальства. Итак, перспективные государственные предприятия, вокруг и с помощью которых должен был прирастать будущий город, исчезли. Теперь задействовать надёжный ведомственный ресурс для развития районного центра оказалось недоступным. И на первый план поневоле вышла производственная сфера, так сказать, локального значения – местная промышленность. Она была представлена такими повсеместно создаваемыми перерабатывающими сельхозпредприятиями, как льнозавод (запущен 12 июня 1932 г.) и овощесушильный завод (образован в 1934 г. на базе существовавшего с 1931 г. кустарного крахмалотёрочного производства). Данные предприятия существенно компенсировали снижение производственной активности в деревообрабатывающей отрасли, в Ксеньевке-Асине вокруг них начала формироваться стихийная жилая застройка. В совокупности со спонтанно возникшим жилым сектором в местах размещения шпалорезки, лесозавода и приёма сплавляемого леса они окружали Ксеньевку, и та превратилась в сельскохозяйственный анклав внутри формирующегося районного центра Асино. Замкнутый производственно-потребительский контур на основе сельскохозяйственного производства создавал предпосылки к развитию таких кооперативных предприятий по производству товаров народного потребления, как артели.

Промысловая артель являла собой традиционную ещё для дореволюционной России форму коллективной предпринимательской деятельности. Реанимация её в советскую пору, когда все усилия государства были направлены на производство средств производства, была удачным и эффективным способом в выстраивании баланса в остальной части экономики страны. Базовые основы организации работы артелей закладывались Постановлением Правительства СССР от 23 июля 1932 г. «О перестройке работы и организации форм промкооперации». Постановление было принято «в целях дальнейшего развёртывания производственной инициативы промысловой артели, а также для максимального расширения промысловой кооперацией производства предметов широкого потребления». Ориентация на данную форму социалистического хозяйствования применительно к Ксеньевке-Асину оказалась оптимальной с точки зрения формирования районного центра – так сказать, своими силами. Населённый пункт был «ввергнут» в административные и производственные перемены, благоприятствующие развитию несельскохозяйственного сектора локальной экономики. За счёт миграционного притока росло население, формировались производственный и властно-управленческий секторы. Как следствие, увеличился спрос на продовольствие и товары народного потребления. Не состоявшаяся занятость новой части населения в строительстве железнодорожной инфраструктуры станции Асино и в деревообрабатывающей промышленности особо стимулировала самореализацию освободившихся рабочих рук в промкооперации.

Потребкооперация, перекочевавшая из Новокускова в Ксеньевку, организационно оформилась и работала с 1 апреля 1931 г. Мануфактурные и кондитерские изделия, валяная обувь и другая продукция производились в артели инвалидов «В объединении сила». Образование и функционирование артелей диктовались благоприятной логикой масштабирования различных мастерских колхоза «Память Ленина» – своеобразного естественного «спутника» районного центра. Вспомогательные виды деятельности достались колхозу ещё от прежнего времени и были типичными для тяготеющих к максимальному самообеспечению деревень. На 1932 г. в колхозе числилось бочарно-бондарное, тележное, сапожное, пимокатное, шорное, шерстечесальное, льномыльное, мельничное, кузнечное и другие кустарные производства. Лесозавод и «шпалорезка» успели заготовить достаточный объём пиломатериала, так и не использованного по назначению. Это позволило серьёзно организовать плотницкому и столярному делу, активно востребованному в строящемся районном центре. Опять же в силу уже обозначенных экстремальных причин в Асине осела некоторая часть квалифицированной рабочей силы, привлечённой в ходе так называемого первого приступа строительства железной дороги. Однако необходимо отметить, что трансформация кустарных промыслов в кооперативы с учредителями, то есть организованные на паевых началах, протекала трудно. Обретение подлинно коллективного начала происходило под управленческим воздействием сверху. Курировало этот «идейный» вопрос непосредственно районное партийное руководство; оно стремилось «поставить работу кооперации так, чтобы последняя отвечала в действительности требованиям широких народных масс». Проблемным оставался вопрос вов-

лечения в число пайщиков членов семей и обеспечение роста капитализации. Так, асиновской потребкооперации предписывалось в течение 1933 года увеличить паевые капиталы до 90 тысяч рублей. В этой связи примечательно, что в декабре 1933 г. в Асине в результате активизации «террористически-диверсионных групп» сгорела контора Райпотребсоюза. К 1936 г. полноценно работала ещё одна артель – «Кооператор», состоявшая из 24 человек. Расцвет же асиновских артелей придётся на период благоприятной экономической конъюнктуры в связи с возобновлением строительства железной дороги в 1937 г. и созданием лесоперевалочного деревообрабатывающего комбината (ЛПДК) в последующие годы. Символично, что одна из главных улиц в новом застраиваемом районном центре была названа Кооперативной.

Кстати, в случае претворения в жизнь первоначальных грандиозных планов промышленного строительства Ксеньевка планировалась к сносу. И даже если бы на её месте не разместилась производственная зона, она всё равно была бы обречена на утрату своей крестьянской природы, поскольку существовал параллельный план её превращения в центральную усадьбу совхоза «Скотовод», который отвечал бы за продовольственное обеспечение города. В последнем случае деревня имела возможность сохранить свою административно-территориальную самостоятельность. Однако альтернатива состояться не в колхозном формате хронологически отодвигалась. Сохранение и поддержание крестьянско-деревенской природы в колхозном виде породили в обиходе ощущение живучести традиционной Ксеньевки и её наименования. Несмотря на объединение райцентра и деревни под одним названием, и в повседневном восприятии, и в локальном документообороте эти обозначения продолжали сосуществовать, и топоним Ксеньевка (как и его производные) после 7 июня 1933 г. не исчез. В «Списке населённых пунктов района за 1936 год» Асино дополнительно помечено в скобках как Ксеньевка. Вплоть до 1937 года фигурирует Ксеньевский сельсовет, причём с 1935 года параллельно с Асиновским. Этот парадокс можно было бы списать на бюрократическую инерцию, но ведь д. Ксеньевка в составе Асиновского сельсовета указывалась в протоколах Асиновского РИКа ещё и в 1936 году. Наконец, в документе «Всероссийская регистрация социалистической промышленности на 1 января 1936 г.» содержится убедительное указание на существование Ксеньевки: сельхозартели «Память Ленина» и «Красный Чулым» числятся по почтовому адресу «деревня Ксеньевка».

Особенность Ксеньевки была в том, что по своей социально-экономической природе она оставалась переселенческой, в ней не укоренилось в преемственности поколений родовое крестьянство, жители не тяготели к автаркии, в том числе и в самоуправлении, а умело извлекали выгоды от патерналистской политики государства: апеллировали к власти, легко прибегали к прошениям, жалобам, заявлениям. Ксеньевки серьёзно коснулись события Гражданской войны в Сибири. Среди жителей деревни память о жертвах колчаковской власти была уважительной. Представительной и авторитетной была группа участников партизанского движения, не то чтобы абсолютно лояльная власти, но компромиссно «конвертировавшая» статус под крестьянский здравый смысл. В 1920-х гг. деревня благосклонно принимала и плано-

вых переселенцев, и стихийно приселявшихся новосёлов из числа крестьян, которые во избежание раскулачивания упреждающе покинули места бывшего проживания в более плодородных регионах юга Западной Сибири. Элементарные адаптационные установки этих новосёлов требовали от них лояльно вписываться в коллективные форматы хозяйствования на новом месте. Лояльность по отношению к советской власти была страховкой их личной безопасности. В Ксеньевке-Асине трудностей же с трудоустройством, как правило, не было.

Априори социализм должен был искоренить, говоря по-ленински, мелкобуржуазную сущность единоличного крестьянства. В нэповские годы ему предписывалась кооперация, в рамках которой созидатели нового общества планировали снивелировать его хозяйственный эгоизм. Однако этого не произошло: крестьянство, в массе своей освоив всевозможные формы кооперации, не утратило свой единоличный характер хозяйственной деятельности. К концу 1920-х гг. оно отказалось участвовать в навязываемом ему неэквивалентном торговом обмене с городом, что спровоцировало мощнейший государственный кризис хлебозаготовок. Власть в ответ на опасные, с точки зрения экономической и общественной безопасности, действия крестьян прибегла к принуждению его объединиться по такому формату коллективного хозяйства, как сельскохозяйственная артель. Нужно констатировать, что понятие «коллективное хозяйство» (колхоз) в привычном и однозначном понимании стало расхожим только после внедрения Примерного устава сельскохозяйственной артели от 11 марта 1930 г. До того же этим словом обозначали любое кооперативное объединение. Для советской деревни это было серьёзное испытание на прочность.

Примечательно, что в Ксеньевке стресс для крестьян от необходимости организовываться на началах нового Примерного устава сельхозартели был облегчен тем, что первый и серьёзный опыт хозяйственной кооперации многие деревенские жители уже получили. В деревне на добровольных началах действовали товарищеские общества по совместной обработке земли (ТОЗ). Обычной практикой были всевозможные ситуативные формы сбытовой кооперации. Более того, многие ксеньевцы являлись членами межпоселенческой коммуны-гиганта «Смычка». В Ксеньевке находилось правление коммуны, то есть именно этот населённый пункт являл собой её центр. Таким образом, кооперативные формы хозяйствования (типа ТОЗ, СККОВ) и даже коммуна, которая принципиально до последнего распределяла результаты коллективного труда по потребностям и в этой связи оказалась экономически несостоятельной, ксеньевцы уже опробовали, так сказать, в пределе. Им выгодно было пользоваться поддержкой государства, которая была адресована тем, кто так или иначе уже был коллективно организован. Они на практике убедились: если уж альтернативы коллективизации нет, то поиск оптимального соотношения между правильным учётом трудового вклада и его оплатой должен согласовываться с логикой их социального поведения. Не миновало членов коммуны «Смычка» модное «подлинно коммунистическое» намерение построить огромный дом-коммуна и поселиться в нём. Однако эта идея полного обобществления быта не реализовалась ввиду того, что постановлением ЦК

ВКП(б) «О работе по перестройке быта», принятом 16 мая 1930 г. и опубликованном в газете «Правда», была отвергнута как «левацкая» и утопическая.

Документально подтверждаемой датой образования в Ксеньевке колхоза «Память Ленина» считается 7 марта 1929 г., хотя народная память однозначно относит появление этого названия к 1932 г. Скорее всего, в 1929 г. сельсовет отчитался уже существовавшей коммунной «Смычка» – той её частью, которая была центральным населённым пунктом. Она преобразовалась в сельхозартель с сохранением до некоторого времени своего названия. Новый статус и новое наименование коллективного хозяйства не сразу закрепились даже в документообороте. В частности, в обследовании работы Ксеньевской ячейки ВКП(б) Новокусовского р-на в 1931 г. фигурирует то колхоз «Смычка», то коммуна «Смычка». Некоторое разграничение этих двух понятий обозначается лишь после известной статьи И. В. Сталина в газете «Правда» в марте 1930 г., когда начала осуществляться менее огульная, своеобразная реорганизация колхозов заново. Своеобразие коллективизации в Ксеньевке состояло также ещё в том, что здесь существовали параллельно ТОЗы «Артель труда» и «Долой межи», которые также считались коллективной формой хозяйствования. Однако в условиях ужесточения налогового прессинга сколько-нибудь экономически рентабельными они не были, больше «по старинке» спекулируя правом на снижение налогообложения. Поэтому к 1932 г. эти хозяйства волевым решением властей были включены в колхоз «Память Ленина». Особо примечателен нюанс: если в большинстве случаев на деревенских собраниях делались доклады о преимуществах колхозов в сравнении с единоличным хозяйствованием, то ксеньевцев убеждали в выгоде перехода с устава коммуны на устав сельхозартели. По факту при переходе даже на Примерный устав сельхозартели 1930 г., довольно-таки жёстко урезающем возможности ведения семейно-трудового крестьянского хозяйства, в Ксеньевке в некотором смысле произошла правовая «либерализация» и простая смена вывески. На начальном этапе сплошной коллективизации важно было создать колхоз скорее формально, обеспечить ему конкурентные преимущества (благоприятные условия в виде лучших земельных участков, снабжения семенами, налоговых преференций) и дождаться его производственной рентабельности.

Примечательно, что со второй половины 1929 г., когда по инициативе нового первого секретаря Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе в регионе был взят курс на ускорение темпов коллективизации и раскулачивания, местная партийная ячейка «не подошла вплотную в выявлении кулацко-зажиточных хозяйств (выявлено 5 хозяйств), что является не чем иным, как правым оппортунизмом на практике». Конечно же, то, что в официальной риторике считалось поклонением стихийному экономическому развитию, на поверку было обыкновённым общинным крестьянским здравым смыслом, причудливым образом реализовывавшимся в условиях лояльности ксеньевцев к советской власти. Важно констатировать, что Новокусовский (Чулымский) район не относился к территориям сплошной коллективизации, в нём имели место факторы, амортизирующие начальственное рвение в превращении деревни в «социалистическую по форме». Коммуна «Смычка», а затем на начальном этапе колхоз «Память Ленина», вобрав в себя преимущественно бедняцкую

часть старожилов и также небогатых плановых переселенцев, не гарантировала должных объёмов в производстве зерна, в большей степени они были всего лишь самообеспечивающимися хозяйственными единицами. Как раз в 1934 – начале 1935-го налоговый прессинг преодолел порог неспособности индивидуальных хозяйств справляться с твёрдыми заданиями.

Это с одной стороны, а с другой – только-только власти отладили более-менее организацию труда в колхозах. Именно в этой связи большинство ксеньевцев стали колхозниками, и в целях оптимизации управления 9 марта 1935 г. колхоз «Память Ленина», равно как и сама деревня, был поделен пополам: создан ещё один колхоз – «Красный Чулым». В первом колхозе в разные годы числились примерно 60 крестьянских семей-хозяйств, во втором – 50. Кстати, этот факт говорит о тяготении ксеньевцев к непосредственной демократии в управлении колхозами, когда колхозники уже «повязаны» между собой практикой общей социально-экономической жизни, этикой повседневного деревенского общения. Дело в том, что это было логично исторически, ибо населённый пункт изначально в этом отношении был поделён на два территориально и общинно различных края – Сургундат и собственно Ксеньевка. Тем самым переход к принципу колхозного строительства, когда хозяйство не выходило за границы деревни, вёл в артельном самоуправлении к реанимации общинных норм жизни.

Ксеньевка была центром сельсовета. Всё это вместе превращало эту деревню, как уже отмечалось, в автономный первый анклав в составе формирующегося районного центра Асино. С 1933 года жители населённого пункта формально поделились на обладателей паспортов и беспаспортных. Как известно, колхозникам такой документ, идентифицирующий личность, не полагался. Однако в реальности отсутствие паспорта никоим образом не давало поводов колхозникам в повседневной жизни чувствовать себя ущербными. Данное обстоятельство является всего лишь маркером формирования двойственности в социокультурном плане поселенческого состава Асино. О том, что жители в приоритете адаптировались к новым социально-экономическим условиям, свидетельствует следующий факт. В списках населённых пунктов ОГПУ по Новокусковскому району, в которых в конце 1932 – начале 1933 гг. активизировались «контрреволюционные» действия, Ксеньевка всё-таки не фигурирует. Да и последующая в преемственности поколений память об этих переменах в сельской жизни не является раненой, она не сохранила трагизма этой страницы асиновской истории. И в Ксеньевке коллективизация сопровождалась экспроприацией, но высылки раскулаченных и не принятых в колхозы в отдалённые районы практически не происходило. Со временем крестьяне, ограбленные до и во время кампании ликвидации кулачества как класса, были интегрированы в колхозную и промышленную деятельность.

В некотором смысле «комбинированный» населённый пункт представлял собой фронт, где в сравнении с южными территориями практика раскулачивания оказалась смягчена, а при сопоставлении с более северными районами лишена жестоких реалий жизни спецпереселенцев. Крестьянство обобществило преимущественно земледельческую отрасль, которая в Сибири была чревата рисками неурожаев и, как следствие, периодических стрессов голода.

Ещё весной 1932 г. ЦК ВКП(б) осудил практику обобществления скота колхозников и призвал оказать членам колхозов, лишившимся или не имеющих по каким-то иным причинам коров и мелкого скота, помощь в приобретении и выращивании молодняка. К примеру, задача строительства колхозного скотного двора в Ксеньевке так и не была выполнена. Коровы и другие домашние животные в массе своей так и не покинули подворий, а идея ликвидации бескоровности оказалась продуктивной и для остальных асиновцев, будь то рабочие или служащие. К слову, остальное, так сказать, Асино в массе своей выживало также за счёт собственного подворья, а местные колхозы принуждаемы были получать доход от сдачи в аренду земель предприятиям и учреждениям Асина для ведения подсобного хозяйства. Одним словом, согласившись на колхоз, крестьяне делегировали ему компенсацию страховых случаев индивидуального выживания. В итоге базовые стереотипы и мотивы трудовой деятельности жителей деревни вследствие коллективизации не претерпели резких изменений. А если случался конфликт интересов с колхозом, легко можно было исхитриться поменять правовой статус на рабочего или служащего, не покидая пределов населённого пункта. На фоне возрастающей потребности в рабочей силе в районном центре это не составляло труда. Таким образом, форсированного поглощения Ксеньевки как сосредоточия сельского хозяйства промышленным производством, предписываемого новому населённому пункту, не случилось. Становление Асина происходило на фоне сохранения функции центра сельскохозяйственной округи, изначально заимствованной у Новокускува. Асино вынуждено было формироваться и справляться с функциональной нагрузкой администрирования крупным районом, к тому же разделённым рекой Чулымом (то есть сложным для управления).

Асино было типичным районным центром-селом, вместе с тем перспектива вырасти и стать городом подразумевалась. В административном отношении статус райцентра воспринимался, так сказать, на вырост.

Название «Асиновский район» по факту закрепилось как-то стихийно и вынужденно в связи с требованиями краевого начальства навести однообразный порядок в отчётности в части названий, обозначений и адресов. В новой формирующейся конфигурации населённого пункта не было улиц, а по обычным деревенским понятиям те или иные отдельные зоны или же специфические участки именовались «краями» и «углами». Реальные практики жизни ещё не поспевали за модернизационными начинаниями. Адресами озаботились позже, да и то в почтовые адреса сначала перекочёвывали принятые в быту обозначения. О сумбурности и неразберихе становления нового населённого пункта – Асино в пору, когда районное начальство рекомендовало «сломить болтовню», что строительства железной дороги не будет, свидетельствует занятая управленческая ситуация районного масштаба, имевшая место в 1933 г. Ещё 23 января на заседании президиума Новокукуковского РИКа было принято решение просить крайисполком переименовать район в Причулымский, а д. Ксеньевку – в п. Причулымский. Просьба не была удовлетворена – дала название и району, и его центру железнодорожная станция Асино, которая, кстати, фигурирует в «Агроэкономическом паспорте Новокукуковского

района на 1 января 1931 года». Районное начальство продолжало упорствовать: 27 октября 1933 г., когда вопрос о названии райцентра был необратимо решён, президиум Асиновского РИКа всё же ходатайствовал на отмене пункта 17 Постановления ЦИК СССР от 7 июня 1933 г., «так как корреспонденция нашего района засылается в Ачинский район и Асиновский рудник».

Всякие сомнения относительно того, что изначально Асино и Ксеньевка воспринимались как соседние самостоятельные территориально-административные единицы, отпадают после обращения к очень репрезентативной и в своё время секретной «Докладной записке» от 15 февраля 1935 г. Асиновского райкома ВКП(б) для бюро Запсибкрайкома ВКП(б), характеризующей район и подписанной первым секретарём П. А. Порадеевым. В разделе «Состояние благоустройства района» содержится следующее утверждение-очевидность: «Центр Асинского района образован в июле месяце 32 года на новой совершенно не обжитой площади в полукилометре от небольшой деревушки, так называемой «Ксеньевки», ранее он находился в селе Новокусково, т. е. в 8 клм от сегодняшнего центра. В связи с прокладкой ж. д. линии Томск – Енисейск и образованием ж. д. станции около деревни Ксеньевки – было разрешено перенесение центра района к месту предполагаемой постройки станции». Цитата подтверждает: когда в апреле 1933 г. создание промышленного центра и строительство железной дороги были окончательно поставлены на паузу, из различных вбираемых в пространство нового райцентра Асино территорий именно Ксеньевка, а не железнодорожный городок либо какие-то другие поселения стала первостепенной и опорной. Ввиду того, что в обозначенные годы индустриализация для Асина превратилась в мистификацию и его экономика должна была развиваться, как уже отмечено, на собственной основе. Район должен был самообеспечиваться не только продовольствием, но и большинством товаров народного потребления. Общая проблема развития местной промышленности, бытовой сферы и торговли в Асине ощущалась острее, так как рос управленческо-бюрократический аппарат, требующий обеспечения. К примеру, в докладной записке первый секретарь райкома партии даёт характеристику районного центра, в том числе с точки зрения управленческой инфраструктуры, и специально заостряет внимание на проблемах снабжения и благоустройства. Следует заметить, что секретарь райкома П. А. Порадеев, по-видимому, был в дружеских отношениях с секретарём крайкома Р. И. Эйхе; по крайней мере, факт личной переписки и личностная тональность делового общения это подтверждают. Так, летом 1935 г. он ездил в Новосибирск, чтобы, наряду с прочими делами, лично обосновать заявку на финансирование строительства в Асине «раймага Сибторга».

Не приходится сомневаться, что личность П. А. Порадеева в сложный период становления районного центра Асино сыграла исключительную роль. К примеру, 22 июня 1935 г. на заседании бюро райкома ВКП(б) с повесткой «Об электрическом освещении районного центра» он волевым способом провёл решение «обязать хозяйственные организации выделить средства на покупку требующихся электроматериалов». Более того, впоследствии он настоял на жёстком партийном дисциплинарном взыскании директору льнозавода за невыполнение не вполне корректного с правовой точки зрения решения. Бла-

годаря его настойчивости в 1936–1937 гг. был построен запланированный ещё при прежнем секретаре Дом социалистической культуры на 200 мест. Это был уже не просто атрибут районного центра, а задел будущего города.

Конечно же, актуальным был вопрос снабжения некрестьянского населения продуктами питания. Как известно, с 1929 по 1934 годы вопрос решался в рамках карточно-распределительной системы. Для партийных и советских должностных работников существовал специальный распределитель продуктов и товаров. Через него конфиденциально обеспечивались до 20 ответственных работников. Некрестьянское население Асина, даже ведя вполне сельский образ жизни, кормившееся отчасти с подворий, всё же получало зарплату, и потому от него исходил запрос на услуги торговли и бытовой сферы. Спрос стимулировал хозяйственную деятельность колхозников. Колхозы Асина оставались своеобразным драйвером всей местной экономики. После выполнения хлебозаготовительного плана в них начиналась кампания по хлебозакупке. От имени государства его вела потребкооперация. Закупочные цены на 20–25 процентов превышали цены, по которым оплачивали хлебопоставки, но уступали рыночным. Воссоздавалась рыночно-базарная торговля колхозников и единоличников. С 1932 г. на въездах в районные центры оборудовались базарные площади, на которых крестьяне могли быстро и удобно продать излишки личного подсобного хозяйства и закупить товары народного потребления. Надо отметить, что районный колхозный базар появился в Новокусково, там он работал три дня в неделю, а после переноса его в Асино на нём торговали уже без выходных.

Таким образом, исторический транзит от Ксеньевки к Асину происходил в условиях управленческого казуса, когда административная нагрузка, так сказать, на вырост материально извне не обеспечивалась. Амбициозные планы по строительству нового города остались нереализованными. Выйти за административные пределы сельского населённого пункта не удалось, однако нельзя говорить, что к 1937 г. (то есть к концу переходного периода) функции районного центра ему были приданы искусственно. С момента, когда ксеньевцев стали вписывать во вновь формирующийся новый населённый пункт – райцентр Асино, его численность выросла ненамного (примерно на 1000 чел.) и в 1936 г. составила 2717 человек. Однако в таком производственно-демографическом и административно-культурном формате село Асино оказалось готовым к взрывному росту демографии в последующие годы.

Это и есть содержательная особенность исторического транзита от Ксеньевки к Асину. Пространственно село являло собой лишь подобие своеобразной агломерации, каковая была обычно свойственна вновь создаваемым в период индустриализации рабочим посёлкам. Хотя частично уже имело место ведомственное обслуживание культурно-бытовых нужд населения. В социокультурном отношении Асино было неоднородным: вчерашние ксеньевцы имели благоприятные условия не «консервироваться» в социальном статусе колхозного крестьянства, вновь прибывающие в Асино так и не обрели черт пролетариата или же с трудом поддерживали статус интеллигентской классовой прослойки. В Асине реалии не позволяли власти вести радикальную политику по стиранию граней между городом и деревней, хотя ещё в 1920-х

гг. понятие «смычка города и деревни» в Ксеньевке было на слуху и даже модно. Противоречивость асиновских реалий до возобновления строительства железной дороги парадоксальным образом смягчалась мобилизационным характером всей жизни страны в годы первых пятилеток. Объяснение эффективности индустриализации и урбанизации только действием тоталитарной социально-экономической государственной политики само по себе не может быть методологически удовлетворительным. Население страны вообще и Асина в частности оказалось предрасположенным решать грандиозные модернизационные задачи, ибо при всём явственном социально-классовом смешении ментально оно оставалось однородным. Как отмечает историк, классик российского крестьяноведения А. В. Гордон: «Свойства русского народа во многом типичны для народа, который до позднейшего времени оставался крестьянским. Даже в индустриальную эпоху социальное планирование не смогло преодолеть культурно и психологически укоренённой ритмики земледельческого труда; импульсивность и страдная психология, крестьянская способность к предельному, кратковременному напряжению сил использовалась в авральной методике выполнения производственных планов».

Ни рабочим посёлком, ни тем более городом в проанализированный период он не стал, опролетаривания населения не случилось. Однако предпосылки к тому были созданы. Тем самым перед отложенной перспективой становится промышленным городом, образно говоря, дверь изнутри оставалась открытой.

Р. С. Особо трепетно асиновское культурное сообщество относится к названию своего города. О легендарной девушке «редкого обаяния и красоты» Асе, погибшей во время строительства Томск-Чулымской железной дороги и в честь которой якобы назван город, написаны воспоминания, стихи, легенда театрализована, и она уже сама по себе стала культурно-исторической страницей земли асиновской. Любое событие имеет право стать историческим нарративом, если оно не только красиво, но и доказано. Действительный факт трагической гибели красивой и доброй девушки-нормировщицы в связи с задержкой выплаты заработной платы строителям железной дороги, одним словом, идеализирован в памяти народной. Однако «жестокий» элементарный аудит на историческую достоверность лишает права населённый пункт называться в честь этой девушки, ну по крайней мере в связи с её гибелью... Дело в том, что трагические обстоятельства случились в 1933 году, а станция Асино как конечный пункт железной дороги в документальных источниках уже числится в начале 1930 года.

Имеется и модернизированная, ещё не распиаренная версия о девушке Асе. Якобы инженер Степанов Д. П., начальник строительства Томск-Чулымской железной дороги ещё в 1916 году, когда ему было 33 года, пообещал своей юной красавице избраннице, 16-летней дочери омского жандармского полковника, назвать в её честь какую-либо железнодорожную станцию. И вот случай представился в самом начале строительства вышеназванной железной дороги, в котором она также принимала участие. Звали жену инженера Софья, но якобы он её ласково называл Ася. Версия как гипотеза имеет право на

существование, но представляется явно сказочной и требующей более убедительной аргументации.

Бытует в информационном пространстве ещё один, менее популярный вариант происхождения названия города. Он вполне убедителен в контексте социокультурной и общественно-политической обстановки рубежа 1920–1930-х годов. Итак, конечная станция железной дороги располагалась вблизи деревни Ксеньевка, названной так в 1896 году в честь Великой княгини Ксении, сестры Николая Второго. Ввиду того, что конечная станция и деревня планировались к слиянию в город и районный центр с 30-тысячным населением, такое его старорежимное название явно не укладывалось в советское классовое сознание, и предпочтение по определению отдавалось альтернативному топониму. Так оно в конечном итоге 7 июня 1933 года и произошло. Получается, буржуазный специалист, доказывающий свою лояльность Советской власти как инженер-путеец, оказался прозорливым. Инженеры-путейцы в дореволюционной России выделялись и технической, и гуманитарной образованностью, считались особой интеллигентской кастой, делая для советской страны полезное дело, задуманное ещё в царское время, он не чувствовал внутреннего предательства своих идеалов, ибо железные дороги были тогда атрибутом величия государственности. И вот как носитель и хранитель мировоззрения дореволюционного, он вполне мог на уровне посвящения сохранить старое благородное название населённого пункта. Ведь одним из уменьшительно-ласкательных производных имени Ксения является Ася. Одним словом, быть может, город по-прежнему носит имя Великой княгини?

«Поэтическое мастерство Сергея Есенина»

Так называется монография известного российского учёного-филолога, доктора педагогических наук Валерия Анатольевича Доманского, начинавшего научную карьеру в Томске после окончания ТГУ.

Автор книги, полюбивший с отроческих лет задушевные есенинские стихи, открывает тайны уникального мастерства певца России.

Поэтическое мышление Сергея Есенина сложилось благодаря близости к природе, крестьянскому миру, и горячей любви к литературе наряду с пытливостью ума и восприимчивостью характера. Здесь неизбежно вспоминается Николай Клюев. Но если у поэта олонечкой земли древесные гимны более относят нас к мистическому, мифическому, к древним сакральным смыслам, то у Сергея Есенина природа слита с душой поэта.

Ментальным образам поэтического мира Сергея Есенина автор монографии посвятил около сотни страниц, где читатель найдёт целую вселенную. Он раскрывает образы «врачующего простора» феноменального есенинского пейзажа, влюблённость молодой души поэта в лесные прогулки, теплоту крестьянского труда и отдыха, красоту нив, чистоту родников, звучание воды, синеву неба.

Отдельно хочется сказать о талантливом детальном рассмотрении колористического спектра поэзии Есенина. В. А. Доманский с любовью показывает все краски, оттенки цветов стихотворной ткани, видимые в поэтике мастера слова. И все оттенки чувств, ощущаемые в есенинской стихии, также преподнесены ярко и тонко.

Последняя часть монографии, «На пути к мастерству», являет собой три главы, в первой из которых рассматривается интерес Сергея Есенина к личности поэта Тараса Шевченко, и стремление пересказать его стихи, не утрачивая их ауру и смысл. Во второй главе говорится о значении Царского Села в жизни Есенина в тот период жизни, когда он находился там в качестве санитаря госпиталя, а также участвовал в возрождении русской культуры в Феодоровском городке, где его стихи высоко оценила царская семья и патриотическое окружение. В третьей главе излагается сущность полемического диалога двух поэтов: Сергея Александровича Есенина и его первоначального наставника и учителя Николая Алексеевича Клюева.

Монография имеет ценнейшее Приложение. Это поэма В. А. Доманского «Я рвался к вам», посвящённая памяти Есенина. Неоднозначно в наше время воспринимается талант и судьба большого русского поэта, и зачастую неверно интерпретируется его творчество, снижается высокий и глубокий смысл его самобытного мастерства. Автор поэмы напрямую обращается к той аудитории, которая превращает образ и слово поэта в кич.

Весьма ценными представляются разработки уроков литературы, которые говорят сами за себя. Их необходимо донести до всех учителей старших классов общеобразовательных школ.

*Елена ЛАНКИНА,
доцент ТГПУ*

**Наталья Ивановна
БУХАРОВА**

Родилась в 1956 году в г. Асино Томской области. Закончила Лесотехническую академию им. С. М. Кирова (г. Ленинград). Работала в заводской многотиражке и районных газетах. Азы литературного творчества постигала на практике благодаря старшим наставникам. Редактор-составитель книг об истории Асиновского района и районного образования. Основная тематика – краеведение, литература, изобразительное искусство (графика).

Живёт в Асино.

**Сергей Петрович
ВАСИЛЬЕВ**

Родился в 1959 году в г. Асино. В 1980 окончил Томский педагогический институт, учитель физкультуры. Позже овладел строительными специальностями: стекольщик, плотник, столяр.

В 2024 году принят в Творческий Союз художников России и вошёл в число лучших художников Томской области (резьба по дереву). Участник международного фестиваля ремёсел «Праздник топора».

Победитель областного конкурса «Слово» 2023-24 годов. Выпустил пять сборников стихов. Автор и исполнитель своих песен. Член Союза писателей России.

**Анна Алексеевна
ДАНИЛОВА**

Родилась в 2003 году в Новосибирске. Студентка филфака Томского университета, специализация «Литературное творчество» (литературная мастерская А. Н. Губайдуллиной). Лауреат III литературной премии им. А. С. Серафимовича в номинации «Жанро-

вая проза». Работает над сборником «локальных» сибирских рассказов. Публикуется в факультетском журнале «Речь».

**Тимофей Сергеевич
ЗАНИН**

Родился в 1990 году в Томске. Окончил Томский государственный университет по специальности «Связи с общественностью».

В 2020 году стал лауреатом губернаторской литературной премии в номинации «Дебют».

Поэтический сборник «Мы люди и этим похожи» (Томск, 2021). Публикации в журнале «Начало века».

Член Союза писателей России.

**Валентина Михайловна
ЗАРУБИНА**

Родилась в посёлке Мыльджино Каргасокского района Томской области в 1953 году. Окончила исторический факультет Томского университета. Работала учителем истории в школах Каргасокского района. Автор многих статей в методических сборниках. Почётный работник общего образования. Финалист премии «За нравственный подвиг учителя–2009». Координатор проекта «Прощение и память» (2006–2008 гг.). Почётный гражданин Каргасокского района (2024).

Живёт в селе Каргасок Томской области.

**Галина Ивановна
КЛИМОВСКАЯ**

Родилась в Сталинске (ныне Новокузнецк) в 1933 году. Окончила историко-филологический факультет Томского государственного университета. Доктор филологических наук. Труды по социолингвистике, стилистике худо-

жественной речи, синлексике русского языка. Автор учебных пособий по старославянскому языку и современной русской орфографии.

Автор поэтических книг и сборника избранных стихотворений «На том берегу» (2019). Автор повестей «Синий дым Китая», «Онка», «На всесторонней», «Согра», «Уфо», «Петербургские этюды», «Лунеющие облака» и других.

Живёт в Томске.

**Владимир Михайлович
КРЮКОВ**

Родился в 1949 году в селе Пудино на севере Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. Работал учителем в сельских школах, в школе зоны строгого режима, в правозащитных организациях.

Автор нескольких сборников стихотворений, книг прозы, книги воспоминаний «Заметки о нашем времени». Член Союза российских писателей.

Живёт в селе Тимирязевском под Томском.

**Елена Евгеньевна
ЛАНКИНА**

Родилась в 1960 году в Усть-Каменогорске. Окончила школу с золотой медалью, музыкальное училище (фортепиано), музыкально-педагогический факультет ВКГУ с отличием, аспирантуру.

Преподавала в университетах Усть-Каменогорска, Бийска, Томска. С 2022 года преподаватель ТГПК. Авторские сборники стихов: «Спектр чувств», «Как цветы сияйте», «За всё Спасителя благодарю», и в соавторстве – «Вдохновение Алтая». В 2024 году на родине издан сборник «Елена Ланкина. Избранная лирика».

С 2005 года живёт в Томске.

**Владимир Васильевич
МАНИЛОВ**

Родился 9 марта 1954 года в г. Волгограде. Выпускник геологоразведочного факультета Томского политехнического института 1983 года. До 2017 года жил в Томске. Руководил клубом «Старый Томск». Автор-составитель книги «Томские фотографии» (2024 г.)

В настоящее время пенсионер.

**Сергей Валерьевич
ЛУШНИКОВ**

Родился в 1953 году на Байкале, в посёлке Хужир Иркутской области. Детство и юность прошли в Забайкалье. В 1978-м окончил Томский институт радиоэлектроники и электронной техники (ныне ТУСУР). Работал в сфере экологии. Владелец десятков патентов на изобретения в области машиностроения, медицины, биологии, один из авторов учебного пособия для вузов «Практическая экиобиотехнология».

Публиковался в периодических изданиях Томской области и Забайкалья, автор нескольких книг. Член Российского союза писателей. Живёт в Томске.

**Павел Павлович
РУБАНОВ**

Родился в 2001 году. Окончил томский Гуманитарный лицей. Сейчас студент филфака Томского университета, специализация «Литературное творчество». Это его дебют на журнальных страницах.

**Александр Сергеевич
ТАРАЗАНОВ**

Родился в 1954 году в Томске. Служил в рядах СА (стройбат). Окончил Томский коммунально-строительный техникум и был рабочим, электриком, кочегаром и т. д.

В 2001 году со своей женой Ириной Киселёвой выпустил совместный сборник стихов «Прикосновение». Первый опыт прозы опубликован в интернет-журнале «Наша улица» в 2015 году (рассказ «Игнат и попугай»).

Постоянный автор журнала «Начало века». Лауреат Международного литературного фестиваля «Балтийский гаммаюн» (г. Вильнюс).

**Сергей Иванович
ТОЛСТОВ**

Родился в 1962 году в деревне Больше-Жирово Асиновского района Томской области в многодетной семье рядовых колхозников. Окончил исторический факультет ТГУ. Обучался в Томском экономико-юридическом институте, проходил курсы повышения квалификации по специальности «Государственное и муниципальное управление» и др. Занимался производственно-предпринимательской деятельностью. Работал учителем истории, научным сотрудником Асиновского филиала краеведческого музея и т. д. Кандидат исторических наук. 30 научных публикаций в региональных и центральных издательствах, в том числе соавторство в коллективной монографии.

В настоящее время доцент кафедры истории России ТГПУ. Живёт в Томске.

**Анфиса Сергеевна
ТРЕТЬЯКОВА**

Родилась и живёт в Симферополе. Студентка Института филологии им. В. И. Вернадского.

Финалист Национальной литературной премии «Слово» (2024 г.).

Внештатный корреспондент газеты «МК в Крыму». Публиковалась в «Литературной газете», в журналах «Россий-

ский колокол», «Истоки», «Москва», «Александръ» и других.

**Наталья Ивановна
ТУРАШЕВА**

Родилась в Анжеро-Судженске Кемеровской области в 1951 году. Окончила Кузбасский политехнический институт. Работала на производстве в Сызрани и Анжеро-Судженске. Десять лет преподавала в химико-технологическом техникуме (политехнический колледж). Автор книг «Поэтическая натура», «Закон звезды». Публиковалась в сборнике «Раздумье» литературной студии города Анжеро-Судженска.

Живёт в Томске.

**Яна
ФИЛАР (Румянцева)**

Писатель, графический дизайнер и иллюстратор. Автор двух романов, изданных в издательствах ЭКСМО и RUGRAM. Один из них вошёл в топ продаж на выставке non/fictio№26. Призёр прозаического турнира XII Литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Член Совета молодых литераторов Кузбасса. Живёт в Кемерово.

**Оксана Борисовна
ЧАЙКОВСКАЯ**

Родилась в селе Кожевниково Томской области. Журналист, окончила ТГУ. С 1989 года работала в газетах Томска, в журнале «Персона». Стихи и проза публиковались в российских журналах. В 2007 году вышла первая поэтическая книжка «Перо птицы Феникс», в 2019-м – вторая, «Зимняя девочка», оформленная собственными иллюстрациями.

Член Союза российских писателей.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В. Крюков

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: kryukov-49@mail.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2025 г.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 4.11.2025 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1